

Немецкие волшебные сказки

Иллюстрации
Александра Зика

Свыше сорока цветных иллюстраций
Александра Зика к двадцати шести сказкам

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Alexander Zick

Александр Зик

НЕМЕЦКИЕ ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

В иллюстрациях
Александра Зика

Санкт-Петербург
СЗКЭО

ББК 84(4)
УДК 821.112.2
360

360 **Немецкие волшебные сказки в иллюстрациях Александра Зика.** — Санкт-Петербург: СЗКЭО, 2021. — 232 с., ил.

Сборник включает двадцать шесть немецких сказок в изложении различных авторов: братьев Гримм, Людвига Бехштейна, Иоганна Петера Гебеля, Клеменса Брентано, Рихарда фон Фолькман-Леандера, Вильгельма Гауфа и Джамбаттисты Базиле. Сюжеты многих из них знакомы российским читателям, другие сказки менее известны. Все сказки сборника проиллюстрированы великолепными цветными рисунками признанного мастера книжной иллюстрации — немецкого художника Александра Зика.

*Титульный лист немецкого издания волшебных сказок
с иллюстрациями Александра Зика*

Золотой ключ

Вимой, в то время, как выпал глубокий снег, один бедный малый должен был выйти из дома и на дровнях навозить дров. Когда он их набрал в лесу и навалил на дровни, то так иззяб, что задумал сначала развести огонек и около него погреться, а потом уже отправиться домой.

Вот и стал он снег сгребать и расчищать местечко до самой земли, чтоб разложить огонь, и при этой расчистке нашел маленький золотой ключик.

И пришло ему в голову, что где ключ, там и замок должен быть; и точно: стал рыться в земле и отыскал железный ларец.

«Да подойдет ли еще ключик-то? — подумал он. — Ведь в ларце-то, верно, ценные вещи».

Стал он оглядывать ларец, искать замочную скважину, наконец разыскал ее: такая малюсенькая, что чуть глазу приметна... Попробовал ключ вставить, ключ как раз пришелся. Вот он его разочек повернул, стал отпирать, а мы уж с вами будем ожидать, пока он тот ларец откроет да все в нем диковинки перероеет, — тогда он о них нам расскажет, а может быть, и покажет...

Гензель и Гретель

В большом лесу на опушке жил бедный дровосек со своей женою и двумя детьми: мальчишку-то звали Гензель, а девочочку — Гретель.

У бедняка было в семье и скудно и голодно; а с той поры, как наступила большая дороговизна, у него и насущного хлеба иногда не бывало.

И вот однажды вечером лежал он в постели, раздумывая и ворочаясь с боку на бок от забот, и сказал своей жене со вздо-

хом: «Не знаю, право, как нам и быть? Как будем мы детей питать, когда и самим-то есть нечего?»

— А знаешь ли что, муженек, — отвечала жена, — завтра ранешенько выведем детей в самую чащу леса; там разведем им огонек и каждому дадим еще по кусочку хлеба в запас, а затем уйдем на работу и оставим их там одних. Они оттуда не найдут дороги домой, и мы от них избавимся.

— Нет, женушка, — сказал муж, — этого я не сделаю. Невмоготу мне своих деток в лесу одних оставлять — еще, пожалуй, придут дикие звери да и растерзают.

— Ох ты, дурак, дурак! — отвечала она. — Так разве же лучше будет, как мы все четверо станемдохнуть с голода, и ты знай строгай доски для гробов.

И до тех пор его пилила, что он наконец согласился.

— А все же жалко мне бедных деток, — говорил он, даже и согласившись с женой.

А детки-то с голоду тоже заснуть не могли и слышали все, что мачеха говорила их отцу. Гретель плакала горькими слезами и говорила Гензелю:

— Пропали наши головы!

— Полно, Гретель, — сказал Гензель, — не печалься! Я как-нибудь ухитрюсь помочь беде.

И когда отец с мачехой уснули, он поднялся с постели, надел свое платьишко, отворил дверку да и выскользнул из дома.

Месяц светил ярко, и белые голыши, которых много валялось перед домом, блестели, словно монетки. Гензель наклонился и столько набрал их в карман своего платья, сколько влезть могло.

Потом вернулся домой и сказал сестре:

— Успокойся и усни с Богом: Он нас не оставит, — и улегся в свою постельку.

Чуть только стало светать — еще и солнце не всходило, — пришла к детям мачеха и стала их будить:

— Ну, ну, подымайтесь, лентяи, пойдем в лес за дровами!

Затем она дала каждому по кусочку хлеба на обед и сказала:

— Вот вам хлеб на обед, только смотрите прежде обеда его не съешьте, ведь уж больше-то вы ничего не получите.

Гретель взяла хлеб к себе под фартук, потому что у Гензеля карман был полнехонек камней. И вот они все вместе направились в лес.

Пройдя немного, Гензель приостановился и оглянулся на дом, и потом еще и еще раз.

Отец спросил его:

— Гензель, что ты там зеваешь и отстаешь? Изволь-ка прибавить шаг.

— Ах, батюшка, — сказал Гензель, — я все посматриваю на свою белую кошечку: сидит она там на крыше, словно со мною прощается.

Мачеха сказала:

— Дурень! Да это вовсе и не кошечка твоя, а белая труба блестит на солнце.

А Гензель и не думал смотреть на кошечку, он все только потихонечку выбрасывал на дорогу из своего кармана по камешку.

Когда они пришли в чащу леса, отец сказал:

— Ну, собирайте, детки, валежник, а я разведу вам огонек, чтобы вы не озябли.

Гензель и Гретель натаскали хворосту и навалили его гора горой. Костер запалили, и, когда огонь разгорелся, мачеха сказала:

— Вот, прилягте к огоньку, детки, и отдохните; а мы пойдем в лес и нарубим дров. Когда мы закончим работу, то вернемся к вам и возьмем с собой.

Гензель и Гретель сидели у огня, и, когда наступил час обеда, они съели свои кусочки хлеба. А так как им слышны были удары топора, то они и подумали, что их отец где-нибудь тут же, недалеко.

А постукивал-то вовсе не топор, а простой сук, который отец подвязал к сухому дереву: его ветром раскачивало и ударило о дерево.

Сидели они, сидели, стали у них глаза слипаться от усталости, и они крепко уснули.

Когда же они проснулись, кругом была темная ночь.

Гретьель стала плакать и говорить:

— Как мы из лесу выйдем?

Но Гензель ее утешал:

— погоди только немножко, пока месяц взойдет, тогда уж мы найдем дорогу.

И точно, как поднялся на небе полный месяц, Гензель взял сестричку за руку и пошел, отыскивая дорогу по гольшам, которые блестели, как заново отчеканенные монеты, и указывали им путь.

Всю ночь напролет шли они и на рассвете пришли-таки к отцовскому дому. Постучались они в двери, и когда мачеха отперла и увидела, кто стучался, то сказала им:

— Ах вы, дрянные детишки, что вы так долго заспались в лесу? Мы уж думали, что вы и совсем не вернетесь.

А отец очень им обрадовался: его и так уж совесть мучила, что он их одних покинул в лесу.

Вскоре после того нужда опять наступила страшная, и дети слышали, как мачеха однажды ночью еще раз стала говорить отцу:

— Мы опять все съели; в запасе у нас всего-навсего полкаравая хлеба, а там уж и песне конец! Ребят надо спровадить; мы их еще дальше в лес заведем, чтобы они уж никак не могли разыскать дороги к дому. А то и нам пропадать вместе с ними придется.

Тяжело было на сердце у отца, и он подумал: «Лучше было бы, кабы ты и последние крохи разделил со своими детками». Но жена и слушать его не хотела, ругала его и высказывала ему всякие упреки.

«Назвался груздем, так и полезай в кузов!» — говорит пословица; так и он: уступил жене первый раз, должен был уступить и второй.

А дети не спали и к разговору прислушивались. Когда родители заснули, Гензель, как и в прошлый раз, поднялся с постели и хотел набрать голышей, но мачеха заперла дверь на замок, и мальчик никак не мог выйти из дома. Но он все же унимал сестричку и говорил ей:

— Не плачь, Гретель, и спи спокойно. Бог нам поможет.

Рано утром пришла мачеха и подняла детей с постели. Они получили по куску хлеба — еще меньше того, который был им выдан в прошлый раз.

По пути в лес Гензель искрошил свой кусок в кармане, часто приостанавливался и бросал крошки на землю.

— Гензель, что ты все останавливаешься и оглядываешься, — сказал ему отец, — ступай своей дорогой.

— Я оглядываюсь на своего голубка, который сидит на крыше и прощается со мной, — отвечал Гензель.

— Дурень! — сказала ему мачеха. — Это вовсе не голубок твой, это труба белеет на солнце.

Но Гензель все же мало-помалу успел разбросать все крошки по дороге.

Мачеха еще дальше завела детей в лес, туда, где они отродясь не бывали.

Опять был разведен большой костер, и мачеха сказала им:

— Посидите-ка здесь, и коли умаетесь, то можете и поспать немного; мы пойдем в лес дрова рубить, а вечером, как кончим работу, зайдем за вами и возьмем вас с собой.

Когда наступил час обеда, Гретель поделилась своим куском хлеба с Гензелем, который свою порцию раскрошил по дороге.

Потом они уснули, и уж завечерело, а между тем никто не приходил за бедными детками.

Проснулись они уже тогда, когда наступила темная ночь, и Гензель, утешая свою сестричку, говорил:

— погоди, Гретель, вот взойдет месяц, тогда мы все хлебные крошечки увидим, которые я разбросал, по ним и отыщем дорогу домой.

Но вот и месяц взошел, и собрались они в путь-дорогу, а не могли отыскать ни одной крошки, потому что тысячи птиц, порхающих в лесу и в поле, давно уже те крошки поклевали.

Гензель сказал сестре:

— Как-нибудь найдем дорогу. — Но дороги не нашли.

Так шли они всю ночь и еще один день с утра до вечера и все же не могли выйти из леса и были страшно голодны, потому что должны были питаться одними ягодами, которые кое-где находили по дороге. И так как они притомились и от истомы уже еле на ногах держались, то легли они опять под деревом и заснули.

Настало третье утро с тех пор, как они покинули родительский дом. Пошли они опять по лесу, но сколько ни шли, все только глубже уходили в чащу его, и если бы не подоспела им помощь, пришлось бы им погибнуть.

В самый полдень увидели они перед собой прекрасную белоснежную птичку; сидела она на ветке и распевала так

сладко, что они приостановились и стали к ее пению прислушиваться. Пропевши свою песенку, она расправила свои крылышки и полетела, и они пошли за ней следом, пока не пришли к избушке, на крышу которой птичка уселась.

Подойдя к избушке поближе, они увидели, что она вся из хлеба построена и печеньем покрыта, да окошки-то у нее были из чистого сахара.

— Вот мы за нее и примемся, — сказал Гензель, — и покушаем. Я вот съем кусок крыши, а ты, Гретель, можешь себе от окошка кусок отломить — оно, небось, сладкое.

Гензель потянулся кверху и отломил себе кусочек крыши, чтобы отведать, какова она на вкус, а Гретель подошла к окошку и стала обглаживать его оконницы.

Тут из избушки вдруг раздался пискливый голосок:

Стуки-бряки под окном?
Кто ко мне стучится в дом?

А детки на это отвечали:

Ветер, ветер, ветерок,
Неба ясного сынок! —

и продолжали по-прежнему кушать.

Гензель, которому крыша пришлась очень по вкусу, отломил себе порядочный кусок от нее, а Гретель высадила себе целую круглую оконницу, тут же у избушки присела и лакомилась на досуге — и вдруг распахнулась настежь дверь в избушке, и старая-престарая старуха вышла из нее, опираясь на костыль.

Гензель и Гретель так перепугались, что даже выронили свои лакомые куски из рук. А старуха только покачала головой и сказала:

— Э-э, детушки, кто это вас сюда привел? Войдите-ка ко мне и останьтесь у меня, зла от меня никакого вам не будет.

Она взяла деток за руку и ввела их в свою избушечку. Там на столе стояла уже обильная еда: молоко и сахарное печенье, яблоки и орехи. А затем деткам были постланы две чистенькие постельки, и Гензель с сестричкой, когда улеглись в них, подумали, что в самый рай попали.

Но старуха-то только прикинулась ласковой, а в сущности была она злой ведьмой, которая детей подстерегала и хлебную избушку свою для того только и построила, чтобы их приманивать.

Когда какой-нибудь ребенок попадался в ее лапы, она его убивала, варила его мясо и пожирала, и это было для нее праздником. Глаза у ведьм красные и не дальнзоркие, но чутье у них такое же тонкое, как у зверей, и они издалека чуют приближение человека. Когда Гензель и Гретель только еще подходили к ее избушке, она уже злобно посмеивалась и говорила насмешливо:

— Эти уж попались — небось, не ускользнуть им от меня.

Рано утром, прежде нежели дети проснулись, она уже поднялась, и, когда увидела, как они сладко спят и как румянец играет на их полных щечках, она пробормотала себе под нос:

— Лакомый это будет кусочек!

Тогда взяла она Гензеля в свои жесткие руки и снесла его в маленькую клетку и приперла в ней решетчатой дверкой: он мог там кричать сколько душе угодно — никто бы его и не услышал. Потом пришла она к сестричке, растолкала ее и крикнула:

— Ну, поднимайся, лентяйка, натаскай воды, свари своему брату чего-нибудь повкуснее. Я его посадила в особую клетку и стану его откармливать. Когда он ожиреет, я его съем.

Гретель стала было горько плакать, но только слезы даром тратила — пришлось ей все то исполнить, чего от нее злая ведьма требовала.

Вот и стали бедному Гензелю варить самое вкусное кушанье, а сестричке его доставались одни только объедки.

Каждое утро пробиралась старуха к его клетке и кричала ему:
— Гензель, протяни-ка мне палец, дай пощупаю, скоро ли ты откормишься?

А Гензель просовывал ей сквозь решетку косточку, и подслеповатая старуха не могла приметить его проделки и, принимая косточку за пальцы Гензеля, дивилась тому, что он совсем не жиреет.

Когда прошло недели четыре и Гензель все по-прежнему не жирел, тогда старуху одолело нетерпенье, и она не захотела дольше ждать.

— Эй ты, Гретель, — крикнула она сестричке, — проворней наноси воды! Завтра хочу я Гензеля заколоть и сварить — каков он там ни на есть, худой или жирный!

Ах как сокрушалась бедная сестричка, когда пришлось ей воду носить, и какие крупные слезы катились у нее по щекам!

— Боже милостивый! — воскликнула она. — Помоги же Ты нам! Ведь если бы дикие звери растерзали нас в лесу, так мы бы, по крайней мере, оба вместе умерли!

— Перестань пустяки молоть! — крикнула на нее старуха. — Все равно ничто тебе не поможет!

Рано утром Гретель уже должна была выйти из дома, повесить котелок с водой и развести под ним огонь.

— Сначала займемся печеньем, — сказала старуха, — я уж печь затопила и тесто вымесила.

И она толкнула бедную Гретель к печи, из которой пламя даже наружу выбивалось.

— Полежай туда, — сказала ведьма, — да посмотри, достаточно ли в ней жару и можно ли сажать в нее хлеба.

И когда Гретель наклонилась, чтобы заглянуть в печь, ведьма собиралась уже притворить печь заслонкой: «Пусть и она там испечется, тогда и ее тоже съем».

Однако же Гретель поняла, что у нее на уме, и сказала:

— Да я и не знаю, как туда лезть, как попасть в нутро?

— Дурища! — сказала старуха. — Да ведь устье-то у печки настолько широко, что я бы и сама туда влезть могла, — да, подойдя к печке, и сунула в нее голову.

Тогда Гретель сзади так толкнула ведьму, что та разом очутилась в печке, да и захлопнула за ведьмой печную заслонку, и даже засовом задвинула.

Ух как страшно взвыла тогда ведьма! Но Гретель от печки отбежала, и злая ведьма должна была там сгореть.

А Гретель тем временем прямехонько бросилась к Гензелю, отперла клетку и крикнула ему:

— Гензель! Мы с тобой спасены — ведьмы нет более на свете!

Тогда Гензель выпорхнул из клетки, как птичка, когда ей отворят дверку.

О, как они обрадовались, как обнимались, как прыгали кругом, как целовались! И так как им уж некого было бояться, то они пошли в избу ведьмы, в которой по всем углам стояли ящики с жемчугом и драгоценными камнями.

— Ну, эти камешки еще получше голышей, — сказал Гензель и набил ими свои карманы, сколько влезло; а там и Гретель сказала:

— Я тоже хочу немножечко этих камешков захватить домой, — и насыпала их полный фартучек.

— Ну, а теперь пора в путь-дорогу, — сказал Гензель, — чтобы выйти из этого заколдованного леса.

И пошли — и после двух часов пути пришли к большому озеру.

— Нам тут не перейти, — сказал Гензель, — не вижу я ни жердинки, ни мосточка.

— И кораблика никакого нет, — сказала сестричка, — а зато вон там плавает белая утка. Коли я ее попрошу, она, конечно, поможет нам переправиться, и крикнула утке:

Уточка, красавица!
Помоги нам переправиться;
Ни мосточка, ни жердинки,
Перевези же нас на спинке.

Уточка тотчас к ним подплыла, и Гензель сел к ней на спинку и стал звать сестру, чтобы та села с ним рядышком.

— Нет,— отвечала Гретель, — уточке будет тяжело; она нас обоих перевезет поочередно.

Так и поступила добрая уточка, и, после того как они благополучно переправились и некоторое время еще шли по лесу, лес стал им казаться все больше и больше знакомым, и наконец они увидели вдали дом отца своего.

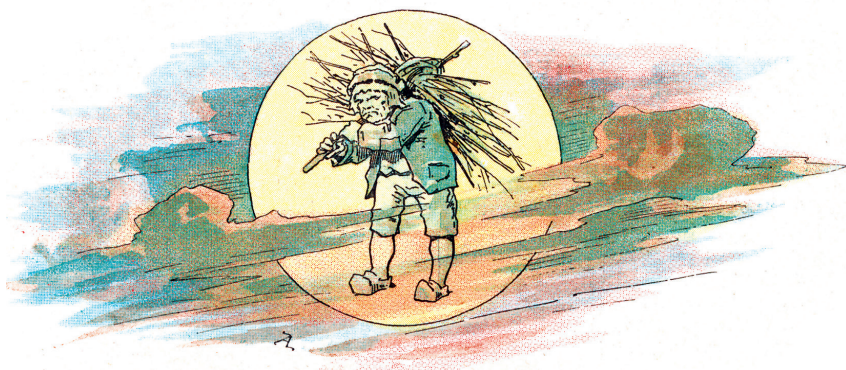
Тогда они пустились бежать, добежали до дому, ворвались в него и бросились отцу на шею.

У бедняги не было ни часу радостного с тех пор, как он покинул детей своих в лесу; а мачеха тем временем умерла.

Гретель тотчас вытрясла весь свой фартучек — и жемчуг и драгоценные камни так и рассыпались по всей комнате, да и Гензель тоже стал их пригоршнями выкидывать из своего кармана.

Тут уж о пропитании не надо было думать, и стали они жить да поживать да радоваться.

Моей сказочке конец.
По лесу бежит песец.
Кто поймать его сумеет,
Тот и шубу заимеет.

Человек на Луне

Однажды в стародавние времена чудесным воскресным утром пошел человек в лес, чтобы набрать там хвороста. Набрав его, он сделал из него связку, в ее середину воткнул он большую палку, взвалил ее на плечо и потащил свою поклажу домой. По дороге он встретил прохожего приятной наружности и в парадных белых одеждах. Вероятно, тот направлялся в церковь. Увидав несущего хворост мужчину, прохожий остановился и спросил человека:

— Разве неведомо тебе, что с сотворения мира назначен день воскресный? В тот день отдыхал сам Господь от трудов праведных после того, как сотворил и растения, и животных, и самого человека! Не помнишь ты разве, что сказано в заповедях: чти день праздничный?

Конечно, человек мог бы и догадаться, что встречный был не кем иным, как самим Создателем. Однако характер у человека был скверный, и в ответ он пробурчал:

— Воскресенье на Земле или понедельник на Луне, мне до этого дела нет!

На что Господь ответил:

— Раз так, придется таскать тебе твой хворост вечно! И будешь ты стоять с ним на Луне, предупреждая всех живущих на

Земле, что в день воскресный не должны они осквернять свой отдых тяжелой работой!

С тех пор и стоит на Луне человек с вязанкой хвороста, и стоять там будет до скончания вечности!

Перчинка

 или-были однажды старик со старухой. Детей у них не было. Однажды пошел старик в поле и набрал целую корзину спелых бобов. Когда корзина была уже полна, старик взглянул на нее и вздохнул:

— Как бы я хотел, чтобы все эти бобы стали ребятишками!

Не успел он это сказать, как из корзины выпрыгнули крохотные человечки и закружили вокруг старика хоровод. Старику, однако, показалось, что столько малышей будет все же многовато, и он сказал:

— Хочу, чтобы эти крошки снова обернулись бобами!

Тотчас все человечки вскарабкались в корзину и стали бобами. Только одна бобовина осталась маленькой девочкой. Старик подобрал ее и понес домой. Малышка была такой крохотной, что старик решил назвать ее Перчинкой, ведь эту острую пряность любят все люди на свете.

Старуха очень обрадовалась Перчинке. Дни шли за днями, пока не случилось несчастье. Однажды старуха варила похлебку. Перчинка решила посмотреть на варево и взобралась на край котелка. На горе она не удержалась, упала в кипящую воду и тут же насмерть сварилась.

Когда настало время ужина, старики хватились, что Перчинки нигде нет. Они искали ее по всем углам своего жилища, но так и не нашли. Пришлось им садиться за стол без Перчинки. Однако, когда они стали наливать суп из котелка в миски, то обнаружили в нем плавающую мертвую Перчинку.

Старик и старуха стали плакать и причитать:

Наша любимая Перчинка погибла!
Перчинка погибла!

Эти крики услышал голубь. Он выдернул в горе свое перо
и проворковал:

Дорогая Перчинка погибла,
Старик и старуха плачут...

Это увидела яблоня. Она спросила у голубя:

— Почему ты выдернул свое перо?

А когда узнала причину, то сбросила все свои яблоки.

Фонтан, журчавший рядом с яблоней, увидел упавшие
яблоки и спросил:

— Почему ты сбросила свои плоды?

А яблоня в ответ прошелестела листвою:

Дорогая Перчинка погибла,
Старик и старуха плачут,
Голубь выдернул от горя перо...

Когда фонтан это услышал, он так расстроился, что в
нем иссякла вся вода. А в это время к фонтану спустилась
служанка королевы. Служанка хотела набрать в кувшин
воды, но не смогла это сделать. Тогда она спросила у фон-
тана:

— Куда пропала твоя вода?

А в ответ услышала:

Дорогая Перчинка погибла,
Старик и старуха плачут,
Голубь выдернул от горя перо,
Яблоня сбросила свои яблоки,
Дорогая Перчинка погибла...

От огорчения служанка уронила кувшин, и он разбился. Когда же королева спросила, отчего она разбила кувшин, то услышала:

Дорогая Перчинка погибла,
Старик и старуха плачут,
Голубь выдернул от горя перо,
Яблоня сбросила свои яблоки,
В фонтане иссякла вода,
Дорогая Перчинка погибла...

Королева от удивления и сожаления всплеснула руками и ударила себя в грудь, да так сильно, что сломала себе палец. Когда же король спросил свою супругу, отчего это случилось, то услышал:

Дорогая Перчинка погибла,
Старик и старуха плачут,
Голубь выдернул от горя перо,
Яблоня сбросила свои яблоки,
В фонтане иссякла вода,
Служанка разбила кувшин,
Дорогая Перчинка погибла...

Когда король это услышал, он в сердцах сорвал с головы свою корону и швырнул ее на каменный пол, да так сильно, что из нее выпали все драгоценные камни. Когда об этом узнали люди в городе, они спросили, почему так случилось, а король в ответ сказал:

Дорогая Перчинка погибла,
Старик и старуха плачут,

Голубь выдернул от горя перо,
Яблоня сбросила свои яблоки,
В фонтане иссякла вода,
Служанка разбила кувшин,
Королева сломала палец,
А король разбил корону.
Дорогая Перчинка погибла.

Бременские уличные музыканты

ыл у одного хозяина осел, который уж много лет сряду таскал да таскал кули на мельницу, да наконец-таки обессилел и начал становиться к работе непригодным. Хозяин стал соображать, как бы его с кóрму долой сбыть; но осел вовремя заметил, что дело не к добру клонится, убежал от хозяина и направился по дороге в Бремен: там, мол, буду я городским музыкантом.

Прошел он сколько-то по дороге и наткнулся на легавую собаку, которая лежала на дороге и тяжело дышала: видно было, что бежала издалека.

— Ну, что ты так запыхалась, Хватайка? — спросил осел.

— Ах, постарела ведь я да ослабла и к охоте негодна становлюсь, — отвечала собака, — так хозяин-то мой убить меня собирался! Ну я и удрала из дому! Да вот только не знаю, чем мне будет теперь хлеб заработать?

— А знаешь ли, что я придумал? — сказал осел. — Иду в Бремен и собираюсь там быть уличным музыкантом. Пойдем вместе, поступай тоже в музыканты. Я стану на лютне играть, а ты в медные тарелки бить.

Собака согласилась с удовольствием, и пошли они дальше.

Немного прошли, повстречали на дороге кота: сидит хмурый такой, пасмурный.

— Ну, тебе что не по нутру пришлось, Усатый? — спросил осел.

— Небось не очень развеселишься, когда до твоей шкуры добираться станут! — отвечал кот. — Из-за того, что я стар становлюсь и зубы у меня притупились и что я охотнее сижу за печкой да мурлычу, чем мышей ловлю, хозяйка-то моя вздумала меня утопить. Я, конечно, от нее таки улизнул и вот теперь и не знаю: куда голову приклонить?

— Пойдем с нами в Бремен. Ведь ты ночью вон какую музыку разводишь, значит, и в уличные музыканты пригодишься.

Коту совет показался дельным, и он пошел с ними по дороге. Пришлось затем нашим трем беглецам проходить мимо одного двора, и видят они: сидит на воротах петух и орет что есть мочи.

— Чего ты это орёшь во всю глотку, так что за ушами трещит? — спросил его осел.

— Да вот я предсказал на завтра хорошую погоду, — сказал петух, — потому что завтра Богородицын день; но из-за того, что завтра, в воскресенье, к нам гости будут, хозяйка все же без жалости велела меня заколоть на суп, и мне сегодня вечером наверно свернут шею. Ну и кричу я во все горло, пока могу.

— Ишь ведь, что выдумал, красная головушка! — сказал осел. — Да тебе же лучше с нами уйти! Идем мы в Бремен. Все это лучше смерти будет! Да и голос у тебя такой славный, а если мы все вместе заведем музыку, так это будет очень и очень недурно.

Понравилось петуху это предложение, и вот они все четверо направились далее.

Однако же в один день им не удалось добраться до Бремена. Вечером пришли они к лесу, где и задумали заночевать. Осел и собака легли у корня большого дерева, кот и петух за-

брались в ветви его, а петух взлетел даже на самую вершину дерева, где, ему казалось, всего безопаснее.

Прежде чем глаза сомкнуть, он еще раз огляделся во все стороны, и показалось ему, что вдали что-то светится; вот он и крикнул товарищам, что где-нибудь неподалеку есть жилье, потому как огонек мерцает.

Осел и сказал:

— Ну, так надо с места сниматься и еще-таки вперед брести, потому что тут приют у нас неважный.

Собака при этом подумала, что пара косточек да мясца ку-сочек ей были бы и очень кстати.

Вот и пошли они на огонек — и огонек светил все светлее, становился больше и больше — и наконец вышли они к ярко освещенному дому, который был разбойничьим притоном.

Осел был повыше всех, подошел к окошку да и стал смотреть.

— Ты что там видишь, Серый? — спросил петух.

— Что вижу? Накрытый стол, а на нем и яства, и питье, и разбойники за столом сидят и угощаются.

— Это бы и для нас не вредно было! — сказал петух.

— Да, да, хорошо бы и нам быть там! — сказал осел.

Тогда стали они между собою совещаться, как бы им ухитриться и разбойников из дома повыгнать...

Наконец-таки нашли способ. Осел должен был упереться передними ногами в подоконник, собака вспрыгнуть ему на спину, кот взобраться на спину собаки, а петух должен был взлететь и сесть коту на голову. Как установились, так по данному знаку разом и принялись за свою музыку: осел заревел, собака залаяла, кот замаяукал, а петух стал кукарекать. А потом и вломились в дом через окно, так что оконницы задрезбежали.

Разбойники, заслышав этот неистовый рев, повскакали со своих мест; им показалось, что в окно лезет какое-то страшное привидение, и они в ужасе разбежались по лесу.

Тут уселись наши четверо приятелей за стол, принялись за остатки ужина и так наелись, как будто им предстояло голодать недели с три.

Покончив с ужином, все четверо музыкантов загасили огни в доме и стали себе искать постели, каждый по своему вкусу и удобству.

Осел улегся на навозе, собака прикорнула за дверью, кот растянулся на очаге около теплой золы, а петух взлетел на шесток; и так как они все были утомлены своим долгим странствованием, то и заснули очень скоро.

Когда минула полночь и разбойники издали увидели, что огни в их доме погашены и все, по-видимому, спокойно, тогда их атаман сказал им:

— Чего мы это сдуру так пометались! — и велел одному из шайки пойти к дому и поразнюхать.

Посланный видит, что все тихо, и вошел в кухню, чтобы вздуть огня; подошел к очагу, и покажись ему кошачьи глаза за горящие уголья. Он и ткнул в них серной спичкой, чтобы огня добыть. Но кот шутить не любил: как вскочит, как фыркнет ему в лицо да как цапнет!

Разбойник с перепугу бросился к черному ходу, но и тут собака сорвалась со своего места да как укусит его в ногу!

Он пустился напрямик через двор мимо навозной кучи, а осел-то как даст ему задней ногой!

В довершение всего петух на своем шестке от этого шума проснулся, встрепенулся и заорал во всю глотку:

— Кукареку!

Побежал разбойник со всех ног к атаману и доложил:

— В доме там поселилась страшная ведьма! Она мне в лицодохнула и своими длинными пальцами поцарапала! А у дверей стоит человек с ножом — мне им в ногу пырнул! А на дворе дрыхнет какое-то черное чудище, которое на меня с дубиной накинулось. А на самом-то верху сидит судья да как крикнет: «Давай его, плута, сюда!» Едва-едва я оттуда и ноги уволок!

С той поры разбойники не дерзали уж и носа сунуть в дом, а четверым бременским музыкантам так в нем полюбилось, что их оттуда ничем было не выманить.

Кто их там видал, тот мне о них рассказывал, а я ему удружил — эту сказку сложил.

Три желания

Или однажды молодые супруги, и все в их жизни было хорошо, и были они вполне счастливы, если бы не одно сомнение, которое часто поселяется в благополучных домах. Им казалось, чего-то им все-таки не достает. В таких случаях у людей нередко возникают разные глупые желания, и наши Ганс с Лизеттой не были исключением. То хотели они стать богатыми землевладельцами, то завести себе целое стадо породистых коров и быков, то заполучить кованный сундук, забитый доверху золотыми талерами.

И вот однажды вечером, когда супруги сидели перед камином и щелкали щипцами орехи, из отверстия дымохода вдруг появилась маленькая женщина приятной наружности. На ней были белые одежды, от которых исходил приятный аромат роз. Свет в комнате померк, и только от фигурки неожиданной гостьи исходило приятное глазу сияние, от которого по стенам комнаты перебегали мягкие блики света. Необычное это явление было столь красивым, что Ганс с Лизеттой не смогли даже толком испугаться.

Когда же супруги немного пришли в себя, их неожиданная гостья заговорила нежным, чистым голосом:

— Не бойтесь, я горная фея Анна Фриц. Мой хрустальный дворец расположен высоко в горах. Своей рукой я подсыпаю золотые крупинки в песчаные плесы Рейна, и мне прислуживает более семисот духов. Я хочу сделать вам подарок: задумайте три любых желания — и они будут исполнены.

Ганс схватил от радости свою супругу за руки, словно хотел воскликнуть: «Как это здорово!» Лизетта же собиралась уже броситься благодарить фею и подарить ей в знак признательности несколько шарфов, расшитых золотыми нитями, как волшебница подняла указательный палец и предупредила:

— У вас всего восемь дней. Обдумайте все хорошенько и не слишком спешите озвучивать свои желания!

Супруги в ответ, дабы избежать опрометчивого высказывания, прикрыли свои рты ладонями, а горная фея в это время исчезла. Свет в комнате вспыхнул с прежней силой, а запах роз еще продержался в воздухе какое-то время, все еще напоминая о необычном визите волшебницы.

Счастливые супруги не видели больше никаких препятствий осуществить все свои самые смелые мечты, однако на небе их желаний не было путеводной звезды, которая указала бы им верное направление их желаний. Сердца их были в смятении пред обширностью открывшихся возможностей.

Поэтому до окончания срока Ганс с Лизеттой решили не спешить желать чего-либо вслух из опасения, что они выскажут что-то неподобающее.

— По крайней мере до пятницы у нас время есть, — успокаивала Лизетта своего мужа.

На следующий вечер супруги сидели молча перед камином и смотрели, как маленькие язычки пламени лизали дно закопченного котелка. В своих мыслях они строили на будущее самые радужные планы в предвосхищении своего будущего счастья. Из котелка тянуло ароматом варящейся картошки. Супруга Ганса, вдохнув этот запах, замечталась на секунду и произнесла:

— Вот было бы здорово, если бы к ужину у нас были и копченые колбаски!.

Сказано — сделано. Как только женщина произнесла эти слова, огонь в очаге пыхнул, из камина потянуло ароматом роз, а в котелке оказалось несколько отборных охотничьих колбасок. И, конечно же, Лизетта очень рассердилась на себя за то, что так опрометчиво использовала свое первое желание.

Ганс тоже был чрезвычайно расстроен и зол на свою беспотковую супругу.

— Чтоб эти проклятые колбаски у тебя на носу выросли! — не удержался и буркнул он.

Сказано — сделано. В тот же миг на лице его супруги появилось чудовищное украшение. Справа и слева от ее носа повисли вниз две охотничьи колбаски. Они были похожи на огромные гусарские усищи. Лизетта с криком ужаса попыталась их оторвать, но тщетно. Казалось, эти колбаски росли у нее на лице от рождения.

Незадачливые супруги попали в трудное положение. Два из трех желаний уже были ими использованы, а в их хозяйстве не прибавилось ни зерна, ни монетки. И разве можно было посчитать за прибыток две колбаски, болтавшиеся теперь на

лице Лизетты?! Оставалось, однако, третье, последнее желание. На что же употребить его? Что может стоить удовольствия любоваться до конца своих дней украшениями на лице Лизетты? Пораскинув умом, Ганс решил через некоторое время, что не будет ничего лучше, как избавить ее от этих колбасок. Сказано — сделано. Снова в дело вмешались невидимые чары, снова пыхнул огонь, запахло розами, и лицо Лизетты тут же стало красивым, как и прежде.

Незадачливые супруги посмотрели друг на друга, обнялись, поцеловались и зажили счастливо, как и прежде. А горная фея к ним больше никогда не прилетала.

Красная Шапочка

Уж, какая это была маленькая, славная девчурочка! Всем-то она была мила, кто только видел ее; ну а уж всех-то милее и всех дороже была она бабушке, которая уж и не знала, что бы ей подарить, своей любимой внученьке.

Подарила она однажды ей шапочку из красного бархата, и так как ей эта шапочка была очень к лицу и она ничего другого носить не хотела, то и стали ее звать Красной Шапочкой.

Вот однажды ее мать и сказала ей:

— Ну, Красная Шапочка, вот, возьми этот кусок пирога и бутылку вина, снеси бабушке; она и больна, и слаба, и это ей будет на пользу. Выходи из дома до наступления жары, и когда выйдешь, то ступай умненько и в сторону от дороги не забегай, не то еще, пожалуй, упадешь и бутылку расшибешь, и бабушке тогда ничего не достанется. И когда к бабушке придешь, то не забудь с ней поздороваться, а не то чтобы сначала во все уголки заглянуть, а потом уж к бабушке подойти.

— Уж я все справлю, как следует, — сказала Красная Шапочка матери и заверила ее в том своим словом.

А бабушка-то жила в самом лесу, на полчаса ходьбы от деревни. И чуть только Красная Шапочка вступила в лес, повстречалась она с волком. Девочка, однако же, не знала, что это был за лютый зверь, и ничуть его не испугалась.

— Здравствуй, Красная Шапочка, — сказал он.

— Спасибо тебе на добром слове, волк.

— Куда это ты так рано выбралась, Красная Шапочка?

— К бабушке.

— А что ты там несешь под фартучком?

— Кусок пирога да вино. Вчера у нас матушка пироги пекла, так вот посылает больной и слабой бабушке, чтобы ей угодить и силы ее подкрепить.

— Красная Шапочка, да где же живет твоя бабушка?

— А вот еще на добрую четверть часа пути дальше в лесу, под тремя старыми дубами; там и стоит ее дом, кругом его еще изгородь из орешника. Небось теперь будешь знать? — сказала Красная Шапочка.

А волк-то про себя думал: «Эта маленькая, нежная девочка славный будет для меня кусочек, почище, чем старуха; надо это так хитро дельце обделать, чтобы мне обе на зубок попали».

Вот и пошел он некоторое время с Красной Шапочкой рядом и стал ей говорить:

— Посмотри-ка ты на эти славные цветочки, что растут кругом — оглянись! Ты, пожалуй, и птичек-то не слышишь, как они распевают? Идешь, словно в школу, никуда не оборачиваясь; а в лесу-то, поди-ка, как весело!

Красная Шапочка глянула вверх, и как увидела лучи солнца, прорезавшиеся сквозь трепетную листву деревьев, как взглянула на множество дивных цветов, то и подумала: «А что, если б я бабушке принесла свежий пучок цветов, ведь это бы ее тоже порадовало; теперь же еще так рано, что я еще всегда успею к ней прийти вовремя!» Да и сбежала с дороги в сторону, в лес, и стала собирать цветы. Чуть сорвет один цветочек, как уж ее другой манит, еще лучше, и она за тем побежит, и так все дальше да дальше уходила в глубь леса.

А волк прямехонько побежал к бабушкиному дому и постучался у дверей.

— Кто там?

— Красная Шапочка; несу тебе пирожка и винца, отвори-ка!

— Надави на щеколду, — крикнула бабушка, — я слишком слаба и не могу вставать с постели.

Волк надавил на щеколду, дверь распахнулась, и он вошел к бабушке в избу; прямехонько кинулся к постели бабушки и разом проглотил ее.

Затем надел он бабушкино платье и на голову ее чепчик, улегся в постель и занавески кругом задернул.

Красная Шапочка между тем бегала и бегала за цветами, и когда их набрала столько, сколько снести могла, тогда опять вспомнила о бабушке и направилась к ее дому.

Она очень удивилась тому, что дверь была настежь открыта, и когда она вошла в комнату, то ей так все там показалось странно, что она подумала: «Ах, боже ты мой, что это мне тут так страшно нынче, а ведь я всегда с таким удовольствием прихаживала к бабушке!» Она сказала:

— С добрым утром!

Ответа нет.

Подошла она к кровати, отдернула занавески и видит: лежит бабушка, и чепчик на самый нос надвинула, и такую странной кажется.

— Бабушка, а бабушка? Для чего это у тебя такие большие уши?

— Чтобы я тебя могла лучше слышать.

— Ах, бабушка, а глаза-то у тебя какие большие!

— А это чтобы я тебя лучше могла рассмотреть.

— Бабушка, а руки-то какие у тебя большие!

— Это для того чтобы я тебя легче обхватить могла.

— Но, бабушка, зачем же у тебя такой противный большой рот?

— А затем чтобы я тебя могла съесть!

И едва только волк проговорил это, как выскочил из-под одеяла и проглотил бедную Красную Шапочку.

Насытившись таким образом, волк опять улегся в кровать, заснул да и стал храпеть что есть мочи.

Охотник проходил как раз в это время мимо бабушкина дома и подумал: «Что это старушка-то так храпит, уж с ней не приключилось ли что-нибудь?»

Вошел он в дом, подошел к кровати и видит, что туда волк забрался.

— Вот где ты мне попался, старый греховодник! — сказал охотник. — Давно уж я до тебя добираюсь.

И хотел было убить его из ружья, да пришло ему в голову, что волк, может быть, бабушку-то проглотил и что ее еще

спасти можно; потому он и не выстрелил, а взял ножницы и стал вспарывать спящему волку брюхо.

Чуть только взрезал, как увидел, что там мелькнула красная шапочка; а дальше стал резать — и выпрыгнула оттуда девочка и воскликнула:

— Ах, как я перепугалась, как к волку-то в его темную утробушку попалась!

А за Красною Шапочкою кое-как выбралась и бабушка-старушка и еле могла отдышаться.

Тут уж Красная Шапочка натаскала поскорее больших камней, которые они и навалили волку в брюхо, и зашили разрез; и когда он проснулся, то хотел было улизнуть; но не вынес тягости камней, пал наземь и издох.

Это всех троих порадовало: охотник тотчас содрал с волка шкуру и пошел с ней домой; бабушка поела пирога и попила винца, которое ей Красная Шапочка принесла, и это ее окончательно подкрепило; а Красная Шапочка подумала: «Ну уж теперь я никогда не стану в лесу убегать в сторону от большой дороги, не ослушаюсь больше матушкиного приказанья».

Белоснежка

Вимним деньком, в то время как снег валил хлопьями, сидела одна королева и шила под окошечком, у которого рама была черного дерева. Шила она и на снег посматривала, и уколола себе иглой палец до крови. И подумала королева про себя: «Ах, если бы у меня родился ребеночек белый, как снег, румяный, как кровь, и чернявый, как черное дерево!»

И вскоре желание ее точно исполнилось: родилась у нее доченька — белая, как снег, румяная, как кровь, и черноволосая; и была за свою белизну названа Белоснежкой.

И чуть только родилась доченька, королева-мать и умерла. Год спустя король женился на другой. Эта вторая жена его была красавица, но и горда, и высокомерна, и никак не могла потерпеть, чтобы кто-нибудь мог с ней сравняться в красоте.

Притом у нее было такое волшебное зеркальце, перед которым она любила становиться, любовалась собой и говорила:

Зеркальце, зеркальце, молви скорей,
Кто здесь всех краше, кто всех милей?

Тогда и отвечало ей зеркальце:

Ты, королева, всех здесь милей.

И она отходила от зеркальца довольная-предовольная и знала, что зеркальце ей неправды не скажет.

Белоснежка же между тем подрастала и хорошела, и уже по восьмому году она была прекрасна, как ясный день. И когда королева однажды спросила у зеркальца:

Зеркальце, зеркальце, молви скорей,
Кто здесь всех краше, кто всех милей? —

зеркальце отвечало ей:

Ты, королева, красива собой;
А все же Белоснежка выше красой.

Ужаснулась королева, пожелтела, позеленела от зависти. С того часа как, бывало, увидит Белоснежку, так у нее сердце от злобы на части разорваться готово. И зависть с гордостью, словно сорные травы, так и стали возрастать в ее сердце и разрастаться все шире и шире, так что наконец ни днем ни ночью не стало ей покоя.

И вот позвала она однажды своего псаря и сказала:

— Выведи эту девочку в лес, чтобы она мне более на глаза не попадалась. Убей ее и в доказательство того, что мое приказание исполнено, принеси мне ее легкое и печень.

Псарь повиновался, вывел девочку из дворца в лес, и, как вынул свой охотничий нож, чтобы пронзить невинное сердце Белоснежки, та стала плакать и просить:

— Добрый человек, не убивай меня; я убегу в дремучий лес и никогда уже не вернусь домой.

Пожалел псарь хорошенькую девочку и сказал:

— Ну и ступай. Бог с тобой, бедная девочка!

А сам подумал: «Скорехонько растерзают тебя в лесу дикие звери», и все же у него словно камень с сердца свалился, когда он пощадил ребенка.

Как раз в это время молодой олененок выскочил из кустов; псарь приколот его, вынул из него легкое с печенью и принес их королеве в доказательство того, что ее приказание исполнено.

Повару приказано было их присолить и сварить, и злая баба съела их, воображая, что ест легкое и печень Белоснежки.

И вот очутилась бедняжка в дремучем лесу одна-одинешенька, и стало ей так страшно, что она каждый листочек на деревьях осматривала и не знала, что ей делать и как ей быть.

И пустилась бежать, и бежала по острым камням и по колючим кустарникам, и дикие звери сновали мимо нее взад и вперед, но ей не причиняли никакого вреда.

Бежала она, пока несли ее резвые ноженьки, почти до вечера; когда же утомилась, то увидела маленькую хижинку и вошла в нее.

В этой хижинке все было маленькое, но такое чистенькое и красивенькое, что и сказать нельзя. Посреди хижины стоял столик с семью маленькими тарелочками, и на каждой тарелочке по ложечке, а затем семь ножичков и вилок, и при каждом приборе по чарочке. Около стола стояли рядом семь кроваток, прикрытых белоснежным постельным бельем.

Белоснежка, которой очень и есть, и пить хотелось, отведала с каждой тарелочки овощей и хлеба и из каждой чарочки выпила по капельке вина, потому что она не хотела все отнять у одного. Затем, утомленная ходьбой, она пыталась прилечь на одну из кроваток; но ни одна не пришлась ей впору; одна была слишком длинна, другая — слишком коротка, и только седьмая пришлась ей как раз впору. В ней она и улеглась, перекустилась и заснула.

Когда совсем стемнело, пришли в хижину ее хозяева — семеро гномов, которые в горах рылись, добывая руду. Засветили они свои семь свечей, и, когда в хижинке стало светло, они увидели, что кто-то у них побывал, потому что не все было в том порядке, в каком они все в своем жилье оставили.

Первый сказал:

— Кто сидел на моем стульце?

Второй:

— Кто поел из моей тарелочки?

Третий:

— Кто от моего хлеба отломил кусочек?

Четвертый:

— Кто моего кушанья отведал?

Пятый:

— Кто моей вилочкой поел?

Шестой:

— Кто моим ножичком порезал?

Седьмой:

— Кто из моей чарочки отпил?

Тут первый обернулся и увидел, что на его постели была маленькая складочка. Он тотчас сказал:

— Кто к моей постели прикасался?

Сбежались к кроваткам и все остальные и закричали:

— И в моей, и в моей тоже кто-то полежал!

А седьмой, заглянув в свою постель, увидел лежавшую в ней спящую Белоснежку. Позвал он и остальных, и те сбежались и стали восклицать от изумления и принесли к кроватке свои семь свечей, чтобы осветить Белоснежку.

— Ах, боже мой! — воскликнули они. — Как эта малютка красива!

И так все были обрадованы ее приходом, что не решились и разбудить ее и оставили ее в покое на той постельке.

А седьмой гномик решил провести ночь так: в кроватке каждого из своих товарищей он должен был проспать по одному часу.

С наступлением утра проснулась Белоснежка и, увидев семерых гномиков, перепугалась. Они же отнеслись к ней очень ласково и спросили ее:

— Как тебя звать?

— Меня зовут Белоснежкой, — отвечала она.

— Как ты попала в наш дом? — спросили ее гномики.

Тогда она им рассказала, что мачеха приказала было ее убить, а псарь ее пощадил — и вот она бежала целый день, пока не наткнулась на их хижинку.

Гномики сказали ей:

— Не хочешь ли ты присматривать за нашим домашним обиходом — стряпать, стирать на нас, постели постилать, шить и вязать? И если ты все это будешь умело и опрятно делать, то можешь у нас остаться надолго и ни в чем не будешь терпеть недостатка.

— Извольте, — отвечала Белоснежка, — с большим удовольствием, — и осталась у них.

Дом гномов она содержала в большом порядке; поутру они обыкновенно уходили в горы на поиски меди и золота, вечером возвращались в свою хижинку, и тогда для них всегда была готова еда.

Весь день Белоснежка оставалась одна-одинешенька в доме, а потому добрые гномики предостерегали ее и говорили:

— Берегись своей мачехи! Она скоро прознает, где ты находишься. Так не впускай же никого в дом, кроме нас.

А королева-мачеха после того, как она съела легкое и печенье Белоснежки, предположила, что она и есть теперь первая красавица во всей стране, и сказала:

Зеркальце, зеркальце, молви скорей,
Кто здесь всех краше, кто всех милей?

Тогда зеркальце ей отвечало:

Ты, королева, красива собой,
Но все же Белоснежка, что за горой,
В доме у гномиков горных живет,
Много тебя красотой превзойдет.

Королева испугалась; она знала, что зеркальце никогда не лгало, и поняла, что псарь ее обманул и что Белоснежка жива.

И стала она думать о том, как бы ей извести падчерицу, потому что зависть не давала ей покоя и ей непременно хотелось быть первой красавицей во всей стране.

Когда же она наконец нечто придумала, она подкрасила себе лицо, переделалась старой торговкой и стала совершенно неузнаваемой.

В этом виде направилась она в путь-дорогу за семь гор, к хижине семи гномов, постучалась в их дверь и крикнула:

— Товары разные, дешевые, продажные!

Белоснежка глянула из окошечка и крикнула торговке:

— Здравствуй, тетушка, что продаешь?

— Хороший товар, первейшего сорта, — отвечала торговка, — шнуры, тесемки разноцветные, — и вытащила на показ один шнурок, сплетенный из пестрого шелка.

«Ну эту-то торговку я, конечно, могу впустить сюда», — подумала Белоснежка, отомкнула дверь и купила себе красивый шнурок.

— Э-э, дитятко, — сказала Белоснежке старуха, — на кого ты похожа! Пойди-ка сюда, дай себя зашнуровать как следует!

Белоснежка и не предположила ничего дурного, обернулась к старухе спиной и дала ей зашнуровать себя новым шнурком; та зашнуровала быстро да так крепко, что у Белоснежки разом захватило дыхание и она замертво пала на землю.

— Ну теперь уж не бывать тебе больше первой красавицей! — сказала злая мачеха и удалилась поспешно.

Вскоре после этого, в вечернюю пору, семеро гномов вернулись домой и как же перепугались, когда увидели Белоснежку, распростертую на земле; притом она и не двигалась, и не шевелилась, была словно мертвая.

Они ее подняли и, увидев, что она обмерла от слишком тесной шнуровки, тотчас разрезали шнурок, и она стала опять дышать, сначала понемногу, затем и совсем ожила.

Когда гномы от нее услышали о том, что с ней случилось, они сказали:

— Эта старая торговка была твоя мачеха, безбожная королева; остерегайся и никого не впускай в дом в наше отсутствие.

А злая баба, вернувшись домой, подошла к зеркальцу и спросила:

Зеркальце, зеркальце, молви скорей,
Кто здесь всех краше, кто всех милей?

И зеркальце ей по-прежнему отвечало:

Ты, королева, красива собой,
Но все же Белоснежка, что за горой,
В доме у гномиков горных живет,
Много тебя красотой превзойдет.

Услышав это, злая мачеха так перепугалась, что вся кровь у нее прилила к сердцу: она поняла, что Белоснежка опять ожила.

— Ну уж теперь-то, — сказала она, — я что-нибудь такое придумаю, что тебя сразу прикончит!

И при помощи различных чар, в которых она была искусна, она сделала ядовитый гребень. Затем переделась и приняла на себя образ другой старухи.

Пошла она за семь гор, к дому семи гномов, постучалась в их дверь и стала кричать:

— Товары, товары продажные!

Белоснежка выглянула из окошечка и сказала:

— Проходите, я никого в дом впускать не смею.

— Ну а посмотреть-то на товар, верно, тебе не запрещено, — сказала старуха, вытасила ядовитый гребень и показала его Белоснежке. Гребень до такой степени приглянулся девочке, что она дала себя оморочить и отворила дверь торговке.

Когда они сошлись в цене, старуха сказала:

— Дай же я тебя причешу как следует.

Бедной Белоснежке ничто дурное и в голову не пришло, и она дала старухе полную волю причесывать ее как угодно; но едва только та запустила ей гребень в волосы, как его ядовитые свойства подействовали, и Белоснежка лишилась сознания.

— Ну-ка ты, совершенство красоты! — проговорила злая баба. — Теперь с тобою покончено, — и пошла прочь.

К счастью, это происходило под вечер, около того времени, когда гномы домой возвращались.

Когда они увидели, что Белоснежка лежит замертво на земле, они тотчас заподозрили мачеху, стали доискиваться и нашли в волосах девушки ядовитый гребень, и едва только его вынули, Белоснежка пришла в себя и рассказала все, что с ней случилось. Тогда они еще раз предостерегли ее, чтобы она была осторожнее и никому не отворяла дверь.

А между тем королева, вернувшись домой, стала перед зеркальцем и сказала:

Зеркальце, зеркальце, молви скорей,
Кто здесь всех краше, кто всех милей?

И зеркальце отвечало ей, как прежде:

Ты, королева, красива собой,
Но все же Белоснежка, что за горой,
В доме у гномиков горных живет,
Много тебя красотой превзойдет.

Когда королева это услышала, то задрожала от бешенства.

— Белоснежка должна умереть! — воскликнула она. — Если бы даже и мне с ней умереть пришлось!

Затем она удалилась в потайную каморочку, в которую никто, кроме нее, не входил, и там изготовила ядовитое-пре-ядовитое яблоко. С виду яблоко было чудесное, наливное, с румяными бочками, так что каждый, взглянув на него, хотел его отведать, а только откуси кусочек — и умрешь.

Когда яблоко было изготовлено, королева размалевала себе лицо, переделась крестьянкой и пошла за семь гор к семи гномам.

Постучалась она у их дома, а Белоснежка и выставила головку в окошечко и сказала:

— Не смею я никого сюда впустить, семь гномиков мне это запретили.

— А мне что до этого? — отвечала крестьянка. — Куда же я денусь со своими яблоками? На вот одно, пожалуй, я тебе подарю.

— Нет, — отвечала Белоснежка, — не смею я ничего принять.

— Да уж не отравы ли боишься? — спросила крестьянка. — Так вот, посмотри, я разрежу яблоко надвое: румяную половиночку ты скушай, а другую я сама съем.

А яблоко-то у нее было так искусно приготовлено, что только румяная половина его и была отравлена.

Белоснежке очень хотелось отведать этого чудного яблока, и, когда она увидела, что крестьянка ест свою половину, она уж не могла воздержаться от этого желания, протянула руку из окна и взяла отравленную половинку яблока.

Но чуть только она откусила кусочек его, как упала замертво на пол. Тут королева-мачеха посмотрела на нее ехидными глазами, громко рассмеялась и сказала:

— Вот тебе и бела, как снег, и румяна, как кровь, и чернява, как черное дерево! Ну уж на этот раз тебя гномы оживить не смогут!

И когда она, придя домой, стала перед зеркальцем и спросила:

Зеркальце, зеркальце, молви скорей,
Кто здесь всех краше, кто всех милей? —

зеркальце наконец ей ответило:

Ты, королева, здесь всех милей.

Тут только и успокоилось ее завистливое сердце, насколько вообще завистливое сердце может успокоиться.

Гномы же, вечером вернувшись домой, нашли Белоснежку распростертой на полу, бездыханной, помертвевшей. Они ее подняли, стали искать причину ее смерти: искали отраву, расшнуровали ей платье, расчесали ей волосы, обмыли ее водой с вином — однако ничто не могло помочь ей. Белоснежка была мертва и оставалась мертвой.

Они положили ее в гроб и, сев все семеро вокруг ее тела, стали оплакивать и оплакивали ровно три дня подряд.

Уж они собирались и похоронить ее, но она на вид казалась свежее, была словно живая, даже и щеки ее горели прежним чудесным румянцем.

Гномы сказали:

— Нет, мы не можем ее опустить в темные недра земли, — и заказали для нее другой — прозрачный хрустальный — гроб, положили в него Белоснежку, так что ее со всех сторон можно было видеть, а на крышке написали золотыми буквами ее имя и то, что она была королевская дочь.

Затем они взнесли гроб на вершину горы, и один из гномов постоянно оставался при нем на страже. И даже звери, даже птицы, приближаясь к гробу, оплакивали Белоснежку: сначала прилетела сова, затем ворон и наконец голубочек.

И долго, долго лежала Белоснежка в гробу и не изменялась, и казалась как будто спящей, и была по-прежнему бела, как снег, румяна, как кровь, чернява, как черное дерево.

Случилось как-то, что в тот лес заехал королевич и подъехал к дому гномов, намереваясь в нем переночевать. Он увидел гроб на горе и красавицу Белоснежку в гробу и прочел то, что было написано на крышке гроба золотыми буквами.

Тогда и сказал он гномам:

— Отдайте мне гроб, я вам за него дам все, чего вы пожелаете.

Но карлики отвечали:

— Мы не отдадим его за все золото в мире.

А королевич не отступал:

— Так подарите же мне его, я насмотреться не могу на Белоснежку; кажется, и жизнь мне без нее не мила будет! Подарите — и буду ее почитать и ценить как милую подругу!

Сжалились добрые гномы, услышав такую горячую речь из уст королевича, и отдали ему гроб Белоснежки.

Королевич приказал своим слугам нести гроб на плечах. Понесли они его да споткнулись о какую-то веточку, и от этого сотрясения выскочил из горла Белоснежки тот кусок отравленного яблока, который она откусила.

Как выскочил кусок яблока, так она открыла глаза, приподняла крышку гроба и сама поднялась в нем жива-живехонька.

— Боже мой! Где же это я? — воскликнула она.

Королевич сказал радостно:

— Ты у меня, у меня! — рассказал ей все случившееся и добавил: — Ты мне милее всех на свете; поедem со мною в замок отца и будь мне супругою.

Белоснежка согласилась и поехала с ним, и их свадьба была сыграна с большим блеском и великолепием.

На это празднество была приглашена и злая мачеха Белоснежки. Как только она принарядилась на свадьбу, так стала перед зеркальцем и сказала:

Зеркальце, зеркальце, молви скорей,
Кто здесь всех краше, кто всех милей?

Но зеркальце отвечало:

Ты, королева, красива собой,
А все ж новобрачная выше красой.

Злая баба, услышав это, произнесла страшное проклятие, а потом вдруг ей стало так страшно, так страшно, что она с собою и совладать не могла.

Сначала она и вовсе не хотела ехать на свадьбу, однако же не могла успокоиться и поехала, чтобы повидать молодую королеву. Едва переступив порог свадебного чертога, она узнала в королеве Белоснежку, от ужаса двинуться с места не могла и от испуга умерла.

Заяц и еж

 та была на небылицу похожа, ребятушки, а все же в ней есть и правда; вот почему мой дедушка, от которого я ее слышал, имел обыкновение к рассказу своему добавлять: «Правда в ней все же должна быть, дитяtko, потому что иначе зачем было бы ее и рассказывать?»»

А дело-то было вот как.

Однажды в воскресенье под конец лета, в самое время цветения гречихи, выдался хороший денек. Яркое солнце взошло на небе, повеяло теплым ветерком по жнивью, песни жаворонков наполняли воздух, пчелки жужжали среди гречихи, а добрые люди в праздничных одеждах шли в церковь, и вся тварь божия была довольна, и ежик тоже.

Ежик же стоял у своей двери, сложа руки, вдыхая утренний воздух и напевая про себя нехитрую песенку как умел. И между тем как он вполголоса так напевал, ему вдруг пришло в голову, что он успеет, пока его жена детей моет и одевает, прогуляться в поле и посмотреть на свою брюкву. А брюква-то в поле ближе всего к его дому росла, и он любил ее кушать у себя в семье, а потому и считал ее своею.

Сказано — сделано. Запер за собою дверь и пошел по дороге в поле. Он не особенно далеко и от дома ушел и хотел уже свернуть с дороги, как повстречался с зайцем, который с той же целью вышел в поле на свою капусту взглянуть.

Как увидел ежик зайца, так тотчас же весьма вежливо с ним поздоровался. Заяц же (в своем роде господин знатный и притом весьма заносчивый) и не подумал ответить на поклон ежика, а, напротив того, сказал ему, скорчив пренасмешливую рожу:

— Что это значит, что ты тут так рано утром рыщешь по полю?

— Хочу прогуляться, — сказал ежик.

— Прогуляться? — засмеялся заяц. — Мне кажется, что ты мог бы найти и другое, лучшее занятие своим ногам.

Этот ответ задел ежика за живое, он все способен был перенести, но никому не позволял говорить о своих ногах, так как они от природы были кривыми.

— Не воображаешь ли ты, — сказал ежик зайцу, — что ты со своими ногами больше можешь сделать?

— Конечно, — сказал заяц.

— А не хочешь ли испытать? — сказал ежик. — Бьюсь об заклад, что если мы побегим взапуски, то я тебя обгоню.

— Да ты смешишь меня! Ты со своими кривыми ногами — и меня обгонишь! — воскликнул заяц. — А впрочем, я готов, если тебя разбирает такая охота. На что мы будем спорить?

— На золотой луидор да на бутылку вина, — сказал ежик.

— Принимаю, — сказал заяц, — побегим сейчас же!

— Нет! Куда же нам спешить? — отозвался еж. — Я ничего еще сегодня не ел; сначала я схожу домой и немного позавтракаю; через полчаса я опять буду здесь, на месте.

С тем и ушел ежик с согласия зайца. По пути ежик стал раздумывать: «Заяц надеется на свои длинные ноги, но я с ним справлюсь. Хотя он и знатный господин, но вместе с тем и глупый, и он, конечно, должен будет проиграть заклад».

Придя домой, ежик сказал своей жене:

— Жена, одевайся поскорее, тебе придется со мною в поле идти.

— А в чем же дело? — сказала его жена.

— Я с зайцем поспорил на золотой луидор и на бутылку вина, что побегу с ним взапуски, и ты должна при этом быть.

— Ах, боже мой! — стала кричать ежикова жена на мужа. — Да в своем ли ты уме? Или ты совсем ума рехнулся? Ну как можешь ты бегать с зайцем взапуски?

— Ну молчи знай, жена! — сказал ежик. — Это мое дело; а ты в наших мужских делах не судья. Марш! Одевайся и пойдем.

Ну и что же оставалось делать ежиковой жене? Должна была волей-неволей идти вслед за мужем.

По пути в поле ежик сказал своей жене:

— Ну, теперь слушай, что я тебе скажу. Видишь ли, мы побегим вперегонки по этому длинному полю. Заяц побежит по одной борозде, а я по другой сверху вниз. Тебе только одно

и дело: стоять здесь внизу на борозде, и, когда заяц добежит до конца своей борозды, ты крикнешь ему: «Я уже здесь!»

Так дошли они до поля; ежик указал жене ее место, а сам пошел вверх по полю. Когда он явился на условленное место, заяц был уже там.

— Можно начинать? — спросил он.

— Конечно, — отвечал ежик.

И тотчас каждый стал на свою борозду.

Заяц сосчитал: «Раз, два, три!» — и помчались они вниз по полю. Но ежик пробежал всего три шага, потом присел в борозде и сидел спокойно.

Когда заяц на всем скаку добежал до конца поля, ежикова жена ему и крикнула:

— Я уже здесь!

Заяц приостановился и был немало удивлен: он был уверен в том, что кричит ему сам еж (известно уж, что ежа по виду не отличишь от ежихи). Заяц и подумал: «Тут что-то неладно!» — и крикнул:

— Еще раз побегим, обратно!

И опять помчался вихрем, откинув уши на спину. А ежикова жена преспокойно осталась на месте.

Когда же заяц добежал до верха поля, ежик крикнул ему:

— Я уже здесь!

Заяц, крайне раздосадованный, крикнул:

— Побегим еще раз, обратно!

— Пожалуй, — отвечал ежик. — По мне, так сколько хочешь!

Так пробежал заяц семьдесят три раза туда и обратно, и ежик все его обгонял; каждый раз, когда он прибегал к какому-нибудь концу поля, либо ежик, либо жена его кричали ему:

— Я уже здесь!

В семьдесят четвертый раз заяц уж и добежать не мог; повалился он среди поля на землю, кровь пошла у него горлом,

и он сдвинуться с места не мог. А ежик взял выигранный им золотой луидор и бутылку вина, кликнул жену свою, и оба супруга, очень довольные друг другом, отправились домой.

И коли их доселе смерть не постигла, то они, верно, и теперь еще живы. Вот так-то оно и случилось, что еж зайца обогнал, и с того времени ни один заяц не решался бегать взапуски с ежом.

А назидание из этой бывальщины вот какое: во-первых, никто, как бы ни считал себя знатным, не должен потешаться над тем, кто ниже его, хоть будь он и простой еж. А во-вторых, здесь каждому совет дается такой: коли свататься вздумаешь, так бери себе жену из своего сословия и такую, которая бы во всем тебе была ровня. Значит, кто ежом родился, тот должен и в жены себе брать ежиху. Так-то!

Золушка

Случилось как-то, что жена одного богатого человека заболела, и когда она почувствовала, что ее конец близок, то подозвала к своей постели единственную дочку и сказала:

— Милое дитя, будь всегда доброю и Бога не забывай, тогда Он тебе будет помощник; а я с того света на тебя смотреть стану и всегда духом буду с тобою.

Затем она закрыла глаза и почил.

Дочка каждый день ходила на могилку матери, и постоянно была ко всем добра, и Бога не забывала. Пришла зима, прикрыла могилку снежным пологом, и чуть только снег растаял от весеннего солнца, отец сиротки женился на другой женщине.

Мачеха ввела в дом своих двух дочерей, белолицых и красивых с виду, но злых и бессердечных. Тогда наступила тяжелая година для бедной падчерицы.

— Неужели эта дура будет у нас в комнатах сидеть?! — заговорили мачехины дочери. — Кто хочет хлеба есть, тот подика заработай его! Прочь отсюда, судомойка!

Они отняли у нее хорошие платья, напялили на нее старое серое платьишко и обули ее в деревянные башмаки.

— Гляньте-ка на эту гордячку, как она вырядилась! — заговорили они, стали смеяться и отвели бедняжку в кухню.

Там должна она была с утра до вечера нести на себе всю черную работу, вставать рано, до света, воду носить, огонь разводить, стряпать и мыть. Сверх того, названные сестрицы старались всякими способами ее огорчать, осмеивали ее, высыпали в золу горох и чечевицу, приготовленные для кушанья, так что бедная сиротинка должна была выбирать их из золы по зернышку.

Вечеру, утомившись от работы, она не имела даже кровати, на которую могла бы лечь; она должна была рядом с оча-

гом ложиться в золу и на ней спать. И так как она от золы была постоянно покрыта и пылью, и грязью, то злые сестры и называли ее Золушкой.

Случилось однажды, что отец собрался на ярмарку и спросил своих падчериц, чего им оттуда привезти?

— Красивые наряды, — сказала одна из них.

— Жемчуг и драгоценные камни, — сказала другая.

— Ну, а тебе, Золушка, — спросил отец, — тебе что привезти?

— Батюшка, привези ту веточку, которая на обратном пути прежде всех хлестнет тебя по шляпе; ту отлomi и привези мне!

Вот и закупил он своим двум падчерицам нарядные платья, жемчуг и драгоценные камни; а на обратном пути, в то время как он пробирался сквозь зеленую чащу кустов, ветка орешника хлестнула его так сильно, что и шапку с него сбила долой. Ту ветку он обломил и прихватил с собою.

Приехав домой, он отдал падчерицам то, что им было любо, а Золушке — ветку орешника. Золушка поблагодарила его, пошла на могилку матери, посадила над нею свою веточку и плакала так неутешно, что слезы ее обильно оросили эту ветку. И выросла веточка в целое деревцо.

Золушка каждый день трижды ходила под это деревцо, плакала там и молилась, и каждый раз прилетала на то дерево и садилась беленькая птичка, и стоило только бедняжке высказать какое-нибудь желание, как уж птичка сейчас его выполняла и сбрасывала ей с дерева то, что она пожелает.

Случилось как-то, что король той страны затеял праздник, и праздник тот должен был продолжаться три дня; на этот праздник он задумал созвать всех красавиц со всего королевства, чтобы его сын мог себе выискать между ними невесту. Обе названные ее сестры, услышав, что и они тоже должны явиться на тот праздник, стали поласковее, призвали Золушку и сказали:

— Расчеши нам волосы, вычисти башмаки и закрепи на них пряжки — мы идем на праздник в королевский замок.

Золушка повиновалась им, однако же заплакала, потому что и ей тоже хотелось идти вместе с сестрами и потанцевать; она даже попросила у мачехи, чтобы та ее отпустила на праздник.

— Ты, Золушка, — крикнула мачеха, — вся ты в грязи и в пыли и тоже на праздник собираешься?! Нет на тебе ни платишка, ни башмаков — и туда же, танцевать лезешь!

Когда Золушка не стала более просить ее, то мачеха сказала ей:

— Вот я тебе высыпала в золу полное блюдо чечевицы, и если ты через два часа сумеешь эту чечевицу из золы выобрать, тогда, пожалуй, ступай вместе с сестрами на праздник!

Бедная сиротка сошла по черной лестнице в сад и крикнула во весь голос:

— Голубки-голубочки, милые дружочки, и вы все, пташечки поднебесные, слетайтесь сюда, помогите мне, бедной, собрать чечевички: те, что годны, — в горшочек, а негодны — в зобочек.

И слетелись на зов ее к окошку кухни сначала два белых голубка, а потом турманы мохноногие, а затем и целые стаи всяких пташечек поднебесных и опустились на золу. И стали голубки кивать головками и начали клевать: пик, пик, пик, пик; и другие тоже: пик, пик, пик, пик — и собрали все годные зерна в блюдо. И часу не прошло, как у них все было готово, и они улетели опять в то же окошко.

Принесла Золушка блюдо к мачехе с радостью и думала, что вот и ей будет дозволено отправиться с сестрами на праздник.

Но мачеха сказала ей:

— Нет, Золушка, у тебя и платьев не припасено, и танцевать ты не можешь, над тобой только смеяться станут.

Когда бедняжка стала плакать, мачеха сказала:

— Вот если ты мне два блюда чечевицы в час времени из золы выберешь дочиста, тогда, пожалуй, пойдешь.

А сама думала: «Где же ей это сделать?»

Но когда она высыпала ей два блюда чечевицы в золу, девушка вышла черным крыльцом в сад и крикнула:

— Голубки-голубочки, милые дружочки, и вы все, пташки поднебесные, слетайтесь сюда, помогите мне, бедной, собрать чечевички: те, что годны, — в горшочек, а негодны — в зобочек.

И слетелись на зов ее к окошку кухни сначала два белых голубка, а потом турманы мохноногие, а затем и целые стаи всяких пташек поднебесных и опустились на золу. И стали голубки кивать головками и поклевывать: пик, пик, пик, пик; и другие тоже: пик, пик, пик, пик — и собрали все годные зерна в два блюда. И получаса не прошло, как у них все уже было готово, и все они опять улетели в окошко.

Понесла бедняжка оба блюда к мачехе и радовалась, что вот ей будет дозволено отправиться на праздник с сестрами. Но мачеха сказала ей:

— Напрасно ты стараешься; ты не пойдешь с нами; у тебя и нарядов нет, и танцевать ты не умеешь; нам бы пришлось краснеть за тебя.

Повернулась к бедняжке спиной и поспешно удалилась со своими двумя горделивыми дочками.

Оставшись одна-одинешенька в доме, Золушка пошла на могилу матери под ореховое деревцо и воскликнула:

— Встряхнись, встрепенись ты, мое деревцо, просыпь на меня золото-серебрецо!

Тогда птичка кинула ей серебряное платье с золотом и туфельки, расшитые шелками и серебром.

Девушка поскорее оделась и поспешила на праздник. А названные сестры ее и мачеха, ничего об этом не зная, подумали, что это какая-нибудь чужая королева, — такой красавицей была она в своем платье, разукрашенном золотом. Золушка им и в голову не пришла: они думали, что она сидит себе дома да выбирает чечевички из золы.

Сам королевич вышел красавице навстречу, взял ее за руку и все с ней танцевал. Да так и не захотел ни с кем больше танцевать и руки ее из своей руки не выпустил, и, когда подходил к ней кто-нибудь из мужчин, королевич говорил:

— Я сам с ней хочу танцевать.

Так и проплясала она до самого вечера. А когда захотела домой вернуться, то королевич сказал ей:

— Я пойду с тобою и провожу тебя.

Ему смерть как хотелось посмотреть, чья она дочь и из какого дома родом. Но она от него ускользнула и взобралась на голубятню.

Обождal немного королевич, видит: отец Золушки идет, и говорит ему:

— Вот туда на голубятню взобралась одна красавица.

Отец подумал: «Уж не Золушка ли?» — потребовал топор да багор и надвое рассек голубятню, а в ней никого не оказалось. А когда они домой вернулись, Золушка по-прежнему лежала в своем грязном платишке на золе, а около нее на трубе тускло горела маленькая масляная лампа.

Золушка была проворна: она с одной стороны взобралась на голубятню, а с другой спустилась и мигом под орешинной очутилась; там скинула она свой богатый наряд, положила его на могилку, и птичка снова унесла этот наряд, а сама Золушка опять напялила на себя серые лохмотья и села в кухне на кучу золы.

На другой день, когда праздник начался снова, и родители с названными сестрицами опять ушли из дома, Золушка пошла к орешине и сказала:

— Встряхнись, встрепенись ты, мое деревцо, просыпь на меня злато-серебрецо!

И птичка сбросила ей платье, еще богаче, еще наряднее вчерашнего. И когда она в этом наряде явилась на празднество, все надивиться не могли ее красоте.

А королевич уж поджидал ее, взял ее тотчас за руку и танцевал только с ней одной. Когда другие мужчины подходили к ней, чтобы пригласить ее на танец, королевич говорил:

— Я с ней танцую.

По наступлении вечера Золушка надумала удалиться, а королевич пошел за ней следом и хотел посмотреть, в какой дом она войдет; но та юркнула в сторону и убежала в сад позади дома. В том саду росло прекрасное, большое грушевое дерево, и на нем много было чудных груш; на него-то и взобралась Золушка, словно белочка, и укрылась в ветвях его; а королевич даже и не знал, куда она подевалась.

Подождал он немного, пока подошел отец Золушки, и сказал ему:

— Вот тут одна красавица от меня ускользнула, и мне кажется, что она залезла на эту грушу.

Отец подумал: «Уж не Золушка ли это?» — потребовал топор и срубил дерево; но на дереве никого не оказалось. И когда они все вернулись домой, увидели Золушку, как и всегда, на ее куче золы.

Она проворна была: с одной стороны на дерево влезла, с другой стороны прыгнула, вернула свой наряд птичке, что сидела на орешине, и опять напялила свои старые лохмотья.

На третий день, когда родители и названные сестры ушли из дома, Золушка опять пошла на могилку матери и сказала деревцу:

— Встряхнись, встрепенись ты, мое деревцо, просыпь на меня злато-серебрецо!

Тут птичка сбросила ей платье, такое великолепное и так ослепительно блиставшее, что такого еще никто не видал; а к этому платью и туфли чистого золота.

Когда она явилась на празднество в этом наряде, все ей дивились, как чуду.

Королевич только с ней и танцевал, а если подходил к ней кто-нибудь другой, он говорил:

— Я с ней танцую.

Когда наступил вечер, Золушка хотела уйти, и королевич по-прежнему хотел идти за ней следом; но она так быстро от него ускользнула, что он не поспел за ней.

Однако же он заранее пустился на хитрость: велел вымазать всю лестницу смолой. Как сбегала Золушка с лестницы, одна ее туфелька и пристала к ступеньке. Королевич туфельку поднял, и туфелька та была маленькая, хорошенькая и вся золотая.

На следующее утро пришел королевич с этой туфелькой к отцу Золушки и сказал ему:

— Моей супругой будет только та, которой этот золотой башмачок придется впору.

Услышав это, обрадовались обе названные сестрицы, потому что ноги у них были красивые.

Старшая пошла с башмачком в особую комнату и стала его примерять при матери. Стала примерять и видит: никак не влезает в башмак ее большой палец, потому что башмак ей мал. Вот мать и подала ей нож и говорит:

— Отрежь палец-то! Ведь коли будешь королевой, не придется тебе пешком ходить!

Послушалась дочка матери, срезала палец, втиснула ногу в башмак, прикусила губу от боли и вышла к королевичу. Тот взял ее себе в невесты, посадил на коня и повез к себе домой.

Пришлось им проезжать мимо могилки; а на орешине сидят два голубка и воркуют:

Гули-гули, гулюшки,
Весь башмак-то в кровушке:
Ножке, видно, нет в нем места!
Это не твоя невеста.

Королевич глянул на ногу невесты и увидел, как кровь из башмачка течет.

Он тотчас повернул коня, вернул старшую дочку родителям и сказал, что это не настоящая его невеста; пусть, мол, другая сестра примерит башмачок.

Пошла эта сестра в особую комнату, и когда стала надевать башмачок, то пальцы-то у нее влезли в него, но пятка была слишком велика. Тогда мать подала ей нож и сказала:

— Отруби кусок от пятки! Будешь королевой, не придется тебе больше пешком ходить!

Дочь отрубила часть пятки, втиснула кое-как ногу в башмачок, скрыла боль нестерпимую и вышла к королевичу. Тот ее, как невесту, посадил на своего коня и поехал с ней.

Но когда они проезжали мимо орешины, то сидели на ней
два голубка и ворковали:

Гули-гули, гулюшки,
Весь башмак-то в кровушке:
Ножке, видно, нет в нем места!
Это не твоя невеста.

Посмотрел королевич невесте на ногу и увидал, как
кровь течет из башмачка и покраснелся от нее белый чуло-
чек.

Повернул он своего коня обратно и привез эту невесту к
родителям в дом.

— Эта тоже ненастоящая! — сказал он. — Нет ли у вас еще
одной дочки?

— Нет, — сказал отец, — а вот только еще от моей первой,
покойной, жены осталась такая маленькая, дрянненькая Зо-
лушка — уж та-то, конечно, тебе не невеста.

Королевич захотел ее непременно видеть; но мачеха отве-
чала:

— Да нет же, она такая грязная, что ее никак и показать не
смеем.

А королевич все настаивал на своем, и должны были нако-
нец позвать к нему Золушку.

Та сначала вымыла чистенько лицо и руки, потом вышла
и поклонилась королевичу, который подал ей золотой баш-
мачок. Она тут же присела на скамеечку, скинула свой дере-
вянный башмак и сунула ногу в туфельку, которая по ее ноге
пришлась как влитая, и как она поднялась со скамеечки и ко-
ролевич глянул ей в лицо, то он тотчас узнал в ней ту краси-
вицу, с которой танцевал, и воскликнул:

— Вот она, настоящая-то невеста!

Мачеха и обе названные сестры перепугались и побелели от
досады, а королевич взял Золушку к себе на коня и повез ее

к себе в замок. Когда они проезжали мимо орешины, два белых голубка ворковали:

Гули-гули, гулюшки,
Нету больше кровушки:
Ножке в туфле полно места.
Вот она твоя невеста!

И как это проворковали, так тотчас слетели с деревца и сели Золушке на плечи: один — на правое, другой — на левое, да так и остались у нее на плечах.

Когда пришло время играть свадьбу, лукавые сестрицы тоже явились, хотели примазаться и как будто выказать участие к счастью Золушки.

Вот свадебный поезд двинулся к церкви, и старшая из названных сестриц шла с правой стороны невесты, а младшая — с левой; и вдруг голубки у каждой из них выклевали по одному глазу.

На обратном пути из церкви старшая шла с левой, а младшая — с правой стороны невесты, и голубки опять выклевали каждой из них по одному глазу.

Так-то и были они наказаны слепотой на всю жизнь за их злобу и лукавство.

Курочка и петушок

Окогда направились курочка с петушком на орешниковую гору и заключили друг с другом такой договор: кто первый добудет ореховое ядрышко, тот должен его с товарищем поделить.

Вот и отыскала курочка большой-пребольшой орех, никому ничего о том не сказала и задумала тот орех съесть одна-одинешенька. А ядрышко-то было настолько велико, что курочка его проглотить не могла; оно застряло у нее в горле, и курочка перепугалась, что она тем ядрышком подавится.

И закричала курочка:

— Петушок, сделай милость, сбегай поскорее да принеси мне воды, не то я задохнусь.

Побежал петушок что есть мочи к колодцу и сказал:

— Дай ты мне водицы, курочка лежит на орешниковой горе, заглотнула большое ядрышко и того и гляди задохнется.

Отвечал ему колодец:

— Беги сначала к невесте и выпроси себе красного шелка.

Побежал петушок к невесте, говорит:

— Невеста, дай ты мне красного шелка; я тот шелк снесу колодцу, колодец даст мне водицы, водицу отнесу я курочке, а курочка лежит на орешниковой горе, заглотнула слишком большое ореховое ядрышко и, чего доброго, задохнется.

Невеста ему отвечает:

— Сначала сбегай да принеси мне венок, что повесила я на ивовой веточке.

Побежал петушок к иве, снял венок с ветки и принес его к невесте, а невеста дала ему за это красного шелку; шелк отнес он к колодцу, а тот дал ему за это водицы.

Принес петушок водицу курочке, а курочка тем временем задохнулась и лежала мертвая, без движения.

Тут уж петушок так разгоревался, что стал громко-громко кричать, и сбежались к нему все звери, стали курочку оплакивать.

Шесть мышек состроили повозочку, в которой бы можно было свезти курочку до могилы; когда же повозочка была готова, они сами в нее и впряглись, а петушок на той повозочке правил.

На пути встретили они лисицу.

— Куда это ты едешь, петушок? — сказала она.

— Да вот собираюсь хоронить свою курочку.

— Нельзя ли и мне с вами вместе ехать?

— Пожалуй, сзади можешь сесть, не то лошадушкам не свезть.

Так и присела лисица сзади, а за нею — и волк, и медведь, и олень, и лев, и все лесные звери.

Так добрались они до ручья.

— Как-то мы тут переправимся? — спросил петушок.

А на берегу ручья лежала соломинка, которая сказала:

— Вот я поперек ручья протянусь, так вы можете по мне переехать.

Но чуть только шесть мышек ступили на этот мостик, соломинка переломилась и в воду свалилась, и все мышки в воде потонули.

Тогда опять пришла беда, и всех из беды захотела выручить головешка: я, мол, достаточно велика, я через ручей перекинусь, а вы через меня и переезжайте.

Но, на беду, головешка как-то неловко коснулась воды, зашипела, потухла — и дух из нее вон.

Увидел все это камень, сжалился, захотел петушку помочь и перевалился через воду. Пришлось петушку на себе тащить повозочку через камень, а когда он ее перетащил и вместе с мертвой курочкой очутился уж на другом берегу, вздумалось ему и тех перетащить, что позади повозки сидели...

Но их оказалось слишком много: повозка с ними откатилась назад, и все вместе рухнули в воду и потонули.

Остался петушок опять один-одинешенек на берегу с мертвой курочкой, выкопал ей могилку, опустил ее туда, а поверх могилки насыпал холмик и на тот холмик присел, и горевал по курочке до тех пор, пока сам не умер.

Так все они и покончили с жизнью.

Счастливчик Ганс

анс прослужил семь лет у своего господина и стал говорить ему:

— Срок моей службы, сударь, миновал уже, и я бы очень охотно вернулся теперь к моей матери; а потому пожалуйте мне мое жалованье.

Хозяин его отвечал:

— Ты служил мне верно и честно. По твоей службе должна быть тебе и награда, — и дал ему кусок золота величиной с его голову.

Ганс вытащил платочек из кармана, завернул в него слиток золота, положил его на плечо и пустился домой.

Шел он своей дорогой, плелся нога за ногу и увидел всадника, который бодро и весело прорысил мимо него на славной лошади.

— Ах, — сказал Ганс вслух, — что за славная штука эта верховая езда! Сидишь словно на стуле, ни о какой камень не спотыкаешься, обуви не изнашиваешь и едешь себе вперед да вперед, сам того не замечая.

Всадник, услышав это, сдержал коня и крикнул:

— Эй, Ганс, так зачем же ты пешком-то идешь?

— Приходится идти пешком, коли нужно домой снести вот этот слиток: оно, положим, и золото, однако вот голову приходится набок держать, да и плечо оттянуло.

— А знаешь ли что? — сказал всадник. — Давай меняться: я тебе отдам своего коня, а ты мне свой слиток.

— С удовольствием, — сказал Ганс, — но только предупреждаю, что придется тебе с ним тащиться.

Всадник спешился, взял у Ганса слиток золота и помог ему взобраться на седло. Потом дал ему поводья в руки и добавил:

— Если хочешь, чтобы конь бежал быстро, тебе надо только языком прищелкнуть да крикнуть: «Гоп, гоп!»

Ганс был радешенек, что уселся на лошадь, и поехал он себе легко и свободно.

Немного спустя ему показалось, что следует ехать быстрее, и он стал языком прищелкивать и покрикивать: «Гоп, гоп!» Конь пошел крупной рысью, и, прежде чем Ганс успел оглянуться, он очутился во рву, который отделял дорогу от полей.

И лошадь тоже перескочила бы через ров, если бы не удержал ее встречный крестьянин, который шел по дороге и гнал перед собою корову.

Ганс кое-как выкарабкался и поднялся на ноги; но он был очень раздосадован и сказал мужику:

— Какая глупая штука эта верховая езда! Особенно когда вот на этукую клячу попадешь, которая и трясет, и с себя сбрасывает, того и гляди еще шею себе переломишь! Никогда я теперь больше на нее не сяду! То ли дело ваша корова — идешь себе за нею вольготно, да, сверх того, еще каждый день от нее и молоко, и масло, и сыр. Чего бы я ни дал за такую корову!

— Ну уж если вам моя корова так приглянулась, так я охотно поменяюсь ею на вашего коня.

Ганс был радешенек этой мене; а крестьянин поскорее вскочил на коня и поспешил уехать.

Вот Ганс преспокойно погнал перед собою корову и все обдумывал свой удачный оборот. «Как это славно! Стоит только куском хлеба запастись (в нем у меня не будет недостатка!), а сыр да масло у меня во всякое время готовы! А захотелось пить — подоил корову да и напился сколько душе угодно!»

Подойдя к гостинице, Ганс приостановился, на радостях съел все, что у него было захвачено на дорогу на обед и на ужин, и на последнюю пару крейцеров приказал подать себе полстакана пива. Затем погнал свою корову далее по дороге к деревне, где жила его мать.

Жар был томительный, потому что время уже близилось к полудню, а Гансу оставалось еще по крайней мере час пути.

Наконец жара его до такой степени одолела, что у него и язык к нёбу липнуть стал. «Этой беде помочь нетрудно, — подумал Ганс, — вот теперь-то и стоит подоить корову и полакомиться от нее молочком!» Привязал он корову к сухому дереву, поставил свою кожаную шапку вместо подойника, но как ни бился, молока не мог добыть ни капли. А так как он

доил корову неискусно, то она стала у него брыкаться и нанесла ему задней ногой такой удар в голову, что он покатился на землю и некоторое время даже в себя прийти не мог.

По счастью, по той же дороге шел в то время мясник, который вез перед собою на тележке поросенка.

— В чем тут дело? — крикнул он Гансу и помог ему подняться.

Ганс рассказал ему, что случилось.

Мясник подал ему свою фляжку и сказал:

— На-ка, выпей да подкрепись! Корова эта, конечно, никакого молока не даст — она уж стара и годится разве только для тяги либо на убой.

— Э-э! — проговорил Ганс, ероша на голове волосы. — Кто бы мог подумать?! Оно, конечно, хорошо, если можно такую скотину дома заколоть, — говядина славная! Но я коровьего мяса не люблю: не сочно, вишь, оно! Вот если бы мне такую свиночку — это другое дело, да притом еще и колбаски!

— Слышь-ка, Ганс, — сказал мясник, — уж так для тебя я, пожалуй, с тобой на корову свинкой поменяюсь.

— Благослови тебя Бог за твое расположение ко мне! — сказал Ганс, передавая ему корову, и когда мясник отвязал свинку с тележки и привязал на веревку, то Ганс взял конец той веревки в руку.

Пошел Ганс и стал думать, как все устроивается по его желанию, и даже если встречается какая неприятность, то сейчас же и улаживается.

Вскоре нагнал его на дороге еще один парень, который нес под мышкой чудесного белого гуся. Стали они между собою беседовать, и Ганс стал ему рассказывать о своем счастье и о том, как удачно он выменивал одну вещь на другую. Парень тоже рассказал ему, что несет гуся на угощение при крестинах.

— Изволь-ка приподнять его, — продолжал он, — какова тяжесть! Недаром мы его целых восемь недель откармливали!

Кто этакого гуся станет есть, тот только знай с обеих сторон жир вытирай!

— Да, — сказал Ганс, взвешивая гуся в одной руке, — гусь увесистый. Ну да и моя-то свинка тоже за себя постоит!

Между тем парень стал тревожно озираться во все стороны и даже покачивать головой.

— Слушай-ка, — сказал он наконец, — насчет твоей свинки дело как будто неладно. В деревне, через которую я сейчас шел, у старшины вот только что украдена была из хлева свинья. Боюсь я, не та ли это, что у тебя теперь на веревке. Он выслал и людей на поиски, и дело бы могло плохо кончиться, если бы они тебя застали здесь со свиньей. Пожалуй, не миновать бы тебе темного чулана.

Добрjak Ганс струхнул.

— Ах, батюшки, — засуетился он, — пособи́те мне из этой беды выпутаться! Возьмите мою свинку и дайте мне вашего гуся в обмен.

— Делать нечего! Попробуем, хоть оно и небезопасно, — отвечал Гансу парень, — а все же не желаю быть виною того, что на тебя беда обрушится.

Он взял веревку в руки и погнал свинью в сторону проселком, а простодушный Ганс, избавившись от своих опасений, преспокойно пошел своей дорогой с гусем под мышкой.

«Коли все-то хорошенько сообразить, так я, пожалуй, и в барышах от меня, — размышлял Ганс, — во-первых, жаркое из гуся отличное; затем жиру-то сколько из него вытопится — месяца три кряду на нем лепешки печь станем; а наконец, и чудный белый пух, которым велю набить свою подушку. Да еще как на ней спать-то мягко будет!»

Когда он проходил через последнюю деревню на своем пути, он наткнулся на точильщика, который, сидя на своей тележке, вертел свое колесо, припевая:

И ножи, и ножницы я точу, точу,
Ни забот, ни горюшка знать я не хочу!

Ганс приостановился и посмотрел на его работу, а потом вступил с ним в разговор:

— Видно, хорошо тебе живется, что ты за своею работою так весел?

— Да, — отвечал точильщик, — мое ремесло, можно сказать, золотое! Коли ты точильщик настоящий, так ведь

деньги-то у тебя в кармане не переводятся. А где это ты такого славного гуся купил?

— Я не купил его, а выменял на свою свинку.

— А свинку?

— Ту я получил в обмен на корову.

— А корову?

— Той я поменялся на коня.

— А коня?

— Коня я выменял на слиток золотой величиной с мою голову.

— А золото-то откуда у тебя взялось?

— То я получил в награду за семь лет службы.

— Надо сказать правду: умел ты свои делишки обделать! — сказал точильщик. — Для твоего полного счастья недостает только одного: чтобы деньги у тебя постоянно в кармане водились.

— А как же мог бы я этого добиться? — спросил Ганс.

— Очень просто: ступай вот так же, как я, в точильщики; для этого только и нужно, что обзавестись точильным камнем; а другой камень простой, найти его нетрудно. Вот у меня, кстати, есть один запасной, правда, немного поврежденный; да зато же я за него недорого и возьму — ну, вот сменяю его на твоего гуся. Хочешь или нет?

— Само собою разумеется, — отвечал Ганс, — я почту себя счастливейшим из смертных! Коли у меня деньги в кармане переводиться не будут, так тогда о чем же мне и заботиться?

И он тотчас же протянул ему своего гуся, а от него взял точильный камень.

— Ну, а вот тебе еще и другой славный камень в придачу, — сказал точильщик, подавая Гансу простой увесистый булыжник, который около него валялся на земле, — на этом можно будет и старые гвозди отбивать. Возьми уж кстати и его с собой!

Ганс взвалил себе булыжник на плечо и, совершенно довольный, направился домой, глаза его так и сияли от радости.

«Видно, я в сорочке родился! — думал он про себя. — Чего бы я ни пожелал, все мне так легко удастся. Вот каков я счастливец!»

Между тем он начинал чувствовать сильное утомление, потому что спозаранку все был на ногах, притом и голод его томил, и нечем было утолить его, потому что он разом съел весь свой запас на радостях, когда выменял корову.

Наконец уж он еле ноги волочил и почти каждую минуту должен был останавливаться для роздыха; да и камни ему невыносимо давили плечи. Ему даже приходило не на шутку в голову, что было бы недурно именно теперь от них избавиться.

Чуть не ползком добрался он до колодца в поле и задумал около него отдохнуть и водицы холодненькой испить. А камни, чтобы их не повредить, он осторожно сложил рядком на самый край колодца. Затем уж сам присел и только хотел нагнуться к воде, как зацепил по неосторожности оба камня, и они бухнули в воду.

Когда Ганс увидел, что они скрылись в глубине, он радостно вскочил со своего места, бросился на колени и со слезами на глазах благодарил Бога за то, что Он оказал ему такую милость и избавил его от тяжелых камней таким чудесным образом, и притом так, что он сам не мог себя ни в чем упрекнуть.

— Да, — воскликнул он, — такого счастливца, как я, не найдется другого во всей вселенной!

С облегченным сердцем и вполне свободный от всякой тяжести, он поспешил вперед и достиг наконец дома своей матери.

О рыбаке и его жене

 Рыбак с женой жили в дрянной лачужке у самого моря. Рыбак ходил каждый день на море и удил рыбу. Так и сидел он однажды за ужиением и все смотрел на блестящие волны — сидел да посиживал.

Вдруг удочка его погрузилась на дно глубоко-глубоко, и когда он ее стал вытаскивать, то выволок вместе с нею и большую камбалу.

И сказала ему рыбина:

— Слышь-ка, рыбак, прошу тебя,пусти меня на волю: я не настоящая камбала, я замороженный принц. Ну что тебе в том, что ты меня съешь? Я тебе не по вкусу придусь. Лучше брось меня опять в воду,пусти меня на простор.

— Ну, — сказал рыбак, — напрасно ты столько слов потратила. Я бы и без того, конечно, отпустил на свободу такую рыбину, которая по-нашему говорить может.

И с этими словами он отпустил рыбину в воду, и пошла камбала на дно, оставляя следом по себе в воде кровавую струйку. Посмотрел рыбак да и поплелся к жене в свою лачужку.

— Что же, муженек, — сказала жена, — или ты сегодня ничего не поймал?

— Нет, — сказал рыбак, — я сегодня изловил камбалу, и она мне сказала, что она не камбала, а замороженный принц. Ну я и отпустил ее опять в море.

— Так разве же ты себе у нее ничего не выпросил? — сказала жена.

— Нет, да и чего же мне у нее просить?

— Ах, — сказала жена, — да ведь нам же так скверно живет в этой лачужке, и вони, и грязи у нас вдоволь. Выпросил бы нам у нее избушку получше. Ступай-ка да вызови ее

из моря. Скажи ей, что нам нужна изба понаряднее, и она наверно даст нам ее.

— Ах, — сказал рыбак, — ну что я там еще пойду шляться!

— Да ведь ты же ее изловил и опять на волю выпустил — она для тебя наверно все сделает.

Не хотелось рыбаку идти, но не хотелось и жене перечить — и поплелся он к морю.

Когда пришел он на море, море потемнело, и волны уже не так блестели, как утром. Подошел он и сказал:

Рыба, рыбка, рыбинка,
Ты, морская камбала!
С просьбою к тебе жена
Против воли шлет меня!

Приплыла к нему камбала и сказала:

— Ну, что ж тебе надобно?

— Да вот, — сказал рыбак, — я-то тебя сегодня изловил, так жена-то моя говорит, будто я должен у тебя что-нибудь себе выпросить. Не хочет, вишь, она больше жить в лачужке, в избу хочет на житье перейти.

— Ну, ступай, — сказала камбала, — все тебе будет.

Пошел рыбак домой и видит: жена-то его уж не в лачужке, а на месте лачужки стоит нарядная изба, и его жена сидит перед избою на скамье.

И взяла его жена за руку и сказала ему:

— Войди-ка сюда да посмотри — теперь нам жить-то будет гораздо лучше.

И вошли они в избу: в избе просторные сени, и большая комната, и покойчик, в котором их кровать стоит, и чулан с кладовой, и везде-то полки, и на полках-то всякого добра наставлено, и оловянной, и медной посуды — все необходимое. А позади дома небольшой дворик с курами и утками и маленький садик с зеленью и овощами.

— Посмотри-ка, — сказала жена, — разве это не хорошо?
— Да, — сказал рыбак, — мы теперь заживем припеваючи.
— А вот посмотрим, — сказала жена.

После этого они поужинали и пошли спать.

Так прошло недели две, и сказала жена:

— Слышь-ка, муженек, изба-то нам уж очень тесна, а двор и сад слишком малы. Твоя камбала могла бы нам и побольше дом подарить. Я бы хотела жить в большом каменном замке. Ступай-ка к камбале, проси, чтобы подарила нам каменный замок.

— Ах, жена, жена! — сказал рыбак. — Нам и в избе хорошо. Ну как мы будем жить в замке?

— Ах, что ты понимаешь?! Ступай к камбале: она все это может сделать.

— Нет, жена! — сказал рыбак. — Камбала только что дала нам избу. Не могу я к ней сейчас же опять идти, ведь она, пожалуй, может и разгневаться.

— Да ступай же! — сказала жена. — Она все это может сделать и сделает охотно. Ступай!

У рыбака куда как тяжело было на сердце, он и идти не хотел. Он сказал себе: «Этак делать не следует!» — и под конец все же пошел.

Когда он пришел к морю, море изрядно потемнело и стало иссиня-серым и не было уже таким светлым и зеленоватым, как прежде, однако же еще не волновалось. Тогда он подошел и сказал:

Рыба, рыбка, рыбинка,
Ты, морская камбала!
С просьбою к тебе жена
Против воли шлет меня!

— Ну, чего еще она хочет? — спросила камбала.

— Да вот, — сказал рыбак не без смущения, — она хочет жить в большом каменном замке.

— Ступай к ней, вон она стоит перед дверьми, — сказала камбала.

Повернул рыбак к дому, стал подходить — и видит перед собою большой каменный дворец, а жена его стоит на крыльце и собирается войти во дворец. И взяла его за руку и сказала:

— Войдем со мною вместе.

Вошли и видят, что полы все в замке выстланы мраморными плитами и везде множество слуг, которые отворяли перед ними двери настежь; и стены-то все блестели, обитые прекрасными обоями, а в покоях везде и стулья, и столы золоченые, и хрустальные люстры спускаются с потолка, и всюду ковры разостланы; всюду столы ломятся от яств и самых лучших вин. А позади замка большой двор с конюшней и коровником; и экипажи в сараях стоят самые лучшие. Был там сверх того большой и прекрасный сад с красивейшими цветами и плодовыми деревьями, и парк тянулся по крайней мере на

полмили от замка, полный оленей, диких коз и зайцев и всего, чего душа пожелает.

— Ну-ка, — сказала довольная жена, — разве все это не прекрасно?

— О да! — сказал рыбак. — На этом мы и остановимся и станем жить в этом чудесном замке. Теперь у нас всего вдво-воль.

— А вот посмотрим да подумаем, — сказала жена.

С этим они и спать легли.

На другое утро жена проснулась первая, когда уж совсем рассвело, и из своей постели стала осматривать благодатную страну, которая простиралась кругом замка.

Муж все еще спал и не шевелился, и она, толкнув его локтем в бок, сказала:

— Муженек, вставай да глянь-ка в окошко. Надумалось мне: отчего бы нам не быть королем да королевой над всею этою страной? Сходи ты к рыбине, скажи, что хотим быть королями.

— Ах, матушка, — сказал рыбак, — ну как это мы будем король да королева? Я никак не могу королем быть!

— Ну коли ты не можешь быть королем, так я могу быть королевой. Ступай к рыбине, скажи, что хочу быть королевой.

— Ах, жена! Ну где ж тебе быть королевой? Я этого ей и сказать не посмею!

— А почему бы не сказать? — крикнула жена. — Сейчас же ступай — я должна быть королевой!

Пошел рыбак от жены и был очень смущен тем, что его жена задумала попасть в королевы. «Не следовало бы так-то, не следовало бы!» — думал он про себя. И не хотел идти к морю, однако пошел-таки. И когда пришел к морю, море было свинцово-серое и волновалось, и воды его были мутны. Стал он на берегу и сказал:

Рыба, рыбка, рыбинка,
Ты, морская камбала!
С просьбою к тебе жена
Против воли шлет меня!

— Ну, чего там еще хотите? — спросила камбала.

— Ах, — сказал рыбак, — да ведь жена-то хочет королевой быть!

— Ступай домой, будет по воле ее, — сказала камбала.

Пошел рыбак домой — и видит, что замок разросся и стал гораздо обширнее, и ворота у замка большие, красивые. А у входных дверей стоит стража, и везде кругом много солдат с барабанами и трубами. Вошел во дворец, видит — везде мрамор да позолота, и бархат, и большие сундуки с золотом. Открылись перед ним настежь и двери залы, где весь двор был в сборе, и увидел он жену свою на высоком золотом троне с алмазами, в большой золотой короне, а в руках у нее скипетр из чистого золота с драгоценными камнями, а по обе стороны ее по шести девиц в ряд, одна другой красивее.

Стал он перед женою и сказал:

— Ну вот, женушка, ты теперь и королевой стала!

— Да, — сказала она, — я теперь королева!

Постоял он против нее, помялся, поглазел на нее и сказал:

— А что, женушка, небось хорошо в королевах-то быть? Чай, теперь уж ничего не пожелаешь!

— Нет, муженек, — сказала жена с тревогою, — соскучилась я быть королевой и не хочу больше. Поди скажи рыбине, что я вот теперь королева, а хочу быть кайзером.

— Ах, женушка! Ну на что тебе быть кайзером?

— Муж! Ступай к рыбине: хочу быть кайзером!

— Ах, да нет же! — отвечал рыбак. — Кайзером она не может тебя сделать, и я ей об этом и слова замолвить не посмею; ведь королей-то много, а кайзер-то один! Наверно знаю, что не может она тебя кайзером сделать — и не может, и не может!

— Что такое? Я королева, а ты мой муж — и смеешь мне перечить?! Сейчас пошел туда! Могла меня рыбина королевой сделать, сможет сделать и кайзером! Слышишь, хочу быть кайзером! Сейчас пошел к рыбине!

Вот и должен он был пойти. И идучи к морю, он крепко тревожился и все думал про себя: «К плохому дело идет! Кайзером быть захотела — уж это совсем бессовестно! Надоест она своей дурью рыбинке!»

В этих думах подошел он к морю. А море-то совсем почернело и вздулось, и ходили по нему пенистые волны, и ветер свистал так, что рыбаку стало страшно. Стал он на берегу и сказал:

Рыба, рыбка, рыбинка,
Ты, морская камбала!
С просьбою к тебе жена
Против воли шлет меня!

— Ну, чего она еще хочет? — сказала камбала.

— Ах, камбала-матушка! Жена-то теперь кайзером быть хочет!

— Ступай к ней, — сказала рыбка, — будет по ее воле.

Пошел рыбак домой — и видит перед собой громадный замок, весь из полированного мрамора, с алебастровыми статуями и золочеными украшениями. Перед входом в замок маршируют солдаты, в трубы трубят и бьют в барабаны. А внутри замка бароны и графы, и герцоги расхаживают вместо прислуги; они перед ним и двери отперли (и двери-то из чистого золота!). И когда он вошел в залу, то увидел жену свою на троне высоком-превысоком, из литого золота. На голове у нее золотая корона в три локтя вышиной, вся усыпанная бриллиантами и яхонтами; в одной руке у нее скипетр, а в другой — держава. И по обе стороны трона стоят в два ряда стражники, один красивее другого, и выстроены по росту —

от самого громадного верзилы до самого маленького карлика, с мизинчик.

А перед троном стоят князья и герцоги.

Стал перед женой муж и сказал:

— Ну, женушка, ты теперь кайзер?

— Да, я теперь кайзер!

Посмотрел он на нее, полюбовался и сказал:

— Небось, женушка, хорошо быть кайзером?

— Ну, чего ты там стал? — сказала жена. — Я теперь кайзер, а хочу быть папой. Ступай, проси рыбину.

— Ах, женушка! Чего ты еще захотела? Папой ты быть не можешь: папа один на весь крещеный мир! Этого и рыбинка не может сделать.

— Муж! — сказала она. — Я хочу быть папой! Сейчас ступай к морю! Сегодня же хочу быть папой!

— Нет, женушка, этого не смею я сказать рыбине! Это и нехорошо, да и слишком уж дерзко; папой не может тебя камбала сделать!

— Коли могла кайзером сделать, сможет и папой! — сказала жена. — Сейчас пошел к морю! Я кайзер, а ты мой муж! Пойдешь или нет?

Перепугался он и пошел, и совсем упал духом. Дрожал, как в лихорадке, и колени у него сами подгибались.

Когда подошел он к морю, сильный ветер дул с моря, погоняя облака на небе, и было сумрачно на западе; листья срывало с деревьев, а море плескалось и шумело, ударяясь о берег, и видны были на нем вдали корабли, которые раскачивались и колыхались на волнах. Но все же на небе еще был замечен клочок лазури, хоть и явно было, что с юга надвигается буря. Вышел он на берег, совсем перепуганный, и сказал:

Рыба, рыбка, рыбинка,
Ты, морская камбала!

С просьбою к тебе жена
Против воли шлет меня!

- Ну, чего она еще хочет? — сказала камбала.
— Ох, — проговорил рыбак, — хочет она папою быть!
— Ступай к ней. Будет по ее воле, — сказала камбала.

Пошел он обратно, и когда пришел, то увидел перед собою громадную кирху, кругом обстроенную дворцами. Едва пробился он сквозь толпу народа.

А внутри кирхи все было освещено тысячами и тысячами свечей, и жена его в одежде из чистого золота сидела на высочайшем троне, а на голове у ней были три большие золотые короны. Кругом ее толпилось много всякого духовенства, а по обе стороны трона стояли в два ряда свечи — от самой большой, толщиной с доброе бревно, до самой маленькой, грошовой свечурочки. А кайзеры и короли стояли перед ней на коленях и целовали ее туфлю.

— Женушка, — сказал рыбак, посмотревши на жену, — да ты, видно, папа?

— Да, я теперь папа!

Смотрел он, смотрел на нее, и казалось ему, что он смотрит на солнышко красное. Немного спустя и говорит он ей:

— Ах, женушка, небось хорошо тебе папой быть?

А она сидела перед ним прямо и неподвижно, словно деревянная, и не двигалась, не трогалась с места. И сказал он:

— Женушка! Ну теперь, чай, довольна? Теперь ты папа и уж никем больше не можешь быть?

— А вот еще подумаю, — сказала жена.

И затем они отправились спать. Но она все еще не была довольна, и ее алчность не давала ей уснуть, и все-то она думала, кем бы ей еще можно быть.

Муж, набегавшись за день, спал отлично и крепко, а жена, напротив того, совсем не могла заснуть и все ворочалась с боку

на бок, и все придумывала, чего бы ей еще пожелать, и ничего придумать не могла.

А между тем дело шло к восходу солнца, и когда она увидела зарю, то пододвинулась к самому краю кровати и стала глядеть из окна на восходящее солнце... «А, — подумала она, — да разве же я не могу тоже повелевать и солнцу, и луне, чтобы они восходили?»

— Муж, а муж! — сказала она и толкнула его локтем под ребра. — Проснись! Ступай опять к рыбине и скажи, что я хочу быть самым Богом!

Муж еще не совсем очнулся от сна, однако же так перепугался этих слов, что с кровати свалился. Ему показалось, что он ослышался; он стал протирать себе глаза и сказал:

— Ах, женушка, что это ты такое сказала?

— Муженек, — сказала она, — я не могу повелеть ни солнцу, ни месяцу, чтобы они восходили, да и видеть того не могу, как солнце и месяц восходят, и покойна ни на час не буду, пока не дано мне будет самой повелевать и солнцем, и месяцем!

И так на него посмотрела, что его мороз по коже продрал.

— Сейчас же ступай туда! Я хочу быть самым Богом!

— Ах, женушка! — воскликнул рыбак и пал перед нею на колени. — Да ведь этого камбала не может сделать! Кайзером и папой она еще могла тебя сделать. Так вот и прошу я тебя, образумься, останься папой!

Тут она пришла в ярость, волосы у нее взъерошились на голове, и она крикнула во все горло:

— Не смей со мною так говорить! Не смей! Сейчас проваливай!

Тогда он мигом собрался и побежал к морю словно помешанный. А на море бушевала буря, да такая, что он еле на ногах держался: дома и деревья падали, и горы тряслись, и осколки скал, обрываясь, скатывались в море, и небо было черным-черно, и гром гремел, и молния блистала, и волны

ходили по морю, похожие на горы, увенчанные белой пеной. Выйдя на берег, он закричал во весь голос, и все же не мог слышать даже собственных слов:

Рыба, рыбка, рыбинка,
Ты, морская камбала!
С просьбою к тебе жена
Против воли шлет меня!

— Ну, чего же еще она хочет? — спросила камбала.

— Ах, — пролепетал он, — она хочет быть самым Господом Богом.

— Ступай же к ней — она опять сидит в своей лачуге.

Там они еще и по сегодня сидят да посиживают, на море синее поглядывают.

Затейник Вицель

Был однажды король, правитель Кругоземья, у которого среди прочих слуг и придворных был один благородный юноша, которого все называли затейником Вицелем. Король часто одаривал его своим вниманием, поскольку Вицель был остроумен, находчив, образован, обходителен, весел и умен. Однако такое расположение короля к юноше вызывало у прочих придворных зависть и даже злобу. Приближенные короля настолько невзлюбили затейника Вицеля, что стали шептаться между собой, что бы такое устроить, дабы лишить его королевской милости.

Один придворный рассыпал горох перед троном короля, и в результате затейник Вицель, обладавший правом подавать королю воду, упал и разбил хрустальный бокал прямо на глазах своего монарха. Другой царедворец прицепил к туфлям юноши дынные корки, и Вицель, подававший королю суп, по-

скользнулся и залил варевом всю скатерть перед обедавшим повелителем Кругоземья. Третий, зная что Вицель обычно помогает королю заниматься его прической, ловил комаров и мошек и вдувал эту летучую нечисть через трубочку между завитыми и напудренными локонами королевского парика. Четвертый старался придумать еще какую-нибудь каверзу, и так все они старались, кто как мог, лишь бы напакостить Вицелю и вернуть себе благосклонность короля. Однако Вицель был так умен и предусмотрителен, что все уловки придворных были напрасны, а король по-прежнему оставался доволен своим затейником.

Когда наконец все завистники поняли, что их коварные атаки на Вицеля не привели к должному результату, они придумали новый коварный план. У короля был заклятый враг, с которым королю никак не удавалось справиться и который постоянно донимал правителя Кругоземья своими грубыми поступками. Это был великан Большеног, который жил в таинственном, густом, темном лесу на вершине высоченной горы. У него была жена по имени Толстотупа и пять слуг: лев по прозвищу Лапобой, медведь по кличке Медолюб, волк Овцереz и злобный пес Зайцегрыз. К тому же в стойле у великана был привязан резвый конь по кличке Крылоног.

В далеком же пределе Кругоземья жила также красавица баронесса Быстрица, у которой была дочь по имени Шустрица. Баронесса была вдовой, и король Кругоземья, как, впрочем, и правители прочих стран, домогался руки Быстрицы и мечтал, чтобы она стала его супругой. В ответ на предложение короля Кругоземья Быстрица ответила, что, помимо него, на ее руку есть и другие высокие претенденты, и от каждого она не в торге, как от подхваченного насморка. Однако тем не менее в ближайший понедельник ровно в полдесятого утра она выйдет с церковной службы и возьмет в мужа первого из правителей, кто встретится ей на пути. Он же наследует и все ее земли.

Узнав это, король Кругоземья собрал всех своих слуг и придворных и спросил их:

— Как могу я поспеть очутиться в столь далеком краю уже в ближайший понедельник и первым прибыть к церкви, чтобы встретить красавицу Быстрицу?

На что слуги и придворные сказали:

— Ваше величество могут знать, что у вашего заклятого врага великана Большенога есть конь Крылоног. Если вы им воспользуетесь, то, безусловно, оставите всех позади себя. Однако доставить вам этого коня может один только затейник Вицель, ведь всем известно, что только он может воплощать в жизнь самые смелые ваши планы и пожелания.

Завистливые придворные ответили королю именно так, втайне надеясь, что великан Большеног, безусловно, убьет Вицеля. Король же решил, что это разумный совет, и приказал своему любимцу отправиться в путь и добыть для него быстрого коня.

Вицель тут же прикинул в уме, что ему потребуется для визита к великану Большеногу. Он достал тачку и взгрузил на нее улей с пчелами. Затем он взял петуха, зайца и овцу и всех засунул в большой мешок, который тоже взвалил на тачку. После Вицель положил сверху веревку, большую коробку нюхательного табака и длинный хлыст. Закончив сборы и прикрепив к своим сапогам пару подходящих шпор, он преспокойно покати́л тачку со всей поклажей вперед. К вечеру юноша добрался к подножию горы, на которой жил великан. Пройдя через густой, темный лес и вскарабкавшись на кручу, он вскоре увидел его замок. Уже была ночь, но Вицель слышал, как чавкают за ужином Большеног со своей женой Толстотупой, и как рыкает лев Лапобой, и как ворчит медведь Медолуб, как подвывает волк Овцerez и как грызет кость злобный пес Зайцегрыз. Только конь Крылоног спокойно стоял в своем стойле, переступая с ноги на ногу и жуя овес.

Вицель тихонько взял длинный хлыст и растянул его перед входной дверью, привязав концами за ближайшие деревья. Посреди пути он поставил коробку с нюхательным табаком. Затем он взял улей с пчелами и укрепил его между ветвей большого дуба у дороги. Потом юноша пошел прямо в стойло и взвалил на коня мешок с петухом, зайцем и овцой. После Вицель отвязал Крылонога, вскочил ему на спину, пришпорил его и вылетел за ворота конюшни. Поскольку конь этот был необычный, он воззвал при этом громким голосом:

Лапобой и Овцерез!
Медолюб и Зайцегрыз!
Крылонога умыкает Вицель!

Лев Лапобой, медведь
Медолюб, волк Овцерез и
пес Зайцегрыз услы-
шали обращенное

к ним громкое ржание Крылоного и тут же бросились в погоню, чтобы догнать коня и растерзать его похитителя. Однако как только они оказались за входной дверью замка, то сразу наскочили в темноте на хлыст, протянутый Вицелем поперек их пути, и хоп! — все полетели носами вниз прямо в коробку, наполненную доверху нюхательным табаком. Лев, медведь, волк и пес принялись оглушительно чихать и тереть лапами свои покрасневшие от табака глаза.

— Чертов Вицель! — взревел медведь.

— Чтоб ему провалиться! — рыкнул лев.

— Ну, погоди! — взвыл волк.

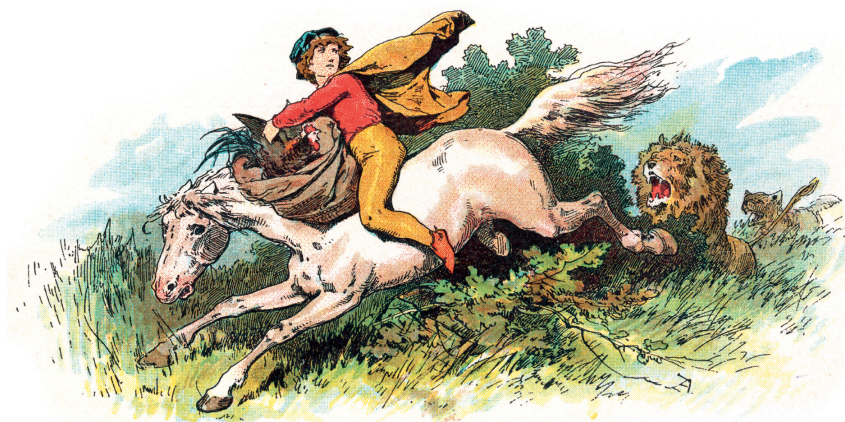
— Вот! Я! Тебя! — пролаял пес.

Пока же они чихали, терли глаза и ругались, Крылоног с Вицелем на спине успел ускакать уже довольно далеко. Более того, они уже успели выскочить из леса на горе, на вершине которой жил великан со своей супругой.

Первым пришел в себя и бросился догонять Вицеля медведь Медолюб. Однако он сразу учуял запах меда, который исходил из прикрепленного к дубу улья. Медведь не смог удержаться и полез за лакомством. Пчелы же вылетели из улья целым роем и полезли жалить его в глаза, в уши и в нос. Медведь ревел и отмахивался от них лапами, но пчел было слишком много. Пришлось ему, полуослепшему от укусов, повернуть обратно к замку.

В это время Вицель услышал рык гнавшегося за ним льва. Юноша развязал свой мешок и выпустил оттуда петуха. Тот взлетел на вершину высокого дерева и начал громко кукарекать, призывая солнце. Лев никогда не видел в замке у великана таких странных птиц. Он подумал, что это злой дух кричит так пронзительно, и в страхе повернул обратно. Чтобы отвлечь волка, Вицель сбросил на землю из мешка овцу, и та быстро побежала прочь. Волк не смог побороть свою природу и кинулся по ее следу.

Когда Вицель уже видел стены столицы Крутоземья, он услышал лай пса, который мчался за скачущим Крылоногом. Тогда юноша выпустил из мешка зайца, и тот быстро дунул в сторону от дороги. Увидав это, пес не мог удержаться и бросился в погоню за зайцем. Крылоног же с Вицелем в это время уже въезжали в городские ворота.

Король был очень рад, что его гонец вернулся обратно с конем Быстроногом. Придворные же, видя полный успех Вицеля, зашлись от зависти к нему пуще прежнего. Король же вскочил на Быстроного и помчался в сторону, где жила красавица Быстрица. Конечно же, он опередил всех прочих женихов и первым встретил свою невесту, выходявшую из церкви после службы ровно в полдесятого утра. Лихо потом отплясывал король на своей свадьбе, радуясь и красавице жене, и новым землям, что она отдала ему в полное владение.

Завистливые же придворные начали нашептывать королю на ухо: «Как славно, что Ваше Величество обладает теперь конем Быстроногом, однако еще больше славы и величия вам добавят великолепные платья, которые носит великан Большеног. Они так великолепны, что лучших одеяний и на свете нет. И ваш покорный слуга Вицель, конечно же, доставит вам эту одежду, если вы соблаговолите приказать ему сделать это».

Услыхав про чудесные платья, король воспыал желанием иметь их и тут же приказал Вицелю доставить эти одежды во дворец. Завистливые же придворные потирали при этом руки от радости. Они были уверены, что теперь-то Вицель не вернется живым из замка великана Большенога.

На этот раз Вицель прихватил с собой лишь прочную веревку, нож и большой мешок. К вечеру он добрался до жилища великана, забрался на большое дерево, с вершины которого горящие окна замка были видны все до одного, и стал дожидаться ночи. Когда в замке все затихло, он стал спускаться с дерева и в это время услышал, как устраивающаяся на ночлег Толстотупа сказала своему супругу Большеногу:

— Дорогой, моя голова лежит слишком низко. Не принесешь ли мне охапку соломы, чтобы я могла сделать себе изголовье повыше?

Вицель тут же прошмыгнул к соломенной скирде, которая стояла неподалеку от входа в замок, и зарылся в нее. Великан Большеног вышел за ворота, схватил в охапку всю скирду и так доставил Вицеля прямо в свою спальню. Великан подоткнул скирду под голову своей супруги и растянулся рядом.

Когда Большеног и Толстотупа захрапели, Вицель высунулся из соломы и дернул великана за волосы.

— Чего ты пристала? — проворчал великан, поворачиваясь на другой бок. — Оставь меня в покое, дай поспать!

Теперь Вицель дернул за пряди Толстотупу.

— А ты чего? — воскликнула она.

Пока супруги препирались и ворочались, юноша успел выбраться из соломы и спрятался за высоким деревянным изголовьем кровати великана.

Когда в спальне снова все затихло, Вицель выбрался из-за кровати, прокрался к шкафу и побросал все платья Большенога и Толстотупы в свой мешок. Затем он выбрался из комнаты в коридор, где спал лев Лапобой, и очень осторожно привязал мешок верев-

кой к его хвосту. Потом подобрался к посапывающему медведю Медолюбу и привязал его лапы к лапам волка Овцереза и пса Зайцегрыза, а конец веревки прикрепил к кровати великана.

Затем он широко отворил дверь в спальню и очень медленно и осторожно стянул со спящих супругов одеяло. Вицель завернулся в него и сел на мешок с платьями, который был привязан к хвосту спящего льва. Вскоре холодный воздух ночи проник через открытую дверь спальни и добрался до ног Толстотупы. Супруга великана от холода проснулась и заворчала на Большенога:

— Эй, ты зачем стянул с меня одеяло? Мне холодно!

Теперь пробудился и великан. Он проворчал Толстотупе в ответ:

— Нет, это ты стянула с меня одеяло! Я лежу почти голый!

И опять супруги начали ссориться, препираться и толкать друг друга под ребра локтями. Глядя на их свару, Вицель начал громко смеяться. Тогда великан и его жена заметили, что в их комнате есть еще кто-то. Они закричали:

— Воры! Воры! Эй, Лапобой, эй, Медолюб! Овцerez и Зайцегрыз! У нас в замке воры!

Верные слуги великана тотчас пробудились. Лев бросился в погоню, а поскольку его хвост был прочно привязан к мешку, на котором сидел закутавшийся в одеяло Вицель, лев вытащил из замка и торбу с одеждой, и находчивого сверху юношу. Лев Лапобой помчался по дороге, словно повозка с поклажей, а с вершины могучей ели вслед ему кричал петух:

— Кукареку!

Поскольку же лев никогда не видел и не слышал столь странных птиц, он еще прибавил ходу, думая, что это дьявол так кричит позади него, и вскоре добежал до стен Кругоземья. Вицель же вытащил из-за пояса нож и перерезал веревку, привязанную к хвосту льва. Тот же так изнемог от тяжелой поклажи, которую ему пришлось тащить за собой через горы и лес, что тут же рухнул на землю и испустил дух.

Медведь же, волк и пес так и не смогли пуститься в погоню за Вицелем, ведь их лапы были связаны, а веревка прикреплена к кровати великана. Три оставшиеся слуги Большенога начали реветь, выть, взлаивать и метаться по спальне великана. Тот в результате так разозлился на своих бестолковых помощников, что начал лупить их и в ярости вскоре прибил всех троих до смерти.

Когда же стражники на городской стене увидели, что прибежавший издалека лев испустил дух, они открыли ворота. Вицель приволок целый мешок платьев королю и его супруге. Одежды и впрямь оказались столь красивыми и такой тонкой работы, что подобных никто и не видывал.

Среди платьев был охотничий костюм, сшитый из шкур самых разных четвероногих. О таком чудесном наряде не упоминалось даже в знаменитых историях про Рейнеке-лиса¹. Королеве Быстрице досталась юбка, связанная из перьев самых разных птиц мира. Спереди ее украшали орлиные перья, сзади — перья сов, а карманы были оторочены перышками зимородков. При движении юбка начинала издавать приятные звуки, похожие на пение птиц. Нашелся в мешке и костюм рыболова. Он был скроен из рыбьих шкур, среди которых можно было узнать и речную форель, и морскую камбалу. Платье для работы в саду было украшено самыми разными цветами. В виде оборок к нему были прикреплены диковинные плоды и фрукты. Однако все наряды превосходило роскошное бархатное покрывало. Оно было сделано из меха летучих мышей, а по краю к нему были пришиты бриллианты, которые блистали, как звезды на ночном небе.

¹ *Рейнеке-лис* — название главного действующего лица одного из характернейших произведений средневековой эпики, известного во многих переделках и представляющего характеристику пороков и слабостей средневекового общества. В основе его лежат восточные (индийские) сказки о животных, проникавшие в Европу сначала путем греко-италийских преданий, а затем через Византию.

При виде всего этого великолепия, появившегося из мешка, который Вицель доставил королю из замка великана, придворные царедворцы только рты пораскрывали от удивления и досады. Некоторым от приступов зависти стало даже плохо. Король же обнял своего любимца и щедро наградил его.

Тем не менее коварные царедворцы не оставили своих планов погубить Вицеля. Они стали нашептывать королю Кругоземья, что теперь у него есть все, что можно пожелать. Нет разве что замка великана, который славился на всю округу своей суровой мощью. Король же, в чью голову было так просто вложить любую мысль, подумал, что и впрямь неплохо было бы ему завладеть замком своего давнишнего врага Большенога. Тотчас он позвал к себе Вицеля и высказал ему свое новое желание.

Затейник Вицель и на этот раз не колебался. В третий раз он направился к жилищу великана. Большенога в замке не оказалось, а из окон до юноши донеслись звуки, похожие на мычание теленка. Юноша подобрался поближе и заглянул в комнаты. Там он увидел, как Толстотупа играет со своим сыном-великаном, у которого, судя по всему, резались зубы.

Вицель тут же пробрался внутрь, подошел к великанше и сказал ей с поклоном:

— Приветствую вас, великая прекрасная госпожа! Как вы управляетесь в одиночку с таким большим и непоседливым ребенком? Где же ваши мамки, няньки и слуги? И где пропадает ваш дражайший супруг, позвольте мне спросить?

— Ах! — ответила Толстотупа. — Мой муж Большеног в отлучке. Он решил обойти всех своих родственников и сообщить им, что собирается устроить в замке пирушку. А я теперь одна должна и готовить еду, и прибирать в замке. Были у моего мужа четыре слуги: медведь Медолюб, волк Овцерез, пес Зайцегрыз и лев Лапобой, да первых троих он прибил до смерти, а четвертый убежал неведомо куда да так и не вернулся.

— Да, трудно вам одной управляться со всем хозяйством, — посочувствовал Вицель, — если пожелаете, я помогу вам. Для меня это будет большой честью.

Великанша подумала и согласилась. Тогда Вицель предложил ей:

— Хотите, я наколю вам для начала лучины, чтобы растапливать камин. Подержите полешко, будьте так добры.

Толстотупа нагнулась и взяла полено с пола. А храбрец в это время схватил топор и вмиг отсек ей голову. Вслед за ней покатилась и голова малыша-великана.

Вицель тут же направился к воротам замка и вырыл перед ними большую глубокую яму. Сбросив в нее оба тела, он прикрыл яму ветками и забросал их сверху листьями. Затем он зажег в замке все свечи, развел в камине огонь и повесил над ним медный котел, в который засунул все деревянные ложки, которые смог найти на кухне. После затейник нашел охотничий рожок и начал в него дуть, время от времени выкрикивая:

— Да здравствует Его Величество правитель Кругоземья! В его честь горят свечи, и кипит медный котел на огне, в котором уже приготовлены для едоков деревянные ложки, и поет охотничий рожок, и раздаются крики: «Да здравствует его Величество правитель Кругоземья!»

Когда ближе к вечеру великан Большеног подходил к своему замку, он увидел свет во всех окнах и услышал приветственные крики, восхвалявшие короля Кругоземья. Великана это так взбесило, что он кинулся со всех ног к воротам замка. Когда же он хотел перепрыгнуть через кучу листьев у порога, то провалился в глубокую яму и подвернул себе обе ноги. А Вицель тут же засыпал попавшегося великана землей и навалил сверху больших камней.

Разделавшись с Большеногом и его семьей, Вицель нашел ключ от ворот замка на горе и принес его королю Кругоземья, который сразу же пригласил свою супругу Быстрицу и

свою приемную дочь Шустрицу поехать осматривать новые владения. Не один день провели они, обследуя все комнаты, подвалы, крыши, камин и кухни замка на горе. Когда же все осмотры были закончены, король подозвал к себе затейника Вицеля и спросил его, какую награду тот хочет за все свои труды. А тот ответил, что не желает большего, чем взять принцессу Шустрицу себе в законные жены. Принцесса не отказала юноше, который был не только храбр, но и остроумен, находчив, образован, обходителен, весел и умен. В качестве свадебного подарка король Кругоземья подарил молодым замок великана, где они зажили долго и счастливо.

Столик-сам-накройся, золотой осел и дубинка из мешка

Много лет тому назад жил да был портной, а у него было три сына и всего-навсего одна коза. Но эта коза прокармливала их всех своим молоком, а потому и кормить ее надо было хорошо и ежедневно гонять на пастбище. Гонять ее сыновьям приходилось по очереди.

И вот однажды старший сын пригнал ее на кладбище, где росли превосходнейшие травы, и дал ей там досыта наесться и напрыгаться.

Под вечер, когда уже пора было домой идти, он спросил ее:
— Козочка, сыта ли ты?

И козочка отвечала:

Я так теперь сыта-сыта,
Что не могу съесть ни листа!..
Мэ-э!

— Ну так пойдем домой, — сказал молодец, ухватил ее за веревочку, привел в хлев и привязал ее там.

— Ну что, — спросил старый портной, — наелась ли козочка досыта?

— О да! Она так сыта, что не может съесть ни листа.

Однако же отец захотел сам в этом удостовериться, пошел в стойло, погладил милое животное и спросил:

— Козочка, сыта ли ты?

И козочка отвечала:

С чего могу я быть сыта?

Не съела в день я ни листа!..

Мэ-э!

— Что я слышу? — воскликнул портной, взбежал наверх и сказал сыну: — Ах ты, лжец! Говорил, что коза сыта, а сам заставляешь ее голодать? — и в страшном гневе сорвал аршин со стены, стал им бить сына и прогнал его из дому.

На другой день очередь дошла до другого сына, и тот выискал у садового забора такое местечко, где росла только отличная трава, и коза всю ее съела.

Под вечер, когда он хотел вернуться домой, он спросил:

— Козочка, сыта ли ты?

И козочка отвечала:

Я так теперь сыта-сыта,

Что не могу съесть ни листа!..

Мэ-э!

— Ну так пойдем домой, — сказал молодец, привел ее домой и привязал крепко-накрепко в стойле.

— Ну, — спросил старый портной, — довольно ли было корму у козочки?

— О-о! — сказал сын. — Да она так сыта, что не съесть ей ни листа.

Но отец решил убедиться сам, пошел в хлев и спросил:

— Козочка, сыта ли ты?

Козочка отвечала:

С чего могу я быть сыта?
Не съела в день я ни листа!..
Мэ-э!

— Ах ты, злодей, ах, бездельник! — вскричал портной. — Этакую славную скотинку да голодом морить! — взбежал вверх за аршином да и выгнал второго сына из дому.

Пришла очередь третьего сына. Тот задумал выполнить свое дело как можно лучше, выискал кустарничек с густой листвой и дал козочке вдоволь наесться листвы.

Вечерком, собираясь домой, он спросил у козочки:

— Козочка, сыта ли ты?

Козочка отвечала:

Я так теперь сыта-сыта,
Что не могу съесть ни листа!..
Мэ-э!

— Ну так пойдем домой, — сказал молодец, привел ее в хлев и привязал накрепко.

— Ну, — спросил портной, — наелась ли коза досыта?

— О, — отвечал сын, — так-то она сыта, что не съесть ей ни листа.

Не поверил портной сыну, пошел вниз, в хлев, и спросил:

— Козочка, сыта ли ты?

Злая тварь отвечала:

С чего могу я быть сыта?
Не съела в день я ни листа!..
Мэ-э!

— Ах ты, лживое отродье! — воскликнул портной. — Один другого хуже и нерадивее! Теперь уж вы меня не одура-

чите! — и в ярости взбежал наверх да аршином так наколотил сыну спину, что тот сам убежал из дома.

Вот и остался старый портной один-одинешенек со своей козой. На другое утро сошел он в хлев, стал ласкать козочку и сказал:

— Ну, пойдем, дорогая моя животинка, я сам сведу тебя на пастбище.

И повел ее на веревке к зеленым изгородям и стал кормить теми травами, которые особенно любимы козами.

— Тут ты можешь напиться сколько твоей душеньке угодно! — сказал он козочке и оставил ее пастись до самого вечера.

А вечером спросил:

— Козочка, сыта ли ты?

Она ответила:

Я так теперь сыта-сыта,
Что не могу съесть ни листа!..
Мэ-э!

— Ну так пойдем домой, — сказал портной, свел ее в хлев и привязал накрепко. Уходя из хлева, он еще раз обернулся и сказал: — Ну, сыта ли ты теперь?

Но коза и с ним так же поступила, как с сыновьями его, и отвечала:

С чего могу я быть сыта?
Не съела в день я ни листа!..
Мэ-э!

Услышав это, портной обомлел: он понял, что совершенно напрасно прогнал от себя своих троих сыновей.

— Погоди мне, — воскликнул он, — неблагодарная тварь! Прогнать тебя мало! Я на тебе такую отметину поставлю, что ты честным портным не посмеешь и на глаза показаться!

Мигом слетал он наверх, принес свою бритву, намылил козе всю голову и выбрил ее глаже ладони. А так как аршином бить ее было бы слишком много для нее чести, то он принес простую плетъ и так отхлестал козу, что та пустилась от него большими прыжками.

Портной, очутившись один-одинешенек в своем доме, крепко загрустил и охотно бы вернул к себе своих сыновей, но никто не знал, куда они подевались.

Старший поступил в учение к столяру, был в ученье старателен и послушен, и, когда время ученья миновало, его хозяин подарил ему столик, в котором на вид ничего мудреного не было, и сделан-то он был из самого простого дерева; но у него было одно хорошее свойство... Стоило только его поставить да сказать: «Столик, накройся!» — и тотчас на том столике явится чистенькая скатерка, а на ней и тарелка, и ножик с вилок, и блюдо с жареным или печеным, да еще, сверх того, большой стакан красного вина — глазам на усладу, сердцу на радость.

Молодой подмастерье подумал: «Ну, этого столика хватит мне на всю жизнь!» — и пошел себе бродить по свету, нимало не заботясь о том, в какую он попадал гостиницу: хороша ли, дурна ли она была и можно ли было в ней что-нибудь найти или нельзя.

Если вздумается ему, то он и вовсе не зайдет в гостиницу, а где-нибудь в поле, в лесу, на лугу вытащит столик из-за спины, поставит его перед собою и скажет: «Столик, накройся!» — и явится на столик все, чего душа желает. Наконец пришло ему в голову, что следует ему вернуться к отцу, что гнев у старика уже прошел и что он охотно примет его снова в дом с такой диковинкой, как этот столик. Случилось при этом, что на обратном пути зашел он однажды вечером в гостиницу, которая была переполнена постояльцами. Они его поприветствовали и пригласили сесть за их стол и разделить с ними трапезу.

— А то, — сказали они, — едва ли ты что-нибудь здесь до-
станешь.

— Нет, — отвечал столяр, — зачем стану я у вас отнимать;
лучше уж я сам вас угощу.

Те посмеялись и подумали, что он с ними шутит, а столяр
поставил свой деревянный столик среди комнаты и сказал:
«Столик, накройся!» Мигом покрылся стол кушаньями, да
такими, что их нельзя было бы достать и у хозяина гостини-
цы, а у гостей уж от одного запаха слюнки потекли.

— Принимайтесь-ка, друзья, — сказал столяр, и никто из
гостей не заставил себя просить дважды; все пододвинулись к
столику, вытащили ножи и принялись за еду. И более-то всего
удивлялись тому, что не успевало блюдо опорожниться, как на
его место само собою являлось новое.

Тем временем хозяин гостиницы стоял в одном из углов
комнаты и присматривался к этой диковинке; он и сам не
знал, что ему сказать, однако же подумал: «Такого повара не-
дурно было бы мне завести у себя, в моем хозяйстве».

Столяр и его гости веселились и потешались до поздней
ночи, пока наконец не улеглись спать. И молодой подмасте-
рье улегся также, поставив свой диковинный столик около
стенки.

А хозяин все никак не мог успокоиться: ему пришло в го-
лову, что в кладовой у него был столик точь-в-точь такой же,
как этот. И вот он тихонько вытащил свой столик и подменил
им столик столяра.

На другое утро столяр заплатил за свой ночлег, взял сто-
лик, вовсе не думая о том, что он подменен другим, и пошел
своей дорогой.

В полдень пришел он к отцу, который принял его с вели-
кой радостью.

— Ну, милый сын мой, чему ты выучился? — спросил он
у него.

— Батюшка, я теперь столяр.

— Доброе ремесло, — сказал старик, — ну, а что же ты из своих странствований домой принес?

— А вот, батюшка, лучшее из всего, что я принес, вот этот столик.

Портной осмотрел его со всех сторон и сказал:

— Ну, эта штука не важная — это просто старый и дрянной столишко.

— Да ведь это столик не простой, — сказал столяр, — если я его поставлю и скажу ему, чтобы он накрылся, так на нем тотчас явятся лучшие кушанья и такое вино, что и на сердце повеселеет. Вот вы и пригласите-ка всех родных и друзей к себе, пусть полакомятся и потешатся, мой столик их всех накормит.

Когда все гости были в сборе, он поставил свой столик посреди комнаты и сказал:

— Столик, накройся!

А столик и не двинулся и оставался по-прежнему пустым, как и всякий другой, не разумеющий заветного слова.

Тут увидел бедняга подмастерье, что столик у него подменен, и устыдился того, что он в глазах всех явился лжецом. Родные все его осмеяли и должны были разойтись по домам, не пивши и не евши.

Отец опять вытащил свое тряпье и стал портняжить; а сын определился к мастеру в подмастерья.

Второй сын портного пришел к мельнику и поступил к нему в ученье. Когда миновали годы ученья, хозяин-мельник сказал ему:

— Так как ты вел себя хорошо, то я тебе подарю осла особой породы, такого, что ни возок возить не может, ни кулей таскать.

— Так на что же он годен? — спросил сын портного.

— А вот на что: из него золото сыплется! — отвечал мельник. — Стоит тебе только поставить его на разостланный платок да сказать: «Бриклебрит», и посыплется у него золото отовсюду.

— Славная это штука! — сказал сын портного, поблагодарил хозяина и побрел по белу свету.

Чуть, бывало, занадобятся деньги, стоит ему только сказать ослу: «Бриклебрит», и сыплется золото дождем, и ему уж приходилось только подбирать его с земли. Куда бы он ни приходил, ему подавай только все самое лучшее, и чем доро-

же, тем лучше, потому что кошелек у него был постоянно полнешенек золота.

Побродив некоторое время по белу свету, он подумал: «Надо бы теперь отца разыскать. Ведь если я к нему теперь приду со своим ослом, он и гнев позабудет, и меня примет ласково».

Случилось, что на пути попал он в ту самую гостиницу, в которой был подменен столик у его брата. Сын портного вел осла под уздцы, и, когда хозяин хотел у него осла взять и привязать, наш молодец сказал ему:

— Не трудитесь, я своего ослика всегда сам ставлю в стойло, сам и привязываю, потому я должен знать, где он стоит.

Хозяину это показалось странно, и он подумал: «Ну, коли сам за ослом ухаживает, значит, не больно много от него наживешься». Но когда приезжий сунул руку в карман, да вытащил из него два червонца, да приказал ему закупить всего хорошего, хозяин и рот разинул, побежал и разыскал ему лучшее, что можно было добыть.

После обеда гость спросил, сколько ему следует заплатить, и хозяин не пожалел мела на запись — подвел счет так, что ему приходилось получить с гостя еще пару золотых.

Молодец наш сунул руку в карман, но денег в кармане у него не оказалось.

— Погодите минуточку, господин хозяин, — сказал он, — я сейчас схожу и принесу золота.

Пошел и скатерть с собой захватил.

Хозяин не мог понять, что бы это могло значить. Захотел узнать, прокрался за ним следом, и так как гость запер дверь конюшни на задвижку, то хозяин стал подглядывать через скважинку.

А гость разостлал под ослом скатерть, крикнул: «Брикле-брит!» — и тотчас посыпалось у осла золото и спереди, и сзади, и порядочно его попадало на землю.

— Ах, шут его возьми! — сказал хозяин. — Скоро же он червонцы чеканит! Такой кошель иметь недурно!

Гость уплатил по счету и лег спать. А хозяин пробрался ночью в стойло, увел оттуда диковинного осла и поставил другого на его место.

На следующее утро ранешенько молодец со своим ослом отправился в путь, не подозревая, что осел у него подменен.

В полдень пришел он к своему отцу, и тот ему обрадовался и принял его ласково.

— Ну, сынок, что-то из тебя случилось? — спросил старик.

— А я теперь в мельниках, батюшка, — отвечал сын.

— А что же ты, сынок, с собою из странствований своих принес?

— А всего только одного осла.

— Ослов тут и так довольно, — сказал отец, — по мне хорошая коза была бы лучше осла.

— Да, конечно! — отвечал сын. — Да только мой осел-то не простой, а диковинный. Чуть только скажу ослу: «Бриклебрит», так он и насыплет мне полный платок золота. Созовите-ка всех родственников, я их сразу обогащу.

— Это мне нравится, — сказал портной, — значит, мне не нужно будет более мучиться с иглой? — и тотчас вскочил, сам побежал по всем родственникам и всех к себе созвал.

Когда они все были в сборе, мельник, сын портного, попросил их очистить место, разостлал свою подстилку и привел осла в комнату.

— Теперь смотрите! — сказал он им и произнес громко: — Бриклебрит!

Однако же никаких червонцев не посыпалось, и выяснилось тотчас, что осел ничего не разумеет в искусстве добывания золота... И то сказать, не всякий же осел обладает таким даром!

Тогда у бедняги лицо повытянулось: он увидал, что его обманули и стал просить извинения у своих родных, которым пришлось вернуться домой такими же бедняками, как прежде. Что же было делать? Пришлось старику портному опять взяться за иголку, а нашему молодцу — поступить в услужение к соседнему мельнику.

Третий сын был в ученье у токаря, и так как это ремесло хитрое, то и пришлось ему учиться дольше всех братьев. Однако же братья известили его письмом, как плохо им пришлось от того хозяина гостиницы, который накануне их возвращения домой сумел оттягать их диковинки.

Когда третий брат окончил ученье у токаря и должен был с ним расстаться, токарь подарил ему за хорошее поведение мешок и сказал:

— В этом мешке лежит дубинка.

— Мешок-то я могу через плечо повесить, и он мне может пригодиться, но к чему же в нем дубинка? Она будет только напрасно тяготить меня.

— А вот к чему, — отвечал мастер, — если тебя кто-нибудь обидит, ты только скажи: «Дубинка, из мешка!» — дубинка выскочит и так примется отплясывать на любой спине, что побитый потом дней восемь и пошевелиться не сможет. И до тех пор будет плясать, пока ты не скажешь: «Дубинка, в мешок!»

Подмастерье поблагодарил мастера, повесил суму через плечо, и когда кто-нибудь подходил к нему слишком близко или умышлял на его жизнь, то он, бывало, только скажет: «Дубинка, из мешка!» — и тотчас выпрыгнет дубинка и пойдёт выколачивать на спинах платье прежде, чем даже и снять его успеют; да так-то быстро и ловко, что раньше, чем один оглянуться успеет, дубинка уж за другого принимается.

Путем-дорогою молодой токарь пришел под вечер в ту гостиницу, в которой его братья были обмануты плутом-хозяином. Он положил перед собой свою котомку на стол и стал

рассказывать, что он видел диковинного на свете во время своих странствований.

— Да, — сказал он, — бывают такие столики, что сами накрываются, и ослы, из которых золото сыплется само собою, — все это, конечно, недурно, и я бы от этого всего не отказался, но все это ничто перед тем сокровищем, которое я успел приобрести и везу с собой в мешке.

Хозяин тотчас и уши насторожил. «Что бы это могло быть такое? — подумал он. — Мешок-то у него, верно, набит одними драгоценными камнями; недурно бы мне и его прибрать к рукам: недаром говорится, что всего хорошего бывает по трое».

Когда пришло время спать ложиться, гость растянулся на лавке и подложил свой мешок под голову. Хозяин же, когда решил, что гость его заснул глубоким сном, подошел к нему, ухватился за мешок и стал полегоньку тащить из-под головы гостя, чтобы заменить его другим мешком.

А токарь давно уже только этого и поджидал, и, в то самое время, когда хозяин собирался дернуть мешок посильнее, он воскликнул:

— Дубинка, из мешка!

И тотчас же дубинка выскочила из мешка, наскочила на хозяина и давай его по всем швам разделявать! Хозяин стал кричать и молить о пощаде; но чем громче он кричал, тем сильнее выбивала дубинка в такт этому крику дробь по его спине, пока наконец он не упал в совершенном изнеможении.

Тогда токарь сказал ему:

— Если ты не вернешь мне столик-сам-накройся и осла, что золото сыплет, я велю дубинке еще раз поплясать на твоей спине.

— Ах, нет, — отвечал хозяин чуть слышным голосом, — охотно верну тебе все — вели только этой проклятой дубинке опять вскочить в мешок.

Молодец сказал на это:

— Ну, я тебя помилую, хоть и не следовало бы, но берегись у меня! — и, крикнув при этом: — Дубинка, в мешок! — оставил хозяина в покое.

На другое утро токарь отправился к отцу со всеми тремя диковинками.

Портной очень обрадовался, свидевшись с ним, и его также спросил, чему он выучился на чужбине.

— Я, батюшка, выучился токарному мастерству.

— Хитрое мастерство, — заметил отец, — а что ты с собою принес домой из своих странствований?

— Дорогую привез я диковинку, батюшка! — отвечал сын. — Привез дубинку в мешке.

— Что такое? — воскликнул отец. — Стоило ли эту дрянь с собою привозить! Ведь ты дубинку-то можешь из каждого дерева себе вырубить!

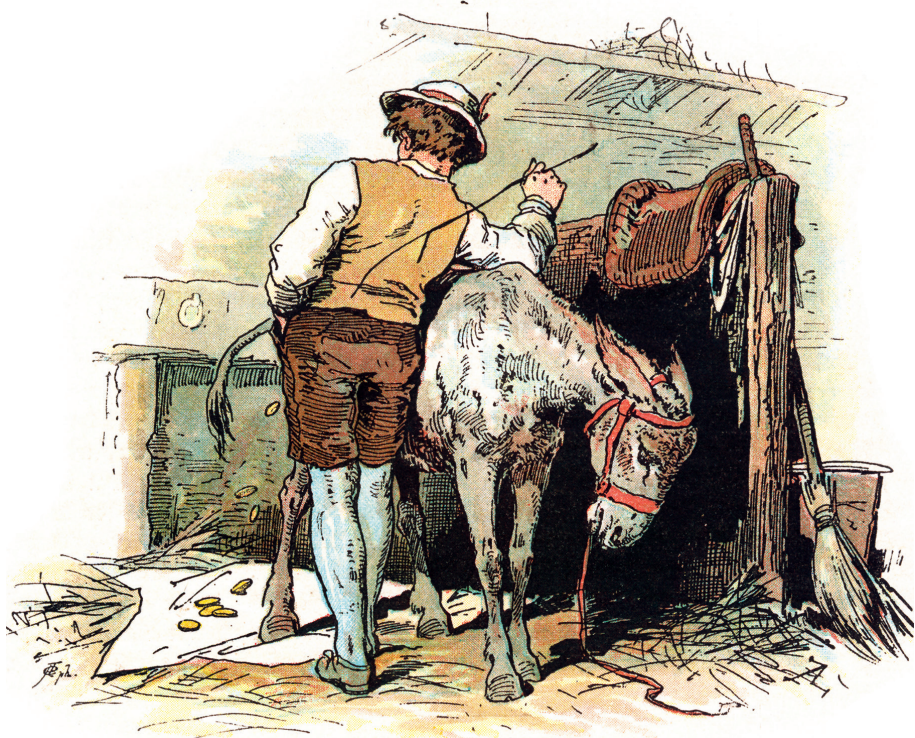
— Ну нет! Такой не вырубить! Ведь этой стоит сказать: «Дубинка, из мешка!» — и выскочит дубинка, и задаст ходу тому, кто мне недруг, и до тех пор не оставит в покое, пока тот наземь не свалится и не завопит о пощаде. Вот, видите ли, с этой дубинкой я сумел вернуть и диковинный столик, и диковинного осла, которые вороватым хозяином отняты были у моих братьев. Прикажете-ка их обоих позвать да пригласите всех родных: я их напою и накормлю досыта да еще набью им золотом полнешеньки карманы.

Старый портной не очень этому поверил, однако же созвал всех родных. Тогда токарь разостлал в комнате покрывало, ввел диковинного осла и сказал брату:

— Ну-ка, братец, поговори с ним по-своему.

Мельник сказал: «Бриклебрит», — и в то же мгновение дождем посыпались на покрывало червонцы и сыпались до тех пор, пока все не набрали себе столько, сколько могли снести.

Затем токарь вынес столик и сказал:

— Братец, поговори ты с ним по-своему.

И как только столяр проговорил: «Столик, накройся!» — столик накрылся, и явились на нем прекраснейшие блюда.

Тогда началось пиршество, какого старый добряк-портной еще никогда не видывал в своем доме, и все родственники оставались в сборе до поздней ночи, и все веселились и были довольны.

Затем старый портной запер в шкаф свои иголки и нитки, аршин и утюг — и зажил со своими сыновьями припеваючи.

А куда же коза-то девалась, которая была виною того, что старый портной прогнал от себя своих троих сыновей?

А вот куда.

Устыдилась она того, что голова-то у нее была обрита, вбежала в лисью нору да и прихоронилась там. Когда вернулась лиса домой, видит: горят в темноте чьи-то большие глаза; испугалась лиса и прочь побежала.

Повстречался ей медведь, и так как лиса на вид была чем-то крепко смущена, то медведь и спросил ее:

— Что это ты такую кислую рожу скроила?

— Ах, — отвечала лиса, — какой-то страшный зверь забрался в мою нору да так и вылупил на меня огненные глаза свои.

— О! Мы его сейчас турнем оттуда! — сказал медведь, пошел вместе с лисою и заглянул в ее нору; но, увидев огненные глаза, светившиеся в темноте, медведь тоже струхнул: он не пожелал иметь никакого дела с укрывшимся в норе диким зверем и дал тягу от норы.

Повстречалась ему пчела, заметила, что медведю не по себе, и сказала:

— Мишенька, чего ты пригорюнился и куда же девалась твоя веселость?

— Хорошо тебе говорить! — сказал медведь. — А посмотрела бы ты, какой страшный зверь с огненными буркалами засел в норе лисицы, и выгнать мы его не можем.

Пчела сказала:

— Жаль мне тебя, Мишенька! Я бедная, слабая тварь — вы меня и вниманьем не достаиваете; а все же я думаю, что я могу вам помочь.

Влетела она в нору лисицы, села козе на бритую голову и ужалила ее так жестоко, что та вскочила с места, заблеяла: «Мэ! Мэ!» — и пустилась как полоумная со всех ног...

Так никто ее с той поры и не видывал!

Золотая дочка

Врядом с городскими воротами на поляне стоял небольшой домик. В нем жили муж с женой и их единственная малышка. Родители называли ее Золотой дочкой — так сильно они ее любили. Малышка была милым живым созданием, шустрым, как ласка. Однажды рано утром ее мать пошла на кухню, чтобы налить из кувшина молока. К этому времени девчушка уже выбралась из своей кровати и стояла на пороге в одной ночной сорочке.

Летнее утро было чудесным, и малышка подумала: «Кто знает, быть может, завтра соберется дождь... Пойду-ка я сегодня погулять». Как только эта мысль пришла ей в голову, девочка ступила за порог и направилась через поле к зарослям на его дальнем конце. Когда она дошла до кустов, то очень удивилась, потому что орешник затряс своими ветвями и пропел:

Гольшка в рубашонке,
Зачем пришла сюда?
Без ботинок и юбочки
И в одном носочке.
Потеряешь его и продрогнешь.
Беги домой скорей
Поспеси, торопись!

Однако девочка не послушалась и пошла дальше — туда, где в зарослях виднелась поверхность пруда. На его берегу стояла утка с выводком из пятнадцати утят. Все они были желтыми как яичные желтки. Когда утка увидела девочку, она начала громко крякать. Утка раскрыла свой клюв и двинулась навстречу, делая вид, что хочет клянуть девочку. Однако Золотая дочка не испугалась. Подходя ближе, она сказала:

Утка-крякуха,
Хватит шуметь.
Помолчи немного!

— А! — сказала утка. — Так это ты, Золотая дочка! Не обижайся, я ведь не видела, кто это идет. Я знаю, что ты не причинишь нам вреда. Как поживаешь? Здоровы ли твои отец и мать? Как славно, что ты решила нас навестить. Для нас это большая честь. Вижу, ты поднялась сегодня очень рано. Пойдем, мне будет приятно показать тебе наш пруд.

Как только утка это прокрякала, Золотая дочка спросила ее:

— Скажи мне, тетушка Утка, откуда у тебя эти желтые канарейки?

— Канарейки? — удивилась утка — Разве ты не видишь? Это мои утята!

— Они умеют славно попискивать, а вместо перьев у них лишь пушок. Чем ты их кормишь? — спросила девочка.

— Они пьют прозрачную воду и заедают чистейшим песком, — ответила утка.

— Однако от такой пищи вряд ли подрастешь, — удивилась Золотая дочка.

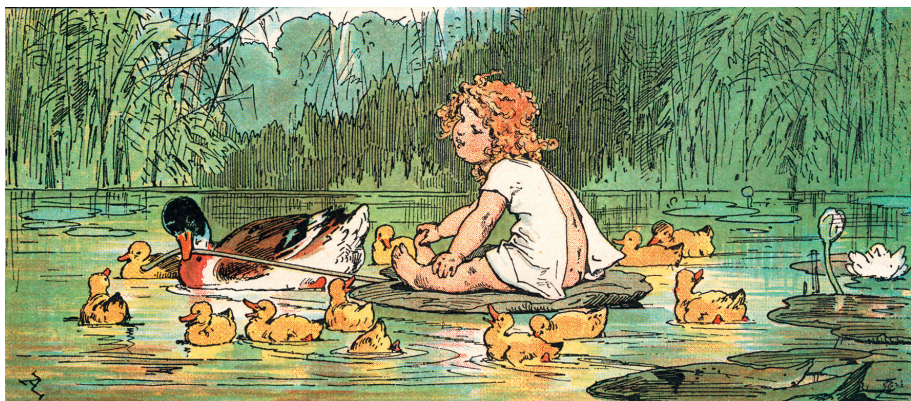
— С ними все будет хорошо. — сказала утка — Их еда благословенна; в песке попадают и корешки, и червячки, и даже улитки.

— А нет ли тут поблизости мосточка? — спросила девочка.

— Нет, — вздохнула утка, — мостика нет. Однако если ты хочешь перебраться на другую сторону пруда, я могу тебя перевезти.

При этих словах утка спустилась к воде, оторвала большой лист кувшинки и поставила на него девочку. Затем она захватила остаток стебелька в клюв и так повезла Золотую дочку на другой берег. Утята шустро плыли рядом.

— Спасибо, тетя Утка, — сказала девочка, оказавшись на другом берегу.

— Не стоит благодарности, — ответила утка. — Всегда к твоим услугам. Однако не хочешь ли ты вернуться к своим родителям? Наверное, они уже беспокоятся о тебе...

Однако девочка не послушала утку и пошла дальше. На другом берегу пруда была еще одна поляна, на которой Золотая дочка заметила аиста. Она подошла к нему и сказала:

— Здравствуйте, господин Аист! А что это за зелено-пятнистая штуковина у вас в клюве и почему она издает громкие звуки, когда вы ее хватаете?

— Это салат-дергунчик, — ответил в шутку аист. — Дергунчик-салат, моя девочка!

— А мне можно такого салата? — спросила Золотая девочка. — А то я уже проголодалась!

— Этот салат не для тебя, — ответил аист.

При этом он слетал к ручью, опустил в воду свой клюв и вытащил оттуда расписанную золотом чашку с молоком и коржик. После аист поднял свое правое крыло, и оттуда выпал кулек конфет. Не зная, что на это и сказать, Золотая дочка села на траву и принялась за угощение. Когда она подкрепилась, то сказала:

— Большое вам спасибо! Доброго вам здоровья!

На что аист ответил:

— Не за что, моя крошка! Не хочешь ли ты теперь вернуться домой, ведь твои папа и мама наверняка тебя уже ищут?

Однако девочка лишь покачала в ответ головой. Она встала и пошла дальше своей дорогой. Вскоре Золотая дочка заметила маленькую голубую бабочку, порхавшую вокруг ее головы.

— Голубая крошка, — сказала девочка, — не хочешь ли ты сыграть со мной в прятки?

— С бы с удовольствием, — ответила бабочка, — но, наверное, тебя заждались дома?

— Вовсе нет! — отвечала Золотая дочка. — До вечера еще так долго.

— Хорошо, — ответила бабочка, — давай поиграем, но ты не должна приближаться ко мне, чтобы не смахнуть пыльцу с моих крыльев.

И они стали гоняться друг за другом по поляне и играли так до самого вечера. Когда же солнце стало клониться к закату, Золотая дочка решила присесть отдохнуть перед дорогой домой. Когда она сидела в траве, то заметила, что все цветы тоже устали и укладываются на ночлег. Маргаритка качала своей головкой. Время от времени она поднимала ее, обводила все кругом сонным взглядом и снова опускала голову. Рядом с ней росла белая астра. Наверняка она была мамой маргаритки. Астра говорила маргаритке:

— Ангел мой, смотри не надломи свой стебелек. Давай-ка укладывайся, дитя мое!

При этих словах маргаритка совсем склонилась и заснула. Ее лепестки опустились и закрыли ее головку. Вслед заснула и астра. Глядя на засыпающие цветы, Золотая дочка и сама стала клевать носом. Ее веки потяжелели, закрылись, и девочка легла в траву.

Тем временем мама Золотой дочки давно хватилась своей девочки. Она громко ее звала, обыскивая все углы. Заглянула в каждую комнату, под каждую кровать. Искала и под лестницей. Она пересекла поле, дошла до орешника и пошла дальше — до самого пруда. «Нет, на ту сторону она перебраться не могла», — сказала себе мама Золотой дочки и вернулась домой. Она снова обшарила его от подвала до крыши и снова заглянула под лестницу. Не найдя дочку, она опять вышла в поле и снова дошла до кустов и до пруда. Так она искала малышку целый день, в то время как ее отец бродил по городу и спрашивал всякого встречного, не видел ли тот его Золотой дочки.

Когда же на землю упала темнота, один из двенадцати ангелов, что всегда кружат над миром, полетел посмотреть, нет ли где потерявшейся девочки, которую следует привести домой к ее матери. Ангел взглянул вниз на зеленый луг и увидал на нем спящую Золотую дочку. Он осторожно поднял ее, не разбудив, и понес в город, выглядывая дом, в котором все еще горел свет. «Это будет дом, к которому она живет», — думал он. И впрямь, вскоре ангел увидел свечу, горевшую на подоконнике в прихожей. Он осторожно заглянул в окно и увидел мать с отцом. Они сидели за столом напротив друг друга, держали друг друга за руки и горько плакали. Ангел тихонько отворил дверь, положил девочку у порога и улетел.

А родители продолжали сидеть за столом. Наконец мать встала, зажгла еще одну свечу и снова стала обходить весь дом, заглядывая в углы, под кровати и под лестницу.

— Уймись, женщина, — сказал отец Золотой дочки, — ты уже столько искала везде, что нет смысла продолжать делать это. Иди спать. Наверное, наша дочурка свалилась в пруд и утонула...

Однако мать Золотой дочки не послушала своего мужа, а продолжала искать. И когда она посветила свечой у порога,

то увидела мирно спавшую девочку. От радости женщина вскрикнула так громко, что ее муж буквально свалился вниз по лестнице, рванувшись к ней на помощь. Навстречу ему шла его супруга с девочкой на руках. Золотая дочка так устала за день, что даже не проснулась от громких возгласов радости своих родителей.

— Где ты ее нашла? Где? — воскликнул муж.

— Она лежала спящей у порога, — ответила его супруга. — Однако я искала там весь день...

Тогда ее муж покачал головой и сказал:

— Есть на свете вещи, которые мы не можем объяснить. Только одного Господа должны мы благодарить за то, что наша дорогая Золотая дочка нашлась!

Соломинка, уголек и боб

В одной деревне жила бедная старушка. И набрала она однажды целое блюдо бобов, и собиралась их варить. На очаге своем она вздула порядочный огонек, а чтобы он разгорался повеселее, подкинула в огонь пучок соломы.

Когда она стала ссыпать бобы в горшок, один боб незаметно соскользнул с блюда, упал на пол и очутился там рядом с соломинкой; а тут еще к ним обоим выскочил и раскаленный уголек из печки.

Тогда соломинка повела речь и сказала:

— Милые друзья, откуда это вы сюда пожаловали?

Уголь отвечал:

— Я, по счастью, ускользнул от огня, и если бы я этого не добился, то гибель моя была бы неизбежна: пришлось бы в золу перегореть.

Боб добавил:

— Да вот и я тоже кое-как уцелел; и если бы старуха засадила меня в горшок, пришлось бы и мне развариться в кашу, как и всем моим землякам.

— И мне тоже повезло, — сказала соломинка, — всех моих собратьев старуха сожгла и на ветер дымом пустила — с полсотни соломинок разом захватила в горсть да и прикончила. А вот мне таки посчастливилось — проскользнула у нее между пальцев.

— А что нам теперь делать? — спросил у товарищей уголек.

— По-моему, — отвечал боб, — так как нам удалось счастливо избежать гибели, то мы и должны действовать заодно, как добрые товарищи. А чтобы нас здесь опять не постигло какое-нибудь несчастье, нам следует всем вместе выселиться отсюда и перебраться в иную страну.

Это предложение понравилось остальным приятелям, и они собрались все вместе в путь-дорогу.

Вскоре, однако же, подошли они к маленькому ручью, а так как через него не было перекинуто ни мостика, ни дощечки, то они и не знали, как им переправиться.

Соломинке пришло в голову мудрое решение, и она сказала:

— Я перекинусь поперек ручья, а вы сможете переправиться по мне, как по мосточку.

Вот и растянулась соломинка с бережка на бережок, и уголек, горячий и скоренький по природе, сразу же задумал перебежать по новопостроенному мосточку.

Но как добрался он до середины да слышал под собою плеск воды, его страх-то и обуял: он приостановился и не решился двинуться далее.

Соломинка загорелась, распалась на две части и упала в ручей. Уголек рухнул в воду вслед за ней, зашипел в воде — и был таков.

Боб, который из осторожности все еще оставался на берегу, стал что есть мочи хохотать над своими приятелями и хохотал до того, что наконец лопнул.

Пришлось бы и ему пропадать, если бы, на его счастье, не случился тут же странствующий портной. Он отдыхал на берегу ручья.

Сжалился он над бобочком, достал иглу и нитку и сшил обе половинки.

Боб очень его благодарил, но так как портной пустил в дело черную нитку вместо белой, то с тех пор у всех бобов остался черный шов посередине.

Три сестры

Был-был однажды богатый король, да настолько богатый, что верил: богатство его никогда не иссякнет. А потому жил он в роскоши, ел с золотых тарелок, а пил из серебряных кубков. Так продолжалось долгое время, пока богатство его не иссякло. Пришлось королю все свои замки и многие дома свои продать чужим людям за долги. В конце концов пришлось ему перебраться в небольшой лесной замок. Прихватил он с собой свою королеву и трех дочек-принцесс, и пошла у них жизнь настолько бедная, что каждый день на завтрак, обед и ужин пришлось есть им одну картошку.

Решил однажды король, что неплохо было на обед хоть кролика подстрелить. Решил так и пошел охотиться. А надо сказать, что замок, где жил обнищавший король, стоял на краю большого леса, в который люди ходить отказывались. Про лес тот рассказывали страшные вещи. Говорили, встречались в нем не только задиравшие людей медведи и волки и не только орлы, которые готовы были выклевать путникам глаза, но и прочие ужасные бестии. Хотя король и слышал про то, однако в лес все-таки углубился.

Сначала он не увидел ничего необычного, лишь огромные вековые деревья вставали у него на пути. Через некоторое время король проголодался и сел под деревом, чтобы подкрепиться прихваченной из дома печеной картошкой. И тут из чащи вышел к нему огромный медведь. Он вразвалку подошел к королю и сказал:

— Кто ты такой, чтобы без спросу сидеть под моим деревом, на которое я залезаю за медом? Придется тебе дорого заплатить за такую наглость!

Король очень испугался и предложил медведю свою картошку, думая тем умиловить его. На что медведь рассердился еще больше и взревел:

— Не надобна мне твоя картошка, я и сам ее нарою! А ты же за свою провинность отдашь за меня свою старшую дочь, а за нее я дам тебе пуд золота.

Король от страха, что медведь его задерет, пообещал выполнить требование зверя, а тот указал ему дорогу из лесу и прорычал вслед:

— Через семь дней я приду за своей невестой!

Король благополучно вернулся домой, думая, что может, дело с медведем как-нибудь и обойдется, если покрепче запереть все окна и двери в замке. Ведь не пролезет же он внутрь через замочную скважину. Король приказал поднять разводной мост, а дочке велел мужаться, поместив ее в высокую зубчатую башню, где она могла в безопасности переждать семь дней.

На седьмое утро, когда все еще спали, к воротам замка подкатила карета, запряженная шестеркой лошадей. Рядом скакали одетые в золото и парчу рыцари. При этом мост замка сам собой опустился, а ворота замка распахнулись. Карета вкатил на двор, и из нее вышел молодой красивый принц. От стука колес по камням король проснулся. Он выглянул в окно и увидал, что принц не только освободил его старшую дочь из надежно запертой башни, но уже и в карету ее посадил.

Король только и успел крикнуть:

— Прощай, моя дочь! А ты знай, что увозишь медведю невесту!

Дочка помахала отцу своим белым платочком из окна кареты, и вся процессия быстро умчалась в сторону леса, как будто подхваченная волшебным ветром.

В сердце же своем король догадался, что это медведь в человеческом обличье пожаловал в его замок, и горько плакал с супругой три дня о судьбе своей несчастной дочери. На четвертый день король решил: что случилось, того уж не из-

менишь. Он спустился вниз во двор и обнаружил там большой неподъемный кованый сундук. Король понял, что это обещанный медведем подарок. И впрямь: когда он откинул крышку, то увидел, как внутри переливались и поблескивали на солнце золотые монеты.

Вид золота немного утешил короля. Он выкупил часть своих домов и зажил по-прежнему на широкую ногу. Однако прошло не так много времени, золото закончилось, и пришлось королю со своими домашними снова питаться печеным картофелем. А надо сказать, что от прежней роскошной жизни у короля остался ловчий ястреб, и король решил поохотиться с ним, чтобы добыть пернатую дичь. Ястреб взвился в воздух и полетел в сторону чащобы, в которую король углубляться больше не решался.

Вскоре над кронами деревьев поднялся огромный орел, который погнал ястреба обратно к замку. Король метнул в подлетевшего орла копье, но тот схватил его и переломил, как тростинку. Затем он впился королю в плечо своими острыми когтями и заклекотал:

— Как ты посмел вторгнуться в мое воздушное царство?! Придется теперь тебе отдать за меня твою среднюю дочь!

На что король ответил:

— Будь по-твоему, но что я получу взамен?

Орел же сказал:

— Двести фунтов золота! Жди меня через семь недель!

При этих словах он отпустил короля и улетел прочь.

Король опечалился, что и вторую свою дочь придется отдать ему за оборотня, но сам ничего ей не сказал о своем обещании. Шесть недель пролетели, а на седьмую, когда принцесса гуляла на лужайке перед замком, перед ней возникла кавалькада рыцарей. Самый красивый из них спрыгнул с лошади и сказал принцессе:

— Поедем со мной, верь мне, орлиная невеста!

И прежде чем принцесса смогла что-то ответить, рыцарь уже поднял ее на лошадь и помчал к лесу, вскрикивая на скаку, словно хищная птица.

Напрасно ждал король в замке возвращения с прогулки своей второй дочери. Когда к вечеру она не вернулась,

он понял, что орел, скорее всего, выполнил свое обещание. Тем не менее король вышел из замка поискать свою дочь, но вместо нее нашел на лужайке два золотых яйца, каждое весом в сто фунтов. А кто был богат, тот знает, что золото способно прогнать из головы многие тяжелые мысли. Поэтому король снова зажил, как прежде, и веселился, пока золото снова не

закончилось. И опять пришлось королю, его жене и младшей дочери есть в лесном замке печеный картофель.

Король больше не решался охотиться на зайцев в лесу и на птиц в небе, однако он мог еще порыбачить и добыть к столу форель или щуку. Младшая дочка связала ему сеть, и король отправился с ней к пруду, который находился неподалеку от леса. На берегу нашлась лодка. Король сел в нее, отплыл от берега и забросил сеть в воду, где плавало много рыбин. Он уже хотел вытащить сеть, как вдруг из глубины к лодке всплыла огромная рыба, похожая на кита. Он уставился на короля своими выпученными глазами и пробулькала:

— Кто это тут осмеливается ловить моих подданных? Это будет стоить тебе жизни!

При этом царь-рыба распахнула свою пасть, словно собиралась проглотить короля вместе с лодкой. Когда король это увидел, он потерял все свое мужество и воскликнул:

— Пощади меня и возьми взамен моей жизни мою младшую дочку!

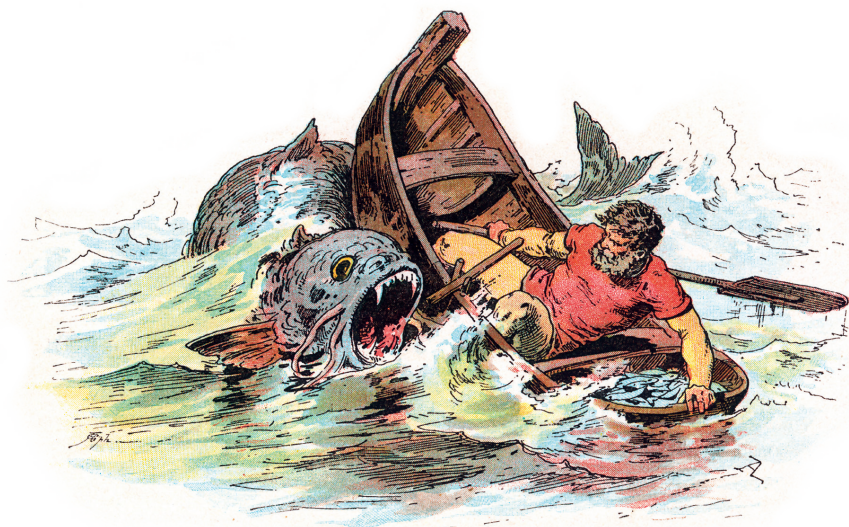
В ответ рыба-кит пробулькал:

— Будь по-твоему! В ответ я дам тебе кое-что взамен. Золота у меня нет, однако дно моего подводного царства вымощено жемчугом, и я дам тебе его целых три мешка. Жди меня, когда на небо взойдет седьмая полная луна!

С этими словами огромная рыба погрузилась в воду и исчезла в глубине.

Король втащил сеть в лодку и выбрал из нее несколько форелей. Однако дома, когда его супруга подала их к столу жареными, он не притронулся к еде, а все смотрел с грустью на свою младшую дочь. Она была для короля самой красивой и самой любимой, и мысль, что он может скоро лишиться и ее, ножом вонзалась в его сердце. Так прошло шесть месяцев, а королева и принцесса так и не узнали, почему все это время король ходил мрачнее тучи.

Во время седьмого полнолуния принцесса спустилась во двор замка, чтобы набрать воды из журчащего фонтана, как вдруг появилась перед ней карета, запряженная шестеркой белоснежных лошадей, и возникли люди в серебристых одеждах. Из кареты вышел принц, да такой красивый, что и описать невозможно. Он подошел к девушке и попросил у нее стакан воды. И когда принцесса протянула ему руку со стаканом, красавец схватил ее за талию и усадил в карету, которая тут же рванулась с места в сторону пруда. До замка лишь эхом донеслись слова:

— Прощай, невеста царя-рыбы...

Когда стоявшая у окна королева увидела улетающую вдаль карету, сердце ее наполнилось болью и печалью. Она кинулась искать свою младшую дочь, но нигде не могла ее сыскать. Тогда королева заплакала от горя, а король рассказал ей историю про царя-рыбу. Он хотел утешить свою супругу, поведав, что теперь они снова станут богаты благодаря обещанному выкупу. Однако королева ответила, что и слышать ничего не хочет о богатстве, потому что дочка дороже ей всех сокровищ мира.

Тем не менее король оказался прав. Пока принц сажал в карету его дочь, наряженные в серебряные одежды слуги оставили у ворот замка три больших мешка. Когда король их развязал, они оказались наполненными жемчугом, да таким крупным, как самые большие горошины.

Король стал богаче прежнего. Он вернул себе все дома и замки, однако жизнь его больше не радовала. В его покоях царила тишина, а когда он думал, что три его любимых дочери отданы за оборотней и, возможно, уже растерзаны ими, у короля пропадало всякое желание жить дальше. Королева же, убиваясь по своим дочерям, выплакала слез больше, чем жемчужин, которые получила от царя-рыбы.

Однако время лечит все сердечные раны. Прошел год, и королева утешилась. Бог дал ей ребенка. Она родила красавца мальчика, которого нарекли Рейнальдом. Когда он подрос и превратился в статного юношу, королева рассказала ему о трех его сестрах, выданных замуж за оборотней. Когда Рейнальду исполнилось шестнадцать лет, он потребовал от своего отца дать ему доспехи, меч и коня. Получив их, он попросил родителей благословить его на подвиги, чтобы освободить своих сестер из плена. Юноша сел на лошадь и направился прямо к заколдованному лесу.

Он долго ездил среди деревьев, не встречая ни зверя, ни человека. Наконец на третий день скитаний он подошел к пещере и увидел сидящую перед ней молодую женщину. Она играла с молодым медведем, а совсем маленький медвежонок лежал у нее на коленях. Рейнальд подумал, что это, должно быть, его старшая сестра. Он спешил, подошел ближе и сказал:

— Дорогая сестра, я твой брат Рейнальд, и я пришел проведать тебя.

Принцесса взглянула на юношу и, поскольку увидала, что он очень похож на ее отца, не усомнилась в его словах. В ответ она прошептала:

— Брат мой, если жизнь тебе дорога, поспеши и уезжай отсюда. Скоро вернется мой муж-медведь. Если он обнаружит тебя здесь, то сожрет без всякого сожаления.

Рейнальд же ответил:

— Я не боюсь медведя и не брошу тебя. Покажи, где здесь можно спрятаться.

Когда принцесса поняла, что ее брат твердо решил остаться, она повела его в свою пещеру. В ней с одной стороны лежала куча сена и листьев, на которых спали медведь и его медвежата, а с другой стороны стояла кровать красного дерева с позолотой, на которой почивала принцесса. Она поместила брата под эту кровать, оставив ему немного еды.

Прошло совсем немного времени, и медведь вернулся домой. При этом он прорычал:

— Чую дух человека! Не его ли это голова виднеется под кроватью?

На что принцесса успокоила своего супруга:

— Не волнуйся! Ну кто может сюда заявиться?

Однако медведь не успокоился:

— Я видел лошадь в лесу, — бормотал он, — и чую своим носом запах человека. Надо бы проверить, нет ли кого под кроватью...

Однако принцесса рассмеялась и оттолкнула медведя от кровати. Тот поворчал еще немного, а потом завалился спать на свою кучу сена. Заснул и Рейнальд.

Муж принцессы жил в своей пещере в зверином облике лишь один день из семи. В остальное время он принимал облик царевича, пещера становилась замком, а лесные звери приходили к нему в облике верных слуг. В медвежий замок приходили фрейлины. Принцесса танцевала с ними целый день кряду и засыпала очень довольная. Когда же она пробуждалась ото сна на восьмой день, то замок снова становился пещерой, а ее супруг — косматым медведем. Лишь кро-

вать, на которой спала принцесса, сохранила свой прежний облик.

Так принцесса и жила. Шесть дней в неделю ее муж был человеком, а на седьмой становился медведем. С двумя детьми принцессы происходили те же чудеса. При этом муж-медведь был послушен своей госпоже и делал все, что она ему велела.

Превращения случились и с Рейнальдом. Когда он проснулся, то обнаружил себя лежащим в большой кровати на шелковом белье. С утра к нему поспешили слуги и стали одевать его в богатое платье. К нему пришли выразить свое почтение хозяин замка и двое его сыновей. Веселье и развлечения продолжались несколько дней, а вечером шестого дня сестра юноши сказала:

— Теперь берегись, брат! Наутро мой муж снова станет медведем. Если он найдет тебя здесь, то не сможет превозмочь свою звериную природу и растерзает тебя.

Хозяин же пещерного замка, все еще находясь в человеческом облике, подошел к Рейнальду и сказал ему:

— Вот тебе три волоска из моей шкуры. Если попадешь в беду, потри их — и я тотчас приду на помощь.

С этими словами он обнял Рейнальда и поцеловал его.

Тут же юноша очутился в карете, запряженной шестеркой вороных лошадей. Они взяли в галоп, и карета полетела в ночь через горы и долины, через пустоши и чащи. Под утро, когда небо начало сереть, карета и лошади исчезли, и Рейнальд обнаружил себя на земле, по которой от него быстро ползли шесть больших черных муравьев, тащивших за собой скорлупу лесного ореха.

Однако это был все тот же заколдованный лес, и теперь Рейнальд должен был найти в нем свою вторую сестру. Три дня он бродил по чаще среди деревьев, пока на четвертый день не услышал, как огромный орел возится в своем гнезде. Рейнальд спрятался в кустах и стал поджидать.

Прошло часов семь, прежде чем орел наконец покинул свое гнездо и взвился в воздух. Тогда Рейнальд подошел к дереву и прокричал вверх:

— Дорогая сестра! Если ты там, наверху, подай свой голос. Это я, твой брат Рейнальд, пришел тебя проведать!

В ответ же он услышал:

— Если это и вправду ты, мой брат, которого я никогда не видела, поднимайся скорее ко мне!

Рейнальд трижды пытался вскарабкаться на дерево, однако его ствол был таким тол-

стым и гладким, что у него ничего не выходило. Однако тут сверху упала вниз веревочная лестница, и вскоре Рейнальд уже был у гнезда, которое оказалось крепким и прочным, словно каменный балкон.

Его сестра сидела под балдахином из розового шелка. На коленях у нее лежало орлиное яйцо, которое она обогрела теплом своего тела. Брат и сестра обнялись и поцеловали друг друга. Они не могли нарадоваться встрече, однако вскоре принцесса сказала:

— Теперь тебе надо поспешить, любезный брат, ведь вскоре вернется мой муж. Если он увидит тебя здесь, то выключит твои глаза и вырвет твое сердце, как это он уже сделал с тремя слугами короля, которые имели несчастье забрести в этот лес.

На что Рейнальд ответил:

— Нет, я останусь тут и дождусь твоего супруга.

— Он прилетает ко мне в образе птицы лишь шесть недель из семи, — ответила сестра Рейнальда, — и если ты хочешь спрятаться до поры, полезай в дупло, я буду приносить туда еду.

Рейнальд так и сделал. Пока орел был в гнезде, сестра тайно подкармливала своего брата.

Когда же шестая неделя подошла к концу, Рейнальд проснулся не в дупле, а на перинах в орлином замке, где он и провел с мужем своей второй сестры следующие чудесные семь дней. Под конец седьмого дня хозяин замка сказал Рейнальду:

— Вот тебе три орлиных пера. Если попадешь в беду, потри их — и я сразу прилечу тебе на помощь.

Князь-орел дал Рейнальду слугу-проводного, чтобы тот показал ему дорогу. На следующее утро лес исчез, и Рейнальд обнаружил себя в пустынной местности на вершине огромной горы. Вдали в первых лучах восходящего солнца серебрилась поверхность большого озера. Конечно же, принц подумал, что именно там ему и следует поискать свою третью сестру.

Рейнальд начал спускаться с горы. Три дня он пролезал между камней через расселины и продирался через кустарник. Несколько раз он совсем терял озеро из виду, однако к четвертому дню все же вышел к его берегу. Подойдя к кромке воды, юноша воззвал:

— Дорогая сестра, если ты слышишь меня, подай свой голос! Это я, твой брат Рейнальд, пришел навестить тебя.

Однако в ответ он не услышал ни звука. Кругом все было тихо. Тогда Рейнальд начал бросать в воду хлебные крошки, приговаривая:

— Милые рыбы, плывите к моей сестре и скажите ей, что это брат ее пришел к ней в гости.

Однако рыбы лишь хватали хлеб и не слушали его.

В это время юноша увидел на воде челн. Тотчас Рейнальд сбросил с себя доспехи. Оставив в руке лишь обнаженный меч, он прыгнул в лодку и отчалил от берега. Долго пришлось ему грести, пока он не увидел возвышавшийся посреди воды хрустальный дымоход, из которого тянуло приятным ароматом роз. Рейнальд подплыл к трубе поближе. Он был уверен, что в этом подводном дворце и живет его сестра. Юноша вспрыгнул на трубу и скатился по ней вниз.

Принцесса была очень удивлена, когда увидела у себя в дымоходе пару болтающихся человеческих ног. Однако вскоре из дымохода выпрыгнул человек и объявил ей, что он ее родной брат. Принцесса сначала очень обрадовалась, а потом заволновалась и сказала:

— Муж мой, царь-рыба, уже прознал, что ты собираешься меня навестить. Он поклялся, что проглотит тебя. Мой хрустальный чертог будет разрушен, и воды весеннего половодья поглотят его.

— Может, ты спрячешь меня, — спросил Рейнальд свою третью сестру, — пока твой супруг будет рыбой?

На что она отвечала:

— Где же я тебя здесь спрячу? Ведь стены моего дворца почти прозрачны...

Однако потом она подумала хорошенько и вспомнила про угольный подвал. Стены его были так измазаны, что через них вряд ли можно было что-либо разглядеть. Там она и спрятала своего новоявленного братца.

Вскоре к дворцу приплыл царь-рыба. Принцесса тряслась от страха как осиновый лист, ведь ее супруг заметил на берегу доспехи Рейнальда. Он пристально проплыл два раза вокруг всего замка, злобно шевеля хвостом и пуская огромные пузыри. Если бы он заметил юношу, то уж, конечно, вытащил бы его наружу.

Так продолжалось долгих семь месяцев. Супруг принцессы в рыбьем обличье каждый день оплывал вокруг замка, а та незаметно подкармливала своего братца, прячущегося в подвале. В конце концов, как и в случаях с медведем и орлом, Рейнальд проснулся однажды не в подвале, а на перинах замка, который был уже не подводным, а стоял на красивом острове посреди озера. Целый месяц юноша наслаждался обществом своей сестры и ее супруга, который обернулся галантным кавалером и радушным хозяином. В конце срока, перед тем как снова стать рыбой, он дал Рейнальду три свои чешуйки и сказал:

— Если попадешь в беду, потри эти чешуйки — и я сразу приду тебе на помощь. А сейчас иди к берегу, где ты оставил свои доспехи.

Рейнальд так и сделал. Семь дней он брел по пустынной местности и семь ночей провел под звездами, пока не увидел перед собой могучий замок со стальными запертыми воротами. Вход сторожил огромный черный бык с налитыми кровью глазами. Рейнальд смело подошел к нему и ударил быка мечом. Однако бычья шкура была словно из стали, и меч разлетелся от удара на куски как стеклянный. Тогда Рейнальд

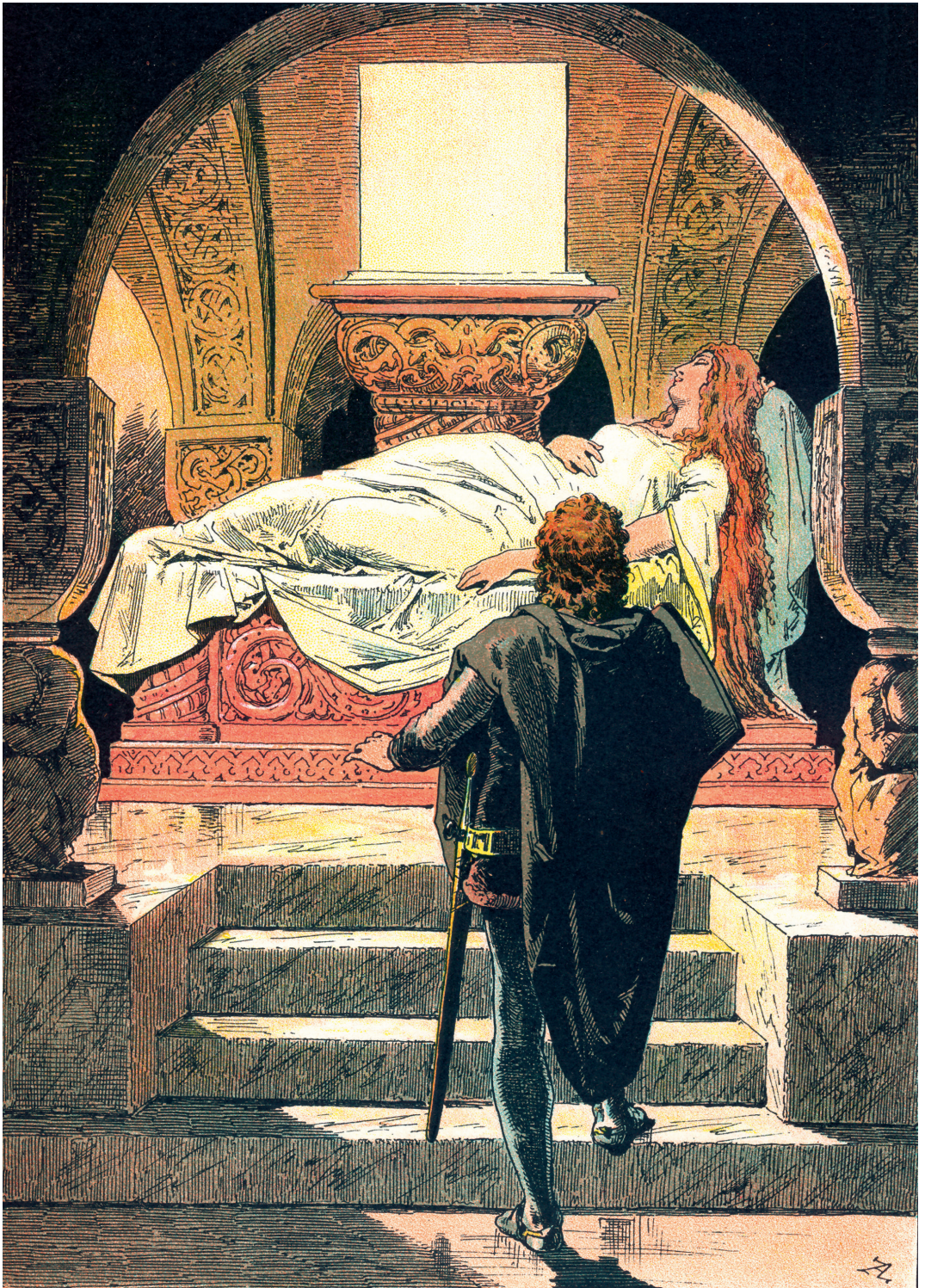
метнул в быка копьё, но тот отбил его рогами и так мотнул головой, что копьё улетело на вершину дерева и застряло там в его ветвях.

Тут юноша вспомнил про три волоска, которые дал ему князь-медведь. Он потерял их — и тут же явился перед ним огромный медведь. Он накинулся на быка и убил его, распоров ему брюхо одним ударом своей лапы с длинными черными когтями. Из брюха в тот же миг выпорхнул зимородок и быстро полетел прочь. Однако Рейнальд вытащил три заветных пера и потерял их — тут же в воздухе появился огромный орел. Он спикировал на зимородка, который летел к озеру, и ударил его своими когтями. В воздухе закружились синие и желтые перья, а в воду упало золотое яйцо. Тогда Рейнальд потерял три чешуйки и сразу из глубины всплыла огромная рыба. Она подхватила яйцо своими толстыми губами и выплюнула его на берег.

Рейнальд подобрал яйцо и разбил его камнем. Внутри он увидел ключик, которым решил отворить входную дверь в замок. Лишь он коснулся ключиком засовов, те раскрылись и упали, а щеколда сама отъехала в сторону. За ней распахнулись семь дверей, ведущих в серебряные чертоги. В последней комнате на кровати крепко спала девушка. Она была ослепительно красива, и Рейнальд захотел разбудить ее, но все было напрасно. Сон ее был так крепок, что напоминал смертельное забытие. В сердцах Рейнальд ударил ладонью по черной доске с непонятными письменами, которая висела рядом с кроватью. В тот же миг девица очнулась и приподнялась на своем ложе, но готова была уже снова упасть на подушки. Тогда Рейнальд сорвал доску, бросил ее на каменный пол и разбил на мелкие кусочки.

Как только это случилось, дева очнулась, чары с нее спали, и румянец разлился по ее щекам. Красавица оказалась родной сестрой свояков Рейнальда. Она отвергла любовь злого чародея, за что тот погрузил ее в непробудный сон, а братьев ее

заставил превращаться в медведя, орла и огромную рыбу. Так должно было продолжаться до тех пор, пока черная доска со словами заклęcia оставалась нетронутой.

Рейнальд вывел деву из замка. Когда он подвел к ее воротам, там красавицу встречали ее братья со своими женами и детьми. Из яйца, которое высиживала супруга орла, к тому времени появилась на свет очаровательная девочка. Все вместе поехали к замку старого короля, который был несказанно рад возвращению домой своих дочек, да еще и с внуками. Рейнальд вскоре женился на спасенной им девушке, и был пир на весь мир. Тут и делу венец и сказке конец.

Беляночка и Розочка

В своей избушечке одиноко жила бедная вдовица, а перед избушечкой был у нее садик, и в саду росли два розовых деревца. На одном из них розы были белые, на другом — красные.

И были у вдовицы две дочки, ни дать ни взять как эти два деревца: одну звали Беляночкой, а другую — Розочкой.

И были они такие добрые и славные, такие трудолюбивые и безобидные, что лучше их нельзя было себе детей представить; Беляночка была только потише и помягче характером, чем Розочка. Розочка любила больше бегать по полям и лугам, цветы собирать и летних птишек ловить, а Беляночка около матери дома сидела, в хозяйстве ей помогала либо с нею читала, коли нечего было больше делать.

Обе девочки так любили друг друга, что всегда шли рука об руку, когда вместе уходили из дома, а если Беляночка, бывало, скажет: «Мы не покинем друг друга», то Розочка отвечала: «Пока живы», а мать к этому добавляла: «Что у вас есть — все пополам».

Часто бегали они вместе по лесу и собирали ягоды, и ни один зверь им зла не делал, и все доверчиво к девочкам подходили: зайчик из их рук съедал капустный листочек, дикая козочка спокойно паслась около них, олень весело прыгал, а птички слетали с ветвей и пели что умели.

Никакой беды с ними не приключалось, и когда, бывало, запоздают в лесу и ночь их там застанет, они преспокойно улягутся рядышком на мху и спят до утра, и мать это знала и нисколько не тревожилась.

Однажды, когда они переночевали в лесу и заря их разбудила, увидели они, что рядом с их ложем сидит прекрасное дитя в белом сияющем одеянии.

Оно поднялось со своего места, ласково на них посмотрело и молча удалилось в лес.

А когда они огляделись, то оказалось, что они спали почти на краю глубокого оврага и, конечно, в овраг упали бы, если бы ступили шаг-другой далее.

Мать, услышав об этом, сказала, что сидел около них, вероятно, ангел, который охраняет добрых деток.

Обе сестрицы соблюдали в хижине матери такую чистоту, что любо-дорого посмотреть было.

Присмотр за домом летом принимала на себя Розочка и каждое утро до пробуждения матери ставила на столик у ее кровати букетик цветов и в нем — по розе с каждого деревца.

Зимой Беляночка разводила огонь в очаге и подвешивала котел над огнем на крюке, и котел был медный и блестел как золото — так чисто был вычищен.

Вечером, бывало, скажет ей мать:

— Ступай, Беляночка, да запри-ка дверь на задвижку, — и тогда садились они у очага, и мать, надев очки, читала им кое-что из большой книги, а обе девочки слушали, сидя около нее, и пряли.

Рядом с ними на полу лежал барашек; а позади их на шестке, подвернув головку под крылышко, сидел белый голубочек.

Однажды вечером, в то время, когда они так-то сидели у очага, кто-то постучался у дверей, как будто просясь войти.

Мать и сказала:

— Поскорее, Розочка, отопри. Это, может быть, путник, ищущий приюта.

Розочка пошла и отодвинула задвижку, думая, что стучится какой-нибудь бедняк. Но оказалось, что стучался медведь, который просунул свою толстую черную голову в дверь.

Розочка громко вскрикнула и отскочила, барашек заблеял, голубочек встрепенулся, а Беяночка быстренько спряталась за материну кровать.

Но медведь заговорил:

— Не бойтесь, я вам зла не сделаю. Я, видите ли, очень озяб, так немного хочу у вас обогреться.

— Ах ты, бедный медведь! — сказала ему мать. — Ложись тут у огня, да смотри, чтобы твоя шуба как-нибудь не загорелась.

А потом крикнула:

— Беяночка, Розочка! Выходите, медведь вам никакого зла не сделает!

Тут они обе подошли, и барашек и голубок приблизились, и мало-помалу все перестали бояться медведя. Медведь сказал им:

— Детки! Выбейте-ка мне немного снег из моей шубы! — И те принесли метелку и мех на нем вычистили, и вот он растянулся у огня как у себя дома и стал ворчать от удовольствия.

Немного спустя они уже и совсем с медведем свыклись и стали над ним подшучивать. Они ерошили ему шерсть руками, ставили ножки свои ему на спину, двигали его туда и сюда, а не то возьмут прутик и давай на него нападать: он-то ворчит, а они хохочут. Медведь им все это спускал, и только тогда, когда уж очень они его донимать начнут, он и крикнет им в шутку:

Вы на меня не очень нападайте!
Поосторожней! Жениха не убивайте!

Когда пришло время спать ложиться, мать сказала медведю:

— Ты можешь тут лежать у очага. Тут будешь ты укрыт от холода и непогоды.

На рассвете детки его выпустили, и он поплелся по снегу в лес.

С той поры медведь приходил к ним каждый вечер в определенный час, ложился у очага и давал девушкам полную возможность с ним забавляться. И они к нему так привыкли, что, бывало, и дверь не запрут до тех пор, пока не явится их косматый приятель.

Наступила весна, и все зазеленело кругом.

Вот медведь и сказал Беляночке:

— Теперь я должен удалиться и целое лето не приду к вам.

— А куда же ты уходишь, мишенька? — спросила Беляночка.

— Я должен уйти в лес — оберегать мои сокровища от злых карликов. Зимой, когда земля крепко замерзает, они должны поневоле под землей оставаться и не могут оттуда выбраться. Но теперь, когда от солнца земля растаяла и прогрелась, они сквозь землю прорываются, выходят сюда, разыскивают и крадут то, что им нужно. Что им попало в руки и унесено ими в пещеры, то уж не добудешь, не вытащишь на свет божий.

Беляночка очень грустила, когда ей пришлось с медведем расставаться, и она ему в последний раз отперла дверь. Медведь при этом протискивался в дверь да зацепился за дверной крюк и оборвал себе кусочек шкуры, и показалось Беляночке, как будто из-под шерсти сверкнуло золото. Но она не совсем была уверена в том, что видела.

А медведь бросился бежать опрометью и вскоре скрылся за деревьями.

Несколько времени спустя мать послала дочерей в лес хвост собирать.

Нашли они в лесу большое дерево, срубленное и поваленное на землю, и около него в траве что-то прыгало, и они никак не могли разобрать, что это было такое.

Подойдя ближе, они увидели карлика; лицо у него было поблеклое и старое, а борода длинная и белая как снег. Самый кончик бороды защемился в одну из трещин дерева, и

бедняга совался туда и сюда, словно собачонка на веревочке, а вытащить бороды не мог.

Он глянул на девочек своими огненно-красными глазами и крикнул им:

— Ну, что там стали? Разве не можете сюда подойти да оказать мне помощь?

— Да как же ты это сделал, человечек? — спросила Розочка.

— Глупое любопытное животное! — отвечал ей карлик. — Я хотел расколоть дерево вдоль, чтобы потом расщепить его на лучины для кухни; коли поленья толсты, то легко подгорит наше кушанье, ведь мы готовим себе понемногу, нежигаем столько, сколько вы, грубые жадные люди! Вот и я загнал туда клин, и дело бы кончилось наилучшим образом, если бы клин не выскочил и дерево не защемило мою прекрасную седую бороду; а теперь она защемята, и я не могу ее вытащить. Ну, чего вы смеетесь, глупые девчонки?! Фу, какие вы гадкие!

Девушки приложили все усилия, однако же не могли вытащить бороду, которая крепко застряла в расщелине пня.

— Вот я сбегая да людей призову! — сказала Розочка.

— Ах вы, полоумные! — прошамкал карлик. — Зачем тут звать людей? Мне и вы-то две противны! Или вы ничего лучше придумать не можете?

— Потерпи немножко, — сказала Беляночка, — уж я тебе помогу как-нибудь! — вытащила ножницы из кармана и отрезала ему кончик бороды.

Как только карлик почувствовал себя свободным, так подхватил мешок с золотом, припрятанный у корней дерева, и проворчал себе под нос: «Неотесанные люди! Отрезали мне кусок моей чудной бороды! Чтоб вам пусто было!» — взвалил мешок на спину и ушел, даже не удостоив девушек взглядом.

Несколько времени спустя сестрицы задумали наловить рыбы к столу. Подойдя к ручью, они увидела, что нечто вроде

большого кузнечика прыгает около воды, как будто собираясь в нее броситься. Они подбежали и узнали карлика.

— Куда это ты? — сказала Розочка. — Уж не в воду ли кинуться собираешься?

— Не такой я дурак, — крикнул карлик, — и разве вы не видите, что проклятая рыбина меня туда за собою тащит?

Оказалось, что он там сидел и удил, и случилось, на его беду, что ветром его бороду спутало с удочкой; а тут большая рыба на удочку попала, и у карлика не хватало сил ее вытянуть, рыба его одолевала и тащила за собою в воду.

Как он ни хватался за травы и коренья, ничто не помогало; он должен был мотаться из стороны в сторону вместе с рыбой и ежеминутно опасаться, что она стащит его в воду.

Девочки подросли как раз вовремя, подхватили карлика и крепко его держали, стараясь отцепить бороду от удочки, но усилия их были напрасными.

Оставалось одно: вынуть ножницы из кармана и отрезать бороду от удочки, при этом часть бороды, конечно, пострадала.

Когда карлик это увидел, он и давай на них кричать:

— Ах вы, дуры, дуры! Где это так водится? Как смеее вы позорить мое лицо! Мало вам того, что вы у меня конец бороды отрезали, вы теперь еще обрезаете мне ее лучшую часть; я в таком виде даже не посмею на глаза своим братьям показаться. А! Чтоб вам, бежавши, подошвы потерять!

Тут он схватил мешок с жемчугом, запятанный в камышах, и, не сказав ни слова более, исчез за камнем.

Случилось, что вскоре после того мать отправила обеих сестриц в город за покупкою ниток, иголок, шнурков и лент. Дорога в город шла пустырем, по которому местами разбросаны были огромные каменные глыбы.

И вот увидели они большую птицу, которая медленно кружила в воздухе, опускаясь все ниже и ниже, и наконец стремглав слетела неподалеку наземь около одного из камней.

Тотчас же после того они слышали душераздирающий жалобный крик.

Девочки подбежали и с ужасом увидели, что большой орел подхватил их старого знакомого — карлика — и собирается его унести. Добрые девушки тотчас ухватились за карлика и стали биться с орлом до тех пор, пока он свою добычу не выпустил.

Оправившись от испуга, он опять стал кричать на сестриц:

— Разве вы не могли обойтись со мною поосторожнее, половчее?! Все мое платьишко порвали, обрубки вы неотесанные!

Потом подхватил лежавший рядом мешок с драгоценными камнями и опять скользнул под камень в свою нору.

Девочки, уже привыкшие к его неблагодарности, продолжили свой путь и сделали свои закупки в городе.

На обратном пути, проходя тем же самым пустырем, они застали карлика за делом: выбрав опрятное местечко, он вытряхнул из мешка все свои драгоценные камни и рассматривал их, не предполагая, чтобы кто-нибудь мог так поздно проходить тем пустырем. Вечернее заходящее солнце светило на эти камни, и они сверкали и блестили так великолепно, отливая всеми цветами, что девочки приостановились и стали ими любоваться.

— Чего вы там стоите рот разиня! — крикнул карлик, и его землистое лицо побагровело от злости.

Он и еще собирался браниться, как вдруг раздалось громкое урчание, и черный медведь вывалил из леса.

Карлик с перепугу отскочил в сторону, но уже не мог укрыться в свою лазейку — медведь тут как тут.

Тогда он в ужасе закричал:

— Милейший господин медведь! Пощадите меня, я вам готов отдать все мои богатства, взгляните хоть на те драгоценные камни, которые там рассыпаны! Подарите мне жизнь! Гожусь ли я вам, маленький и ничтожный? Вы меня на зубах и не почувствуете! Вот, берите этих двух девчонок: они обе для вас лакомый кусочек! Выкормлены, что перепелки! Их и кушайте на здоровье!

Медведь, не обратив внимания на слова злого карлика, дал ему шлепка своей лапой — и разом с ним покончил.

Девочки тем временем убежали, но медведь закричал им вслед:

— Беляночка и Розочка! Не пугайтесь, подождите меня, и я с вами!

Те узнали его голос и приостановились, а когда медведь с ними поравнялся, его шкура с него свалилась, и он очутился перед ними молодым, стройным красавцем, с ног до головы одетым в золото.

— Я королевич, — сказал он, — а этот безбожный карлик, выкрав у меня все мои сокровища, заколдовал меня и оборотил в медведя. Так я и вынужден был бегать по лесу, пока его смерть не избавила меня от его колдовства. Теперь он получил заслуженную кару.

Беляночка с тем королевичем была обвенчана, а Розочка вышла замуж за его брата, и они поделили между собою те большие сокровища, которые карлик успел собрать в своей пещере.

Старуха мать еще долго жила, спокойная и счастливая, у своих деток.

А два розовых куста они захватили с собою из садочка, и они были посажены перед ее окном, и каждый год расцветали на них чудные розы, белые и пунцовые.

Сброд оборванцев

или-были на белом свете петушок с курочкой. Вот и сказал петушок курочке:

— Теперь самое время орехам зреть. Пойдем на гору и насладимся ими досыта, пока их белка все к себе не перетаскала.

— Ладно, — отвечала курочка, — потешим утробушку.

И пошли они на гору, и так как день был светлый, то они и оставались там до самого вечера.

И, право, уж не знаю, наелись ли они чересчур плотно, или высокомерие их обуяло, но только не захотелось им возвращаться домой пешком, и петушку пришлось смастерить небольшую повозку из ореховой скорлупы.

Когда повозка была готова, курочка сейчас в нее уселась и говорит петушку:

— А ну-ка впрягайся да вези меня.

— Еще что выдумала, — сказал петух, — да я лучше пешком домой пойду, чем впрягаться стану. Нет, между нами такого уговора не было. Кучером еще, пожалуй, готов быть и на козлах сидеть, а чтобы на себе тащить, не согласен!

Между тем, пока они спорили, затараторила на них утка:

— Ах вы, воришки, да кто вам позволил в мой орешник на горе ходить? Вот вы поплатитесь за это! — и с раскрытым клювом налетела на петушка.

Однако же петушок, не будь промах, клюнул утку в брюхо, а затем уж так храбро напал на нее со своими шпорами, что она стала просить пощады и охотно обязалась в виде наказания тащить на себе повозку.

Тут уж петушок взобрался на козлы кучером и давай погонять:

— Утка, валяй во все лопатки!

Проехав часть пути, повстречали они еще двоих путников: булавку и иголку.

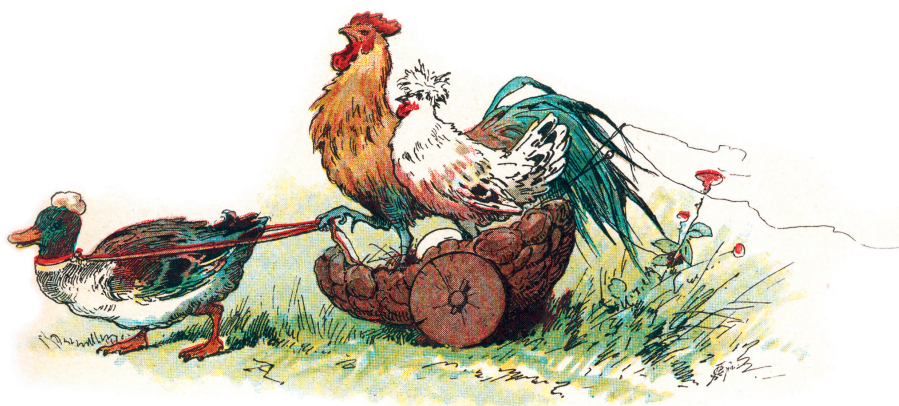
Те крикнули: «Стой, стой!» — и стали говорить, что вот, мол, сейчас стемнеет, тогда им и шагу нельзя ступить далее, да и грязно, мол, очень по дороге, так нельзя ли им тоже в повозке примоститься, а то они в портняжной гостинице у ворот застоялись и около пива запоздались.

Петушок, видя, что они ребята тощие, места много не займут, взял их обеих в повозку, только с тем уговором, чтобы они ни ему, ни его курочке на ноги не наступали.

Поздно вечером приехали они к гостинице, и так как им не хотелось дальше ехать ночью, да и утка еле на ногах держалась и то на один бок, то на другой валилась, то и завернули в гостиницу.

Хозяин гостиницы сначала стал было ломаться да говорить, что у него, дескать, в доме места нет, да и то подумал, что приезжие — народ не важный; потом, однако же, сдался на их сладкие речи, на обещания, что вот, мол, ему достанется

яичко, которое курочка дорогой снесла, да, кроме того, и утку он тоже может удержат при себе, а та, мол, каждый день по яичку кладет...

Сдался и впустил их ночевать.

Они, конечно, велели себе подать ужин и этому ужину оказали надлежащую честь.

Ранешенько утром, когда еще только чуть брезжилось и все еще спали, петушок разбудил курочку, достал яичко, проклевал его, и они вместе им позавтракали, а яичные половинки бросили на очаг.

Потом пошли к иголке, которая еще спала, взяли ее за ушко и загнали в подушку хозяйского кресла. Наконец добрались и до булавки, взяли ее да и прикололи к полотенцу хозяина, а сами как ни в чем не бывало давай бог ноги!

Утка спала под открытым небом во дворе, услышала, как они улизнули, и тоже приободрилась. Разнюхала какой-то ручеек и поплыла по течению его — и откуда прыть взялась! Не то что повозку тащить!

Только уж часа два спустя протер себе хозяин глаза на своей пуховой перине, умылся и только хотел было утереться полотенцем, как булавка царапнула его по лицу и провела красный рубец от уха до уха. Пошел он в кухню и хотел было тру-

бочку закурить; но, чуть только подошел к очагу, обе яичные скорлупы как прыгнут ему в глаза... «Да что же это сегодня все моей голове достается!» — сказал он про себя и с досадой опустил на дедовское кресло, но тотчас же вскочил с него и вскрикнул: «Ай, ай!» — потому что иголка его очень больно (и не в голову) уколола.

Тут уж он совсем обозлился и стал во всех этих проделках подозревать этих приезжих, которые накануне прибыли так поздно; пошел, посмотрел — а их и след простыл.

Тут он дал себе клятву никогда больше не пускать к себе под крышу всякий сброд, который потребляет много, не платит ничего да еще в виде благодарности пускается вот на какие штуки.

Лесной дом

В маленькой избушке на опушке глухого леса жил с женой и тремя дочками дровосек-бедняк. Однажды утром, собираясь на свою обычную работу, он сказал жене своей:

— Прикажи старшей дочке принести обед в лес; мне до обеда не управиться... А чтобы она не заблудилась, я захвачу с собою мешочек с просом и всюду его по дороге стану разбрасывать.

Когда солнце стало над лесом, девушка с горшком похлебки пустилась в путь.

Но воробьи, жаворонки и зяблики, дрозды и чижи давно уже успели склевать разметанное по лесу просо, и девушка не могла найти отцовский след.

Тогда она пошла наугад и шла так, пока солнце не село за лес и не наступила ночь. Деревья шумели в темноте, совы завывали, и ей стало страшно.

Тут увидела она вдали огонек, мерцавший между деревьями.

«Там, вероятно, люди живут, — подумала девушка, — и пустят меня переночевать», — и пошла на огонек. И вскоре она пришла к дому, окна которого были освещены.

Она постучалась, и грубый голос крикнул изнутри: «Войдите!» Девушка вступила в темные сени и постучалась у комнатной двери. «Входи же!» — крикнул тот же голос, и когда она открыла дверь, то увидела за столом седого старика, который сидел, опустив голову на руки, а седая борода его белой волной перекидывалась через стол и свисала почти до земли.

А у печки сидели курочка с петушком и лежала пегая корова. Девушка рассказала старику, как она заблудилась, и попросила его о ночлеге.

Старик проговорил:

Ты, курочка-красавица!
Красавец петушок!
Ты, пестрая коровушка!
Что скажете на то?

Все животные разом ответили: «Дукс!» — и, вероятно, это обозначало их согласие, потому что старик сказал девушке:

— Здесь дом что полная чаша; ступай к очагу да свари нам хороший ужин.

И точно, девушка нашла в кухне все в изобилии и сварила хорошее кушанье на ужин, а о животных-то и не подумала. Принесла она полнешенько блюдо на стол, присела к старику, поела с ним вместе и утолила свой голод.

Насытившись, она сказала:

— Ну, теперь я устала, где тут найдется постель, в которую я могла бы лечь и уснуть?

Тут корова, петушок и курочка ей ответили:

Ты с ним одним покушала,
Ты с ним одним пила,
О нас забыла ты, видать...
Ищи сама, где будешь спать.

Тогда сказал ей старик:

— Взойди на лестницу и найдешь там комнату с двумя постелями; взбей их и покрой чистым бельем; тогда и я туда же приду и там спать лягу.

Взошла девушка наверх, взбила постели, покрыла чистым бельем и легла в одну из них, не дожидаясь старика. Несколько времени спустя пришел старик, взглянул на девушку при свете свечи и покачал головою.

Когда же он увидел, что она крепко уснула, то отворил под кроватью крышку и спустил девушку в подполье.

А дровосек пришел под вечер домой и стал укорять жену, что она его заставила весь день голодать.

— Не моя в том вина, — отвечала ему жена, — я послала к тебе дочку с обедом, верно, она заблудилась, так авось придет завтра.

Дровосек поднялся еще до рассвета и, отправляясь в лес, потребовал, чтобы на этот раз вторая дочка снесла ему обед.

— Я захвачу мешочек с чечевицей, — сказал он, — она покрупнее проса, дочке ее легче будет заметить, а потому она и с пути не собьется.

В полдень вышла вторая дочка с обедом, но нигде чечевицы не нашла: лесные птички, как и накануне, расклевали ее всю, и никакого следа не осталось.

Проплутала девушка по лесу до ночи, затем так же пришла к дому старика, была приглашена туда войти и стала просить об ужине и ночлеге.

Седобородый старик опять обратился к петушку, курочке и коровушке со своим вопросом:

Ты, курочка-красавица!
Красавец петушок!
Ты, пестрая коровушка!
Что скажете на то?

Они опять отвечали ему: «Дукс!» — и все случилось точно так же, как накануне. Девушка сварила хорошее кушанье, пила и ела со стариком, а о животных не позаботилась. И опять стала спрашивать о том, где ей лечь.

Они отвечали:

Ты с ним одним покушала,
Ты с ним одна пила;
О нас забыла ты, видать...
Ищи сама, где будешь спать.

И как только она заснула, пришел старик, посмотрел на нее, покачал головою и так же спустил ее в подполье.

На третье утро дровосек сказал жене:

— Пришли мне сегодня обед с нашей младшей дочкой. Она всегда была такая добрая и послушная. Она сумеет найти

настоящую дорогу, не то что ее сестры-непоседы, — не станет шнырять вокруг да около.

Мать не хотела отпускать в лес еще и третью дочь:

— Неужели же я должна потерять и это, самое любимое, мое детище?

— Не беспокойся! — сказал дровосек. — Эта девушка не заблудится. Она такая у нас разумница! Да к тому же я захвачу с собою гороху и стану его на моем пути разбрасывать... Горох чечевицы крупнее, как по нему не найти дороги?

Но когда девушка с корзиночкой на руке вышла из дома, то уж все горошины были в зобах у лесных горлинок, и она решительно не знала, в какую сторону ей в лесу отправиться. Она очень была озабочена и постоянно думала о том, как бедный отец из-за нее голодает и как добрая матушка ее стала бы сокрушаться, если бы и она в лесу заблудилась.

Наконец, когда стемнело, она увидела огонек и пришла к лесному дому. Кротко и ласково попросила она себе приют на ночь, и седобородый старик опять обратился к своим животным с вопросом:

Ты, курочка-красавица!
Красавец петушок!
Ты, пестрая коровушка!
Что скажете на то?

«Дукс!» — отвечали они. Тогда девушка подошла к печи, около которой они были, и курочку с петушком по перышкам погладила, а пегую корову между рогами пощекотала.

Когда же по приказанию старика она сварила хороший суп и поставила его на стол, то сказала:

— Неужели я есть стану, а этим добрым животным ничего не дам? Тут всего вдоволь, так надо и о них позаботиться.

Вот и пошла она и принесла гречи и посыпала перед курочкой и петушком, а коровушке принесла охалку душистого сена.

— Кушайте на здоровье, милые мои, — сказала она, — а если вы пить хотите, то я вам и свежей воды запасу.

И вот принесла она им полное ведро воды, и курочка с петушком напились с краешка, а корова в ведро морду сунула и напилась досыта.

Когда все они были накормлены и напоены, девушка под села к старику за стол и ела только то, что он ей оставил.

Вскоре и петушок с курочкой стали головку под крылышко подвертывать, и коровушка глазами помаргивать. Тогда девушка сказала:

— Не пора ли нам и всем на покой?

Ты, курочка-красавица!
Красавец петушок!
Ты, пестрая коровушка!
Что скажете на то?

Петушок, курочка и коровушка отвечали:

Дукс! Ты с нами всеми кушала,
Ты с нами и пила,
Теперь на мягкую кровать
Ты отправляйся мирно спать!

Тут взошла девушка на лестницу, изготовила постели, и когда все было готово, пришел старик и лег на одну из кроватей, прикрывшись до самых ног своей седой бородой.

Девушка легла на другую кровать, помолилась Богу и заснула спокойно.

Так проспала она до полуночи; а тут вдруг и проснулась от страшного шума и треска во всем доме.

В углу что-то трещало и стучало, дверь распахнулась настежь и ударилась о стену.

Все балки гудели, словно кто их из стены выворачивал. А потом и лестница как будто обвалилась, и, наконец, что-то так грохнуло, как будто весь дом рухнул разом.

Но так как потом все опять стихло, то она осталась в своей постели и опять заснула.

Когда же утром она проснулась при ярком солнечном свете — что же она увидела?

Лежала она в большом зале, и все кругом блистало царственной роскошью: на стенах по зеленому шелковому полю раскидывались золотые цветы. Кровать была из слоновой кости, и одеяло на ней — красное, бархатное, а рядом на стуле лежала пара красивых туфель, вышитых жемчугом.

Девушка думала, что все это ей во сне видится. Но в зал вступили трое богато одетых слуг и спросили ее, что она им прикажет.

— Ступайте, — сказала им девушка, — я сейчас встану, сварю суп старику, а затем и петушка, и курочку, и коровушку накормлю.

Она подумала, что старик-то уж, верно, встал, обернулась к его кровати — а на ней его уже нет, и вместо него лежит какой-то чужой, молодой и красивый...

И вот он проснулся, поднялся и стал говорить ей:

— Я королевич. Меня заморозила злая ведьма и осудила на то, чтобы я жил стариком в лесу, и никто не смел жить около меня, кроме моих трех слуг в образе петушка, курочки и пестрой коровушки. И это должно было длиться до тех пор, пока не придет к нам девушка, настолько добрая, что не только к людям, но даже и к животным выкажет себя милостивой. Эта девушка — ты! Сегодня в полночь мы все благодаря тебе были избавлены от чар, и старый лесной домишко опять превращен в мой королевский дворец.

Затем королевич призвал своих слуг и приказал им поехать и привезти родителей девушки на празднованье свадьбы.

— Но где же сестры-то мои? — спросила девушка.

— Их я запер в подполье, и завтра они будут отведены в лес. Там придется им быть в услужении у угольщика до тех пор, пока они не станут добрее и научатся не забывать о бедных животных.

Мальчик-с-пальчик

 ил-был однажды бедняк со своей женой. Из ивовых прутьев он плел корзины и продавал их на базаре. В семье было семеро детей, и один, самый младший из ребятишек, был меньше всех прочих. Когда он появился на свет, то был не больше мизинца. Поэтому и назвали его Мальчик-с-пальчик. Конечно, за несколько лет он немного подрос, но прозвище свое сохранил. Несмотря на малорослость, Мальчик-с-пальчик был очень шустрым, сообразительным и превосходил умом своих старших братьев.

Маленький рост младшего из детей не слишком огорчал его родителей. Плетение корзин — дело не слишком прибыльное по сравнению с занятием пекаря или мясника. Поэтому корзинщику и его жене все время приходилось беспокоиться, как прокормить такую ораву мальчишек, а аппетит у каждого был отменный, и все шестеро росли очень быстро. Только Мальчик-с-пальчик ел всегда мало и по-прежнему оставался крошкой. Прошло не так много времени, и в доме стало недоставать пищи. Дети начали голодать.

И вот однажды вечером, когда все мальчишки уже улеглись в свою кровать, бедняки стали обсуждать, что же им сделать, чтобы уберечь детей от голодной смерти. И решили они отвести их в лес — туда, где корзинщик нарезал свои прутья для работы, и там оставить их одних. Быть может, думали супруги, кто-нибудь заберет детей к себе из жалости.

Этот разговор слышал Мальчик-с-пальчик. В отличие от своих братьев он не мог заснуть и просто лежал в кровати. Слова родителей очень встревожили его, и он ворочался до самого утра, обдумывая, как бы помочь себе и своим братьям. Еще засветло он поднялся, пошел к ручью и набил свои карманы мелкими белыми камешками. Затем он вернулся домой. К тому времени его братья уже проснулись. Они спросили его, где это он болтался спозаранку, но Мальчик-с-пальчик не сказал им в ответ ни слова.

Скоро родители отправились в лес, прихватив с собой детей. По дороге Мальчик-с-пальчик стал вынимать камешки из карманов и бросать их на тропинку. Никто из его братьев этого не видел, ведь, как самый маленький, он шел позади процессии. Родители тоже ничего не заметили. В лесу они попросили детей подождать их на поляне, а сами углубились в чащу и вскоре пропали из виду.

Когда мальчики заметили, что их папа и мама исчезли, они стали звать на помощь и плакать. Лишь Мальчик-с-пальчик оставался спокойным. Он сказал своим братьям:

— Перестаньте пугаться и кричать! Я знаю, как вывести нас к дому.

Малыш пошел вперед, подбирая свои брошенные белые камешки, и вскоре вывел следовавших позади него братьев из лесу.

Родители же, уже успевшие вернуться домой, молили Бога, чтобы Тот послал им хоть немного денег, на которые можно было купить еды. И вдруг их мольбы исполнились. В дом к корзинщику зашел богатый сосед и вернул ему старый долг, получить который родители мальчиков уже и не рассчитывали. Они сразу накупили всякой съедобной всячины. Еды было так много, что она едва поместилась на обеденном столе.

Однако кусок не лез родителям в горло. Они переживали, что оставили своих детей в лесу на произвол судьбы. Жена корзинщика стала заламывать руки и причитать:

— Боже мой! Ах, если бы мы могли вернуть наших детей обратно! Теперь они не умерли бы от голода. А так, быть может, их уже растерзали волки. Как было бы хорошо, если бы наши мальчики снова оказались вместе с нами.

— Мама! Мама, мы здесь! — воскликнул в этот момент Мальчик-с-пальчик, который уже стоял с братьями под окном и слышал горькие слова своей матери. Он распахнул дверь, и все ребятишки бросились в дом: первый, второй, третий, четвертый, пятый, шестой и седьмой! Они набросились на еду и начали уплетать ее за обе щеки. Счастье и достаток поселились в доме корзинщика, что было, конечно, совсем для ребят непривычно.

Однако так продолжалось недолго. Деньги вскоре закончились, и в доме корзинщика опять настали голодные дни. И снова заговорили однажды перед сном родители, что ничего не поделаешь — придется, видно, опять отвести детей в лес, а иначе им грозит гибель от голода. Обсуждали они этот план довольно громко, и Мальчик-с-пальчик опять все слышал и снова стал думать, как бы выпутаться из беды.

На следующее утро он опять хотел пойти спозаранку к ручью, чтобы набрать в карманы спасительных камешков. Однако на этот раз дверь был крепко закрыта на широкую деревянную задвижку. Поскольку же Мальчик-с-пальчик был очень мал, он не смог ее отодвинуть, а помочь ему было некому. Тогда он залез на стол, взял последний кусочек хлеба и положил его себе в карман.

Когда родители направились в лес, прихватив с собой детей, Мальчик-с-пальчик начал отщипывать от хлеба маленькие кусочки и бросать их на дорожку, чтобы потом по ним найти путь домой. Корзинщик и его жена завели детей в чащу еще дальше, чем в прошлый раз. И все же Мальчик-с-пальчик был спокоен. Он снова надеялся найти дорогу к дому. Однако на этот раз все пошло не так, как было задумано. Птицы успели заметить хлебные крошки и склевали их все.

Братья Мальчика-с-пальчика поняли, что на этот раз им из леса не выбраться. Они начали плакать от страха. В лесу быстро темнело. Мальчики проплутали некоторое время наугад, но так и не смогли найти путь домой. Всем было очень боязно, лишь Мальчик-с-пальчик не потерял присутствия духа. Он нашел большую старую ель с раскидистыми лапами. Под ее стволом была толстая подушка из зеленого мха. На этой лесной постели братья и переночевали. А утром Мальчик-с-пальчик забрался на самую вершину ели, чтобы обследовать окружающую местность. Сначала он не видел ничего, кроме множества деревьев вокруг, но потом заметил вдалеке крышу какого-то дома. Он запомнил направление, спустился вниз и смело повел вперед своих братьев.

Долго продирались они через бурелом, кустарник и заросли дикого шиповника, пока не вышли на поляну, на которой стоял небольшой домик. Дети подошли к нему, поднялись на крыльцо и постучали в дверь. На стук к ним вышла молодая женщина, и Мальчик-с-пальчик рассказал ей, что они заблудились в лесу и не могут найти дорогу домой.

— Ах вы мои бедные крошки! — воскликнула в ответ женщина и предложила Мальчику-с-пальчику и его братьям войти внутрь. Однако она тут же предупредила их, что дом этот людоеда, которому особенно нравится закусывать маленькими мальчиками.

Вот это была новость! От нее дети задрожали от ужаса. Входя в дом, они рассчитывали хоть чем-нибудь подкрепиться, а теперь вместо этого сами могли стать завтраком! Однако у жены людоеда было доброе сердце. Она дала детям перекусить и спрятала их под кроватью.

Вскоре дети услышали, как кто-то громко постучал в дверь. Это вернулся домой людоед. Он зашел в дом, сел за стол и приказал своей хозяйке подать ему мяса и вина. При этом он принялся и сказал жене:

— Чую, у нас в доме пахнет человечиной!

Супруга людоеда пыталась уверить его, что это ему показалось. Однако он не поверил ее словам. Людоед встал и стал обнюхивать все углы в своем доме. И когда он заглянул под кровать, то нашел там семерых спрятавшихся ребятишек.

Дети онемели от ужаса, а людоед достал свой большой нож и стал его точить, чтобы тут же всех заколоть.

— Куда ты так торопишься? — остановила его супруга. — У нас в доме много еды. А ты посмотри на этих худиков. Один тоще другого. Самый маленький — совсем крошка. Думаю, их надо сначала немного раскормить.

Людоед же, успев к тому времени выпить большой кувшин вина, слегка захмелел. Поэтому, послушав слова жены, он решил с ней не спорить и завалился спать.

Супруга же людоеда отправила мальчиков наверх, где в другой комнате на кровати спали семь дочек людоеда. Они оказались примерно того же возраста и роста, что и братья Мальчика-с-пальчика. Дочки людоеда были далеко не красавицами, однако волосы на голове каждой украшал маленький позолоченный ободок. Жена людоеда уложила мальчиков на соседней кровати и дала каждому по ночному колпаку. Мальчик-с-пальчик подождал, когда она спустилась вниз, вылез из-под одеяла и быстро поменял ободки девочек на ночные колпаки своих братьев.

Среди ночи людоед проснулся. Хмель с него немного слетел, и он решил больше не медлить. Снова схватив свой большой острый нож, он поднялся в комнату, где спали дети, чтобы перерезать всем мальчишкам глотки. Однако и на улице, и в комнате было темно, поэтому людоед начал шарить на ощупь, пока не наткнулся на кровати. Нашупав на головах спящих ободки, он решил, что это его дочери. Когда же людоед почувствовал под пальцами колпаки, то подумал: тут и лежит его добыча. Недолго раздумывая, он

полоснул семь раз ножом, спустился вниз и снова завалился спать.

Как только Мальчик-с-пальчик услышал храп людоеда, он разбудил своих братьев и тихонько вывел их из дома. Все бросились к лесу в надежде выбраться из этой ужасной чащи. Однако, поскольку путь к родному дому был им по-прежнему неведом, им снова пришлось блуждать наугад.

Когда же настало утро, людоед проснулся и сказал своей жене:

— Поднимись-ка наверх да принеси мне закуску, что я приготовил себе ночью!

Предчувствуя недоброе, женщина вошла в детскую комнату и упала в обморок от ужаса, когда увидела, что произошло. Не дождавшись в конце концов своей супруги, людоед решил сам подняться наверх. Когда он понял, как его обманули и что он натворил, то пришел в страшную ярость. Сбежав вниз, он натянул на ноги свои сапоги-скороходы, в которых мог делать один большой шаг вместо семи обычных.

Вскоре, пробегая горами и долами, он заметил вдали семь беглецов. Дети тоже заметили людоеда и очень испугались. Но Мальчик-с-пальчик и тут не растерялся. Он укрылся вместе с братьями в небольшой пещерке, вход в которую закрывали густые заросли. Когда людоед подбежал к этому месту, то никого найти не смог. К тому времени он уже здорово подустал от бега и решил устроить себе небольшую передышку. Он опустил на землю и вскоре заснул.

Услыхав храп людоеда, Мальчик-с-пальчик выбрался из пещерки и смело к нему подошел. Несмотря на свой малый рост, ему удалось стащить с преследователя его удивительные сапоги. А поскольку они были волшебного свойства, то сразу уменьшились, и как раз пригодились Мальчику-с-пальчику в пору. Он схватил за руку своего шестого брата, тот схватился за пятого, пятый — за четвертого, тот — за третьего, третий —

за второго, второй — за самого старшего, и вся вереница понеслась сквозь лес, как ветер, к дому.

Вскоре все семеро уже были в объятиях папы и мамы. Мальчик-с-пальчик сказал своим родителям, чтобы впредь они лучше приглядывали за сыновьями, а он сам с этих пор оставит отчий дом и станет скороходом. Сказав это, он в одну секунду оказался уже на вершине ближайшего холма и пропал из глаз. Говорили, что с тех пор не было в стране скорохода быстрее его. Малыша в волшебных сапогах не могли обогнать даже всадники на самых резвых лошадях. А в жизни Мальчика-с-пальчика случилось столько удивительных событий, что все и описать невозможно.

Храбрый портняжка

В ярким летним днем сидел один портняжка, скрестив ноги, на своем столе у окошка. Он был в очень хорошем настроении и работал иглою что было мочи.

А тут как раз случилось, что шла баба по улице и выкрикивала:

— Сливовое варенье, сливовое варенье!

Этот крик портняге очень по нутру пришелся; он выставил свою головенку в окошко и тоже крикнул:

— Сюда ступай, тетка! Тут есть на твой товар покупатель.

Поднялась баба на три лестницы со своим тяжелым коробом к портняжке в каморку и должна была перед ним все горшки с вареньем выставить. Он их все осмотрел и все понюхал и сказал наконец:

— Кажись, хороша штука! А ну-ка, тетка, отвесь мне этого добра лота с четыре, а то, пожалуй, и всю четверть фунта.

Торговка, которая, судя по его зазыву, надеялась порядочно сбуть ему своего товара, отвесила ему потребное количе-

ство, однако же вышла от него очень недовольная и с ворчанием.

— Ну вот теперь мы это съедим во славу Божию, — весело воскликнул портняжка, — а как съедим, так и силы подкрепим.

Затем достал хлеб из шкафа, открыл себе ломоть во весь каравай и намазал варенье на ломоть.

— Это будет на вкус недурно, — сказал он, — да вот я только дошью сначала жилет, а потом уж и примусь за ломоть.

Положил он лакомый кусок поближе к себе, стал опять шить, но, желая поскорее шитье закончить, спешил и делал стежки все больше и больше.

А между тем запах лакомого куска почуяли мухи, которых великое множество сидело по стенам; запах их приманил, и они слетелись на кусок туча тучей.

— Эге! Вас-то кто сюда звал? — сказал портняжка и стал отгонять непрошенных гостей. Но мухи его языка не понимали и уговоров не слушали и слетались к куску отовсюду. Тут уж портняжка не вытерпел, ухватил он тряпицу, насторожился: вот я, мол, ужо задам вам, да как хватит тряпицей по насевшим мухам!

Посмотрел, сосчитал и видит: семь мух насмерть убил — тут же и ноги протянули, сердешные.

— Вот каков я храбрец! — сказал он и сам подивился своей удаче. — Об этом весь город должен узнать!

И тут же выкроил он себе широкий пояс, сшил его и на нем большими буквами вышил: «Единым махом семерых побивахом!»

«Да что мне город! Пусть весь свет о моем подвиге знает!» — сказал себе портняжка, и сердце забилося в нем от гордого сознания собственного мужества.

И вот портной опоясался своим поясом и задумал пуститься по белу свету, потому что его мастерская показалась ему уж слишком тесною для его удали.

Но прежде чем пуститься странствовать, стал он шарить по всему дому, не найдется ли там чего-нибудь такого, что он мог бы взять с собою в дорогу. Однако же ничего не нашел, кроме творожного сыра, который и сунул на всякий случай в карман. Около ворот увидел он птицу, запутавшуюся в кустарнике, и ту сунул в карман.

А затем пустился в путь-дорогу, и так как был проворен и на ногу легок, то и не чувствовал никакой усталости от ходьбы. Дорога привела его на гору, и когда он достиг ее вершины, то увидел там великана: сидит на дороге, кругом посматри-

вает. Портняжка прямо к нему подошел, заговорил с ним и сказал:

— Здорóво, товарищ! Что это ты тут сидишь, на белый свет посматриваешь? Вот я задумал по свету постранствовать, счастья попытать. Так не хочешь ли ты со мною в товарищах идти?

Великан презрительно посмотрел на портного и проговорил:

— Ах ты, дрянь! Жалкая тварь!

— А! Вот как?! — ответил ему портняжка да и расстегнул верхнее платье и показал великану свой пояс: — Ну-ка прочти, каков я человек!

Великан прочел: «Единым махом семерых побивахом!» — подумал, что портной сразу может побить семь человек, и проникся некоторым уважением к этому малышу.

Однако же он захотел его испытать; взял в руки камень да так стиснул, что из камня вода потекла.

— А ну-ка попробуй это сделать, коли ты силен! — сказал великан.

— Только и всего? — сказал портной. — Помилуй, да это у нас пустяками считается!

Выхватил из кармана творожный сыр и стиснул его вместе с камнем так, что сок на землю закапал.

— Что? Небось это почище твоего будет?

Великан и сам не знал, что ему сказать, и поверить не мог, что этот человечиска обладал такою силою.

И вот поднял великан с земли камень и швырнул его вверх с такою силою, что его едва видно стало, и сказал:

— Ну-ка ты, малявка, подкинь-ка так!

— Недурно брошено, — сказал портной, — однако же твой камень все же на землю упал. А вот я тебе брошу камень так, что он никогда больше на землю не упадет!

Сунул руку в карман, выхватил оттуда птицу и швырнул ее в воздух. Птица, радешенька, что на свободу вырвалась, взвилась высоко-высоко и не вернулась более.

— Что? Каково, товарищ? — спросил портной.

— Бросаешь ты недурно, — промолвил великан, — а вот посмотрим, можешь ли ты снести порядочную тяжесть?

Он подвел портняжку к мощному дубу, который был срублен и лежал на земле, и сказал:

— Коли ты силен, так помоги мне вытащить это дерево из леса.

— Изволь, — сказал портной, — только ты ствол-то на плечи себе взвали, а я понесу на себе сучья и ветви, — ведь это, чай, потяжелее ствола будет.

Великан взвалил себе ствол дуба на плечи, а портной сел верхом на одну из ветвей, и великану, который никак не мог оглянуться назад, пришлось тащить на себе все дерево да, сверх того, еще и портного... А портной ехал себе на ветке, насвистывая веселую песенку: «Вот как шли наши ребята да направо из ворот...» — стараясь этим выказать, что ему эта ноша — сущие пустяки.

Великан, протащил страшную тяжесть на порядочное расстояние, выбился из сил и сказал:

— Слышь, я сейчас дерево сброшу!

Портной тотчас прыгнул с ветки, ухватился за дерево обеими руками, словно бы нес его, и сказал великану:

— Дивлюсь я на тебя! Ты такой верзила, а не можешь этого дерева снести!

И пошли они дальше, дошли до вишневого дерева; великан ухватил его за вершину, около которой были самые зрелые ягоды, нагнул, дал портному подержать ее в руках и стал угощать его ягодами. Но у портняжки не было силенки удерживать дерево за вершину, и, когда великан его выпустил из рук, дерево разогнулось, и портного подбросило вверх. Когда он,

однако же, без всякого вреда для себя соскочил опять с дерева на землю, великан спросил его:

— Что это? Ужели у тебя нет силы даже и этот хлыст в руках удержать?

— Не в силе тут дело! — смело отвечал портняжка. — Это сущий пустяк для того, кто семерых побивает! А я захотел прыгнуть через дерево, потому видел, что охотники стреляли в кусты под деревом. Попробуй-ка ты прыгнуть по-моему!

Великан попробовал прыгнуть, а все же через дерево перепрыгнуть не мог и повис на ветвях его, так что и тут портняжка одержал над ним верх.

Великан сказал:

— Коли ты уж такой храбрец, так ступай со мной в нашу пещеру и переночуй у нас!

Портняжка согласился и последовал за ним.

Пришли они в пещеру, и увидел портняжка там около огня еще и других великанов, и у каждого в руках было по жареному барану, которых они уплетали.

Портняжка осмотрелся кругом и подумал: «Да, тут просторнее, чем у меня в мастерской».

Великан указал ему на кровать и сказал:

— Ложись на ней да выспись хорошенько.

Но портняжке была та кровать чересчур велика; он и не подумал лечь на нее, а залез себе в угол.

В самую полночь великан, думая, что портняжка спит уже крепким сном, поднялся со своей постели, взял большой железный лом и одним ударом перешиб кровать пополам — и думал, что он из этого малявки и дух вышиб вон.

Ранешенько утром великаны направились в лес, а о портняжке и думать забыли; а он тут как тут, выходит, посвистывает. Великаны перепугались — им показалось, что он их теперь всех перебьет, — и разбежались кто куда.

А портняжка пошел себе своею дорогою куда глаза глядят. Долго шел он и пришел наконец во двор королевского дворца, и так как он порядком поутомился, то растянулся на траве и заснул.

Во время его сна подошли к нему люди из королевской челяди, осмотрели его со всех сторон и прочли у него на поясе надпись: «Единым махом семерых побивахом».

— Э-э, — сказали они, — да на какую же потребу этот богатырь сюда пожаловал в мирное время? Ведь надо полагать, что это не простой человек.

Пошли и доложили королю и выразили при этом такое мнение, что на случай войны этот, пришелец мог бы очень и очень пригодиться и что отпускать его ни под каким видом не следует.

Королю этот совет пришелся по нутру, и он послал к портняжке одного из своих придворных, которому и дал такое поручение:

— Пойди, обожди, пока он выспится, и, когда проснется, предложи ему поступить в мое войско на службу.

Посланный стал около спящего незнакомца, обождал, пока тот начал потягиваться и наконец продрал глаза, тогда он передал ему то, что поручил передать король.

— Вот-вот, я для этого-то и пришел сюда, — отвечал придворному портняжка, — и готов поступить к королю на службу.

Тут его с почестями приняли на службу, и ему отведено было особое жилье.

Все ратники королевские были очень недовольны прибытием портняжки и желали от души, чтобы он провалился в тридевятое царство.

— Чего тут ждать хорошего? — говорили они между собою. — Ведь, чего доброго, коли мы с ним поссоримся да он на нас накинется, так от каждого взмаха семерых как не бывало! Где же тут нашему брату с ним тягаться?

Тогда они решили все вместе идти к королю и просить у него об отставке.

— Где уж нам, — сказали они, — выстоять рядом с таким удалцом, который одним махом семерых побивает!

Король очень опечалился тем, что из-за этого одного он должен лишиться стольких верных слуг. Он пожалел, что польстился на его службу, и стал подумывать, как бы ему от этого удалца избавиться. Однако же он не решился прямо дать ему отставку: «Чего доброго, он еще и меня убьет, и всю рать мою перебьет, да на мое место королем сядет».

Долго он так и этак дело обдумывал и придумал наконец, как ему следует действовать.

Послал король к портняжке и приказал ему сказать: «Уж коли ты такой богатырь, так я тебе вот что предложу. В одном из лесов в моем королевстве поселились два великана и огромный наносят вред своими хищениями, убийствами, опустошениями и поджогами. Никто к ним и подойти не смеет, не подвергая свою жизнь величайшей опасности. Вот если ты этих обоих великанов одолеешь и убьешь, то я отдам тебе мою единственную дочь в супруги и полкоролевства моего в приданое».

При этом король предлагал, чтобы сотня всадников за ним следовала и оказывала бы ему во всем поддержку.

«Недурно бы для такого молодца, как я, — подумал портняжка, — еще и красавицу королевну подцепить. Ну да и полкоролевства тоже не каждый день подвертывается!»

И он послал сказать королю: «Ладно, великанов я одолею. А твоей сотни всадников мне, пожалуй, и не надобно; кто семерых одним махом побивает, тому, конечно, не могут быть страшны двое».

И вот портняжка пустился в поход, а сотня всадников за ним последовала.

Подойдя к опушке того леса, где великаны жили, он сказал своим спутникам:

— Вы приостановитесь здесь, а я уж один как-нибудь с великанами управлюсь, — и шмыгнул в лес и стал в нем осматриваться. Немного спустя он и завидел обоих великанов: они спали под деревом и храпели так, что над ними ветки колыхались.

Портняжка, не будь глуп, набил себе оба кармана камнями и залез на то дерево, под которым спали великаны. Взобравшись туда, он сел на ветку как раз над ними и стал оттуда сбрасывать одному из них на грудь камень за камнем.

Долго не мог он добиться того, чтобы великан это почувствовал, однако все же тот проснулся, толкнул товарища и сказал:

— Ты чего меня бьешь?

— Тебе это, видно, приснилось, — отвечал тот, — я и не думал тебя бить.

И опять полегли они спать.

Тогда уж портняжка сбросил камень на второго.

— Это еще что? С чего ты вздумал бросаться камнями?

— Да я вовсе и не бросаю, — отвечал первый великан и стал ворчать.

Поругались они между собою, но так как оба были утомлены, то потом замолкли и опять закрыли глаза.

А портняжка опять за то же принялся: выбрал камень поувесистее да и швырнул его изо всей силы в грудь первому великану.

— Ну это уж чересчур! — крикнул тот, вскочил как полоумный и так двинул своего товарища о дерево, что дерево зашаталось.

Тот не остался в долгу, и они оба пришли в такое исступление, что стали вырывать деревья с корнями и теми деревьями побивать друг друга, пока наконец оба не пали мертвые на землю.

Тут и портняжка спрыгнул с дерева.

— Еще счастье, — сказал он, — что они не вырвали того дерева, на котором я сидел, а не то пришлось бы мне, как белочке, на другое перепрыгивать, — ну да мы же и проворны!

И вынул он свой меч и нанес каждому из великанов по два хороших удара в грудь; потом вышел из леса к всадникам и сказал:

— Дело сделано! Я их обоих доконал! А жаркое было дело: они деревья с корнем выворачивали и ими отбивались, да ничего не могли против меня сделать, потому что я одним махом семерых побиваю.

— И вы не ранены? — спросили его спутники.

— Все обстоит благополучно, — сказал портной, — они на мне и волоска не помяли.

Те не хотели ему верить и въехали в лес. Там нашли они великанов окровавленных, а кругом них лежали вырванные с корнями деревья.

Портняжка потребовал от короля обещанной награды, а тот уже успел в своем слове раскаяться и стал придумывать, как бы ему сбыть этого удальца с рук.

— Прежде чем ты получишь руку моей дочери и половину моего королевства в приданое за нею, — сказал король, — ты должен совершить еще один подвиг. В том же лесу рыщет единорог, и много от него терпим мы бед. Вот ты его и излови!

— Одного единорога я еще менее опасаясь, нежели двоих великанов. Семерых одним махом — вот это мое дело!

Он взял с собою топор и веревку, направился в лес и опять-таки велел обождать на опушке тем, кому приказано было его сопровождать.

Недолго пришлось ему искать: единорог вскоре и сам вышел к нему и прямо устремился на портного, собираясь сразу пронзить его своим рогом.

— Постой, постой, потише! — сказал портняжка. — Так скоро-то нельзя же!

И в то время как зверь уж совсем на него наскакивал, он проворно юркнул за дерево. Единорог со всего разбега ткнулся в дерево и так крепко всадил в его ствол свой острый рог, что не в силах был его сразу вытащить и очутился как бы на привязи.

— Ну теперь не уйдешь от меня, — сказал портняжка, обвязал веревкой единорогу шею, потом вырубил топором его рог из древесного ствола и преспокойно вывел зверя из леса и привел к королю.

Король и тут не хотел еще удостоить его обещанной награды и придумал третье условие. До свадьбы портной должен был изловить ему в лесу страшного кабана, который наносил большой вред лесу; королевские егеря должны были оказать ему в этом содействие.

— Отчего же не изловить? — сказал портняжка. — Это для нас плевое дело!

Егерей он с собой в лес не взял, и те были этому рады-раदेशеньки, потому что этот кабан такого нагонял на них страху, что у них отпала всякая охота за ним гоняться.

Когда кабан завидел портного, он, с пеною у рта и оскалив клыки, бросился на него, намереваясь его сшибить с ног; но наш ловкач успел вскочить в часовню, стоявшую поблизости, и из той часовни тотчас же выскочил в окошко. Кабан — за ним. А тот уже успел обежать кругом часовни и захлопнуть ее дверь. Яростное животное попало таким образом как в западню, так как при своей толщине и неуклюжести оно никак не могло выпрыгнуть в окошко.

И вот портняжка призвал егерей, и они должны были собственными очами увидеть пойманного зверя. А наш удалец отправился к королю, и тот уж волей или неволей должен был наконец исполнить свое обещание и отдать ему дочь в супруги и полкоролевства в приданое.

Кабы он знал да ведал, что награждает не настоящего богатыря, а простого портняжку, ему бы это было еще тягостнее! Как бы то ни было, а свадьбу сыграли богато и не очень весело — и вот простой портной стал королем.

Несколько времени спустя молодая королева услышала однажды ночью, как ее супруг говорил во сне: «Эй, малый! Сшей мне жилет и заштопай штаны, не то попотчую тебя аршином!» Тут она догадалась, откуда ее муженек родом.

Стала она на другое утро жаловаться отцу и просила, чтобы тот избавил ее от мужа — простого портного. Король старался ее утешить и сказал:

— В следующую ночь не замыкай своей спальни, мои слуги будут уж наготове, и, чуть только он заснет, они войдут, свяжут его и снесут на корабль, который его увезет за море.

Королева была этим довольна, но один из оруженосцев старого короля, который слышал всю беседу и притом был очень предан молодому королю, сообщил ему об этой затее.

— Ну, я с ним сумею управиться! — сказал портняжка.

Вечерком в обычный час улегся он в постель, и жена его также. Когда, по ее предположению, он уже уснул, она поднялась, отомкнула дверь спальни и опять легла на свое место. Портняжка только прикидывался, что спит, а сам все это слышал. И вот начал он громко кричать:

— Малый, сшей мне жилет и заштопай штаны, а не то я тебя попотчую аршином! Я семерых побил одним махом, двух великанов убил, единорога на веревке к королю привел, кабана изловил — так неужели же тех испугаюсь, которые там за дверьми стоят?

Когда те услышали эти речи портняжки, на них напал великий страх и они все бросились бежать, словно бы за ними гналась нечистая сила. И никто уж никогда не задумывал больше поднять на него руку.

Так и случилось, что наш портняжка и на всю жизнь до самой своей смерти остался королем.

Карлик Нос

 Господин! Совсем неправы люди, думающие, что феи и волшебники существовали только во времена Гаруна аль-Рашида, властелина Багдада, или даже утверждающие, что те повествования о деятельности духов и их повелителей, которые слышишь от рассказчиков на городских рынках, неверны. Феи существуют еще и теперь, и не так давно я сам был свидетелем одного происшествия, в котором явно участвовали духи, как я вам расскажу.

Много лет тому назад в одном значительном городе моего милого отечества, Германии, скромно и честно жил сапожник с женой. Днем он сидел на углу улицы и чинил башмаки и туфли. Делал он, может быть, и новые, если это кто-нибудь доверял ему. Но в таком случае он должен был сперва покупать кожу, так как был беден и не имел запасов. Его жена продавала овощи и фрукты, которые разводила в маленьком садике за городом, и многие охотно покупали у нее, потому что она была чисто и опрятно одета и умела красиво разложить и выставить свой товар.

У них был красивый мальчик, приятный лицом, хорошо сложенный и для своего восьмилетнего возраста уже довольно большой. Он обыкновенно сидел около матери на овощном рынке, относил также домой часть плодов тем женщинам или поварам, которые много закупали у жены сапожника, и редко возвращался с такой прогулки без красивого цветка, монетки или пирога, потому что господам этих поваров было приятно видеть, когда приводили в дом красивого мальчика, и они всегда щедро одаривали его.

Однажды жена сапожника, по обыкновению, опять сидела на рынке; перед ней было несколько корзин с капустой и другими овощами, разные травы и семена, а также, в корзиночке поменьше, ранние груши, яблоки и абрикосы. Маленький Якоб — так звали мальчика — сидел около матери и звонким голосом выкликал товары:

— Посмотрите, господа, сюда, какая прекрасная капуста, как душисты эти травы! Ранние груши, сударыни, ранние яблоки и абрикосы кто купит? Моя матушка отдаст очень дешево!

Так кричал мальчик.

В это время на рынок пришла одна старуха. Она имела немного оборванный вид, маленькое острое лицо, совершенно сморщенное от старости, красные глаза и острый кривой нос, касавшийся подбородка.

Шла она опираясь на длинную палку, и все-таки нельзя было сказать, как она шла, потому что она хромала, скользила и шаталась, как будто на ногах у нее были колеса, и каждую минуту она могла опрокинуться и упасть своим острым носом на мостовую.

Жена сапожника стала внимательно разглядывать эту женщину. Ведь уже шестнадцать лет, как она ежедневно сидела на рынке, и никогда она не замечала этой странной фигуры. Она невольно испугалась, когда старуха заковыляла к ней и остановилась у ее корзин.

— Вы Ханна, торговка овощами? — спросила старуха неприятным, хриплым голосом, беспрестанно тряся головой.

— Да, это я, — отвечала жена сапожника. — Вам что-нибудь угодно?

— Посмотрим, посмотрим, поглядим травки, поглядим травки... Есть ли у тебя то, что мне нужно? — сказала старуха.

Она нагнулась к корзинам, вошла обеими темно-коричневыми отвратительными руками в корзину с травами, схвати-

ла своими длинными паукообразными пальцами так красиво и изящно разложенные травки, а потом стала подносить их одну за другой к длинному носу и обнюхивать. У жены сапожника почти защемило сердце, когда она увидала, что старуха так обращается с ее редкими травами, но она ничего не решилась сказать, — ведь покупатель имел право рассматривать товар, и, кроме того, она почувствовала перед этой женщиной непонятный страх.

Пересмотрев всю корзину, старуха пробормотала:

— Дрянь, дрянная зелень, из того, что я хочу, нет ничего. Пятьдесят лет тому назад было гораздо лучше. Дрянь, дрянь!

Такие слова рассердили маленького Якоба.

— Слушай ты, бесстыжая старуха! — сердито закричал он. — Ты сперва лезешь своими гадкими коричневыми пальцами в прекрасные травы и мнешь их, потом держишь их у своего длинного носа, так что их никто больше не купит, кто видел это, а теперь ты еще бранишь наш товар дрянью. А ведь у нас всё покупает даже повар герцога!

Старуха покосилась на смелого мальчика, противно засмеялась и сказала хриплым голосом:

— Сынок, сынок! Так тебе нравится мой нос, мой прекрасный, длинный нос? У тебя будет на лице такой же, и до самого подбородка!

Говоря так, она скользнула к другой корзине, в которой была разложена капуста. Она брала в руку великолепнейшие белые кочаны, сжимала их так, что они трескали, потом опять в беспорядке бросала их в корзину и говорила при этом:

— Дрянной товар, дрянная капуста!

— Только не раскачивай так гадко головой! — испуганно воскликнул малютка. — Ведь твоя шея тонка, как кочерыжка, она легко может переломиться, и твоя голова упадет в корзину. Кто ж тогда захочет купить?

— Тебе не нравятся тонкие шеи, — со смехом пробормотала старуха. — У тебя совсем не будет шеи! Голова будет торчать в плечах, чтобы не упасть с маленького тельца!

— Не болтайте с маленьким таких ненужных вещей, — сказала наконец жена сапожника, рассерженная долгим перебиранием, рассматриванием и обнюхиванием. — Если хотите купить что-нибудь, то поторопитесь, ведь вы у меня отгоняете всех других покупателей.

— Хорошо, пусть будет по-твоему! — воскликнула старуха с злобным взглядом. — Я куплю у тебя эти шесть кочанов. Но посмотри, я должна опираться на палку и ничего не могу нести. Позволь своему сынку отнести товар ко мне на дом, я дам ему за это хорошую награду.

Малютка не хотел идти с ней и заплакал, боясь безобразной женщины, но мать строго приказала ему идти, считая, конечно, грехом взвалить эту ношу только на старую, слабую женщину. Чуть не плача он сделал, как она приказала, сложил кочаны в платок и пошел за старухой по рынку.

Она шла не очень скоро, и понадобилось почти три четверти часа, пока они пришли в самую отдаленную часть города и остановились перед маленьким, ветхим домом. Там она вынула из кармана старый заржавленный крючок, ловко всунула его в маленькую скважину в двери, и вдруг дверь, щелкнув, сразу отворилась. Но как поразился маленький Якоб, когда вошел! Внутренность дома была великолепно украшена, потолок и стены были из мрамора, мебель — из прекраснейшего черного дерева и выложена золотом и шлифованными камнями, а пол был из стекла и такой гладкий, что малютка несколько раз поскользнулся и упал. Старуха вынула из кармана серебряный свисток и засвистала на нем мелодию, которая звучно раздалась по дому. По лестнице тотчас же сошли несколько морских свинок. Якобу показалось очень странным, что они шли на двух ногах и вместо башмаков имели на лапах

ореховые скорлупки. Они были одеты в человеческие одежды, и даже на головах у них были шляпы по новейшей моде.

— Где мои туфли, негодные твари? — закричала старуха и ударила их палкой, так что они с воем подпрыгнули. — Долго ли мне еще так стоять!

Они быстро запрыгали вверх по лестнице и опять явились с парой скорлуп кокосового ореха, подбитых кожей, которые они ловко надели старухе на ноги.

Теперь у старухи прошла вся хромота и шатание в стороны. Она отбросила палку и стала очень быстро скользить по стеклянному полу, увлекая с собой за руку маленького Якоба. Наконец она остановилась в комнате, уставленной разной мебелью и похожей на кухню, хотя столы из красного дерева и покрытые богатыми коврами диваны подходили скорее к парадной комнате.

— Сядь, сынок, — очень ласково сказала старуха, прижимая Якоба в угол дивана и ставя перед ним стол так, что он уже не мог выйти оттуда, — сядь, тебе было очень тяжело нести. Человеческие головы не так легки, не так легки!

— Сударыня, что за странности вы говорите? — воскликнул малютка. — Я правда устал, но ведь то были кочаны, которые я нес. Вы их купили у моей матушки.

— Э, ты знаешь это неверно, — захохотала старуха, открыла крышку корзины и вынула человеческую голову, схватив ее за волосы.

Малютка был вне себя от ужаса, он не мог понять, как все это произошло, и подумал о своей матери. «Если кто узнает что-нибудь об этих человеческих головах, — подумал он про себя, — то, наверно, мою матушку обвинят в этом».

— Теперь надо дать и тебе что-нибудь в награду за то, что ты так послушен, — пробормотала старуха, — потерпи только минуточку, я накрошу тебе супцу, который ты будешь поминать всю жизнь.

Так она сказала и опять засвистела. Сперва явилось много морских свинок в человеческих одеждах; на них были повязаны кухонные фартуки, а за поясом были половники и большие ножи. За ними прискакало множество белок. На них были широкие турецкие шаровары, и они ходили на задних лапах, а на голове имели зеленые бархатные шапочки. Это были, по-видимому, повара, потому что они очень проворно взбирались на стены, доставали сверху сковороды и блюда, яйца и масло, травы и муку и несли все это на плиту. А у плиты беспрестанно сновала старуха в своих туфлях из кокосовых скорлуп, и малютка видел, что она очень старается сварить ему что-то хорошее. Вот огонь затрещал сильнее, вот на сковороде задымилось и закипело, и в комнате распространился приятный запах. Старуха забежала взад и вперед, а белки и морские свинки — за ней. Проходя мимо плиты, она каждый раз совала свой длинный нос в горшок. Наконец кушанье закипело и зашипело, из горшка поднялся пар, и на огонь полилась пена. Тогда она сняла горшок, налила из него в серебряную чашку и поставила ее перед маленьким Якобом.

— Вот, сынок, вот, — сказала она, — поешь только этого супчика — у тебя будет все, что тебе так понравилось у меня. Ты будешь и искусным поваром, чтобы тебе быть хоть кем-нибудь, но травки... нет, травки ты никогда не найдешь. Почему ее не было в корзине у твоей матери?

Малютка не вполне понял, что она сказала, и тем внимательнее занялся супом, который ему очень понравился. Мать готовила ему много вкусных кушаний, но такого хорошего у него еще ничего не было. От супа шел аромат тонких трав и корней. При этом суп был в одно и то же время сладок, кисловат и очень крепок. Между тем как Якоб еще доедал последние капли прекрасного кушанья, морские свинки закурили аравийский ладан, который понесся по комнате голубоватыми облаками. Эти облака делались все гуще и гуще и

спускались вниз. Запах ладана подействовал на малютку усыпительно: он мог сколько угодно кричать, что ему нужно вернуться к матери, — очнувшись, он опять погружался в дремоту и наконец действительно заснул на диване старухи.

Ему снились странные сны. Ему представлялось, что старуха снимает с него одежду и вместо нее обертывает его беличьей шкуркой. Теперь он мог прыгать и лазить, как белка. Он жил вместе с остальными белками и морскими свинками, которые были очень учтивыми, воспитанными особами, и вместе с ними служил у старухи. Сперва им пользовались только для чистки обуви, то есть он должен был намазывать маслом кокосовые орехи, которые хозяйка носила вместо туфель, натирать их и делать блестящими. Так как в отцовском доме его часто приучали к подобным занятиям, то это дело шло у него на лад. Спустя приблизительно год, снилось ему дальше, его стали употреблять для более тонкой работы: он вместе с еще несколькими белками должен был ловить пылинки и, когда их было достаточно, просеивать их через тончайшее волосяное сито. Дело в том, что хозяйка считала пылинки самым нежным веществом, и так как, не имея уже ни одного зуба, не могла хорошо разжевывать пищу, то велела готовить ей хлеб из пылинок.

Еще через год его перевели в слуги, собиравшие старухе воду для питья. Не подумайте, что она велела вырыть ей для этого бассейн или поставила на дворе кадку, чтобы собирать в нее дождевую воду, — это делалось гораздо хитрее: белки и Якоб должны были черпать ореховыми скорлупками росу с роз, и это было у старухи водой для питья. Так как она пила очень много, то у водоносов была тяжелая работа. Через год его назначили для внутренней службы в доме. У него была обязанность чистить полы, а так как они были из стекла, на котором видно было всякое дыхание, то это была не пустяшная работа. Слуги должны были чистить их щеткой, привязы-

вать к ногам старое сукно и искусно ездить на нем по комнате. На четвертый год его перевели наконец на кухню. Это была почетная должность, которой можно было достигнуть только после долгого испытания. Якоб прослужил в ней начиная с поваренка до первого пирожника и достиг такой необыкновенной ловкости во всем, что касается кухни, что часто должен был удивляться самому себе. Самым трудным вещам: паштетам из двухсот сортов эссенций, супам из зелени, составленным из всех травок на земле, — всему он научился, все умел делать скоро и вкусно.

Так на службе у старухи прошло около семи лет, когда однажды, сняв кокосовые башмаки и взяв в руку корзину и костыль, чтобы уйти, она велела ему ощипать курочку, начинить ее травами и к ее возвращению хорошенько поджарить до коричневатого-желтого цвета. Он стал делать это по всем правилам искусства. Свернул курочке шею, обварил ее в горячей воде, ловко ощипал перья, потом соскоблил с нее кожу, так что она стала гладкой и нежной, и вынул из нее внутренности. Затем он стал собирать травы, которыми должен был начинить курочку. В кладовой для трав он на этот раз заметил в стене шкафчик, дверцы которого были полуоткрыты и которого прежде он никогда не замечал. Он с любопытством подошел ближе, чтобы посмотреть, что он содержит, — и что же, в нем стояло много корзиночек, от которых шел сильный, приятный аромат! Он открыл одну из этих корзиночек и нашел в ней травку совсем особенного вида и цвета. Стебель и листья были сине-зелеными и имели наверху маленький цветок огненно-красного цвета с желтой каемкой. Якоб в раздумье стал рассматривать этот цветок и понюхал его. Цветок издавал тот же самый крепкий запах, которым некогда пахнул суп, сваренный ему старухой. Но запах был так силен, что Якоб стал чихать, должен был чихать все сильнее и, чихая, наконец проснулся.

Он лежал на диване старухи и с удивлением смотрел вокруг. «Нет, но как живо можно видеть во сне! — сказал он сам себе. — Ведь теперь я готов поклясться, что был презренной белкой, товарищем морских свинок и другой гадости, но при этом стал великим поваром. Как будет смеяться матушка, когда я все расскажу ей! Однако не будет ли она также бранить, что я засыпаю в чужом доме, вместо того чтобы помогать ей на рынке?» С этими мыслями он вскочил, чтобы уйти. Его тело было еще совсем онемевшим от сна, особенно затылок, потому что он не мог хорошо поворачивать голову. Он должен был даже посмеяться над собой, что он такой сонный, потому что, прежде чем осмотрелся, он ежеминутно натыкался носом на шкаф или на стену или ударялся им о косяк двери, если быстро оборачивался. Белки и морские свинки с визгом бегали вокруг него, как будто хотели проводить его; он и действительно пригласил их с собой, когда был на пороге, потому что это были хорошенькие зверьки, но они, в своих ореховых скорлупках, быстро вернулись в дом, и он только вдали слышал их вой.

Та часть города, куда его завела старуха, была довольно отдаленной, и он едва смог выбраться из узких переулков. При этом там была большая давка, потому что, как ему показалось, должно быть, как раз вблизи показывали карлика. Он везде слышал восклицания: «Эй, посмотрите на уродливого карлика! Откуда явился этот карлик? Эй, что за длинный нос у него, как у него торчит из плеч голова! А руки, бурые, безобразные руки!» В другое время он, пожалуй, тоже побежал бы, потому что очень любил смотреть великанов, карликов или редкие иноземные одежды, но теперь он должен был торопиться прийти к матери.

Когда он пришел на рынок, ему сделалось совсем жутко. Мать еще сидела там и имела в корзине довольно много плодов; следовательно, он не мог долго проспать. Но ему уже из-

дали показалось, что она очень печальна, потому что она не зазывала прохожих купить у нее, а подпирала голову рукой, и, когда он подошел ближе, ему показалось также, что она бледнее обыкновенного. Он был в нерешимости, что ему делать; наконец собрался с духом, подкрался к ней сзади, ласково положил свою ладонь на ее руку и сказал:

— Мамочка, что с тобой? Ты сердишься на меня?

Женщина обернулась к нему, но с криком ужаса отшатнулась.

— Что тебе надо от меня, мерзкий карлик? — воскликнула она. — Прочь, прочь! Я терпеть не могу подобных шуток!

— Матушка, что же это с тобой? — спросил совсем испуганный Якоб. — Тебе, верно, неможется; почему же ты гонишь от себя своего сына?

— Я тебе уже сказала, убирайся прочь! — сердито возразила Ханна. — У меня ты ни гроша не получишь за свое ломанье, мерзкий урод!

«Право, Бог отнял у нее свет разума! — сказал сам себе огорченный малютка. — Что только мне сделать, чтобы привести ее в себя?»

— Милая матушка, будь же благоразумна. Посмотри только на меня хорошенько, — ведь я твой сын, твой Якоб!

— Нет, теперь эта шутка становится слишком наглой! — крикнула Ханна своей соседке. — Посмотрите только на этого уродливого карлика! Вот он стоит, наверно, отгоняет у меня всех покупателей и смеет издеваться над моим несчастьем. Он говорит мне: «Ведь я твой сын, твой Якоб», нахал!

Тогда соседки поднялись и стали так сильно ругаться, как только могли, а это торговки, вы хорошо знаете, умеют.

Они ругали его, что он насмехается над несчастьем бедной Ханны, у которой семь лет тому назад украли ее красивого мальчика, и грозили все вместе накинуться на него и исцарапать его, если он тотчас не уйдет.

Бедный Якоб не знал, что ему думать обо всем этом. Ведь сегодня утром, как ему казалось, он, по обыкновению, пошел с матерью на рынок, помог ей разложить плоды, потом пришел со старухой в ее дом, поел супа, немного соснул и теперь опять здесь; а, однако, матушка и соседки говорили о семи годах! И они называли его гадким карликом! Что же теперь произошло с ним?

Когда он увидел, что мать совсем уж не хочет слышать о нем, на глазах у него выступили слезы и он печально пошел вниз по улице к лавке, где его отец целый день чинил башмаки. «Посмотрю, — думал он, — так же ли он не узнает меня; я стану у двери и заговорю с ним». Подойдя к лавке сапожника он стал у двери и заглянул в лавку. Мастер был так усердно занят своей работой, что совсем не видал его, но, случайно бросив один раз взгляд на дверь, он уронил на землю башмаки, дратву и шило и с ужасом воскликнул:

— Боже мой, что это, что это?!

— Добрый вечер, мастер! — сказал малютка, совсем входя в лавку. — Как ваши дела?

— Плохо, плохо, маленький барин! — отвечал отец, к большому изумлению Якоба; ведь, по-видимому, он его тоже не узнал. — Дело у меня не клеится. Хотя я один и теперь становлюсь стар, а все-таки подмастерье для меня слишком дорог.

— А разве у вас нет сына, который мог бы мало-помалу помогать вам в работе? — продолжал спрашивать малютка.

— У меня был сын, его звали Якобом, и теперь он должен бы быть стройным, ловким двадцатилетним молодцом, который славно помогал бы мне. Ах, вот была бы жизнь! Уже когда ему было двенадцать лет, он показывал себя таким способным и ловким и уже многое понимал в ремесле, был также красив и мил. Он привлекал бы ко мне заказчиков, так что я скоро уже не занимался бы починкой, а поставлял бы только новое! Но так всегда бывает на свете!

— А где же ваш сын? — дрожащим голосом спросил Якоб у своего отца.

— Это знает только Бог, — отвечал он. — Семь лет тому назад, да, теперь это уже так давно, его с рынка украли у нас.

— Семь лет тому назад? — с ужасом воскликнул Якоб.

— Да, маленький барин, семь лет тому назад! Я еще как сегодня помню, как моя жена пришла домой с воем и криком, что ребенок целый день не возвращался, что она везде спрашивала, искала и не нашла его. Я всегда думал и говорил, что это так и случится. Якоб, надо сказать, был красивым ребенком. Так вот моя жена гордилась им, любила видеть, когда люди хвалили его, и часто посылала его в богатые дома с овощами и тому подобным. Это было, положим, хорошо: его каждый раз щедро одаривали, но, говорил я, смотри, город велик, много дурных людей живет в нем, смотри у меня за Якобом! И случилось так, как я говорил. Однажды на рынок приходит старая, безобразная женщина, покупает плоды и овощи и, наконец, покупает столько, что сама не может унести. Моя жена, как сострадательная душа, дает ей с собой мальчика — и до сих пор его уж не видала.

— И этому теперь семь лет, вы говорите?

— Семь лет будет весной. Мы объявляли о нем, мы ходили из дома в дом и спрашивали. Многие знали красивого мальчика, любили его и теперь искали вместе с нами — все напрасно. Никто не знал даже имени женщины, которая покупала овощи, а одна старуха, прожившая уже девяносто лет, сказала, что это была, вероятно, злая фея Травница, которая раз в пятьдесят лет приходит в город закупать себе всякие травы.

Так говорил отец Якоба и при этом сильно стучал по своим башмакам и обоими кулаками далеко вытягивал дратву. А малютке мало-помалу стало ясно, что произошло с ним: он видел не сон, а семь лет прослужил белкой у злой феи. Его сердце так наполнилось гневом и скорбью, что чуть не раз-

рывалось. Старуха похитила у него семь лет его молодости, а что у него было взамен этого? Разве что он умел хорошо чистить туфли из кокосовых орехов, умел убирать комнату со стеклянными полами? Научился от морских свинок всем тайнам кухни?

Так он простоял несколько времени, размышляя о своей судьбе, когда наконец отец спросил его:

— Может быть, вам угодно что-нибудь из моей работы, молодой барин? Например, пару новых туфель или, — прибавил он улыбаясь, — может быть, футляр для вашего носа?

— Что вам до моего носа? — сказал Якоб. — Зачем же мне нужен для него футляр?

— Ну, — возразил сапожник, — у всякого свой вкус, но должен сказать вам, что, если бы у меня был этот ужасный нос, я заказал бы себе для него футляр из розовой лаковой кожи. Смотрите, вот у меня под рукой прекрасный кусочек; конечно, для этого потребовалось бы по крайней мере локоть. Но как хорошо он предохранял бы вас, маленький барин! Я вполне уверен, что так вы натываетесь на каждый косяк, на каждую повозку, от которой хотите посторониться.

Малютка стоял, онемев от ужаса. Он стал ощупывать свой нос: нос был толст и длинной, вероятно, в две ладони! Таким образом, старуха изменила и его наружность, — поэтому-то мать и не узнала его, поэтому его и называли безобразным карликом!

— Мастер! — сказал он сапожнику чуть не плача. — Нет ли у вас под рукой зеркала, в которое я мог бы посмотреть на себя?

— Молодой барин, — серьезно отвечал отец, — вы получили совсем не такую наружность, которая могла бы сделать вас тщеславным, и у вас нет причины ежеминутно глядеть в зеркало. Отвыкайте от этого, это, особенно у вас, смешная привычка.

— Ах, так дайте мне все-таки посмотреть в зеркало, — воскликнул малютка, — уверяю, это не из тщеславия!

— Оставьте меня в покое, у меня нет зеркала! У моей жены есть зеркальце, но я не знаю, где она его спрятала. А если вам непременно нужно посмотреть в зеркало, то через улицу живет цирюльник Урбан, у него есть зеркало вдвое больше вашей головы. Посмотрите там в него, а пока прощайте!

С этими словами отец тихонько выпроводил его из лавки, запер за ним дверь и опять сел за работу.

А малютка, очень огорченный, пошел через улицу к цирюльнику Урбану, которого хорошо знал еще по прежнему времени.

— Здравствуйте, Урбан! — сказал он ему. — Я пришел просить вас об одном одолжении. Будьте так добры и позвольте мне немного посмотреть в ваше зеркало.

— С удовольствием, вон оно стоит! — смеясь воскликнул цирюльник, а его посетители, которым он должен был брить бороды, тоже громко засмеялись. — Вы красивый малый, стройный и тонкий, шейка как у лебедя, ручки как у королевы, и вздернутый носик, красивее которого нельзя видеть. Правда, поэтому вы немного тщеславны, но все-таки посмотрите на себя; пусть обо мне не говорят, что я из зависти не дал вам смотреть в мое зеркало.

Так сказал цирюльник, и цирюльню огласил смех, похожий на ржание. А малютка между тем встал перед зеркалом и посмотрел на себя. На глазах у него выступили слезы.

«Да, таким ты, конечно, не могла узнать своего Якоба, милая матушка, — сказал он сам себе. — Он имел не такой вид в те счастливые дни, когда ты любила гордиться им перед людьми!»

Его глаза сделались маленькими, как у свиньи, нос стал огромным и свешивался ниже рта и подбородка, шея была как будто совершенно отнята, потому что голова сидела глубоко в

плечах, и только с очень сильной болью он мог поворачивать ее направо и налево. Его тело было еще таким же, как семь лет тому назад, когда ему было двенадцать лет, но, тогда как другие с двенадцатого до двадцатого года растут в вышину, он рос в ширину, спина и грудь сильно выгнулись и имели вид маленького, но очень туго набитого мешка. Это толстое туловище сидело на маленьких, слабых ножках, которые, казалось, выросли не для этой тяжести. Зато тем больше были руки, висевшие на его туловище. Они были величиной как у вполне взрослого человека, кисти рук были грубы и буро-желтого цвета, пальцы длинные и паукообразны, и когда он совершенно вытягивал их, то мог не нагибаясь доставать ими до земли.

Такой вид имел маленький Якоб — он превратился в уродливого карлика!

Теперь он вспомнил и то утро, когда старуха подошла к корзинам его матери. Все, что он тогда ругал в ней: длинный нос, безобразные пальцы — все она приворожила ему, кроме только длинной дрожащей шеи.

— Ну, принц, теперь вы вдоволь нагляделись? — сказал цирюльник, подходя к нему и со смехом осматривая его. — Право, если бы захотелось увидеть во сне что-нибудь подобное, такого смешного никому не могло бы представиться. Однако я хочу сделать вам одно предложение, маленький человек. Хотя мою цирюльню хорошо посещают, но все же с недавнего времени не так, как я желаю. Это происходит потому, что мой сосед, цирюльник Шаум, где-то разыскал великана, который у него приманивает в дом посетителей. Ну, быть великаном совсем не штука, а таким человечком, как вы, — да, это уж другое дело! Поступайте ко мне на службу, маленький человек. У вас будет квартира, еда, питье, одежда, у вас будет все. За это вы будете становиться утром у моих дверей и приглашать публику заходить, вы будете взбивать мыльную пену, подавать посетителям полотенце, и будьте уверены, что при

этом нам обоим будет хорошо! У меня будет больше посетителей, чем у того цирюльника с великаном, и каждый охотно даст вам еще на чай.

Малютка внутренне был возмущен предложением служить для цирюльника приманкой. Но разве он не должен был терпеливо перенести это оскорбление? Поэтому он совершенно спокойно сказал цирюльнику, что для такой службы у него нет времени, и пошел дальше.

Хотя злая старуха изуродовала его наружность, однако она ничего не могла сделать с его рассудком.

Это он хорошо сознавал, ведь он думал и чувствовал уже не так, как семь лет тому назад, нет, ему казалось, что в этот промежуток времени он стал умнее, рассудительнее. Он горевал не о своей утраченной красоте, не об этой уродливой наружности, а только о том, что его, как собаку, гонят от отцовской двери. Поэтому он решил сделать у матери еще одну, последнюю, попытку.

Он пошел к ней на рынок и попросил ее спокойно выслушать его. Он напомнил ей о том дне, когда он пошел со старухой, напомнил ей обо всех отдельных случаях своего детства, потом рассказал ей, как он семь лет прослужил у феи белкой и как она превратила его, потому что тогда он бранил ее. Жена сапожника не знала, что ей думать. Все, что он рассказывал ей о своем детстве, было верно, но, когда он стал говорить о том, что в течение семи лет был белкой, она сказала:

— Это невозможно, и фей не существует!

Когда же она взглянула на него, то почувствовала отвращение к уродливому карлику и не поверила, чтобы это мог быть ее сын. Наконец она сочла самым лучшим поговорить об этом с мужем. Поэтому она собрала свои корзины и велела ему идти с ней. Вот они пришли к лавке сапожника.

— Посмотри-ка, — сказала она ему, — вот этот человек уверяет, что он наш пропавший Якоб. Он рассказал мне все:

как его семь лет тому назад украли у нас и как его заколдовала фея.

— Как?! — с гневом прервал ее сапожник. — Это он рассказал тебе?! Постой, негодяй! Только час тому назад я все рассказал ему, а теперь он идет дурачить тебя этим! Ты заколдован, сынок? Постой же, я тебя опять расколдую!

При этом он взял пучок только что нарезанных им ремней, подскочил к малютке и ударил его по горбатой спине и по длинным рукам, так что малютка закричал от боли и с плачем убежал.

В том городе, как везде, было мало сострадательных душ, которые помогли бы несчастному, имевшему притом что-то смешное в наружности. Поэтому случилось так, что несчастный карлик целый день оставался без пищи и питья и вечером должен был выбрать для ночлега церковную паперть, как ни холодна и жестка она была.

Когда же на другое утро его разбудили первые лучи солнца, он стал серьезно раздумывать о том, как ему влачить свою жизнь, потому что отец и мать прогнали его. Он чувствовал себя слишком гордым, чтобы служить вывеской цирюльника, он не хотел наняться к фокуснику и показывать себя за деньги. Что же он должен был делать? Тогда ему вдруг пришло в голову, что, будучи белкой, он сделал большие успехи в поварском искусстве. Ему не без основания казалось, что он может надеяться поспорить со многими поварами, и он решил воспользоваться своим искусством.

Поэтому, как только на улицах стало оживленнее и утро вполне наступило, он вошел сперва в церковь и помолился, а затем отправился в путь. Герцог, государь той страны, был известным кутилой и лакомкой, любившим хороший стол и разыскивавшим своих поваров во всех частях света. Малютка отправился к его дворцу. Когда он подошел к наружным воротам, привратники спросили, что ему нужно, и стали на-

смеяться над ним. Он же спросил главного смотрителя кухни. Они засмеялись и повели его через передние дворы. Везде, куда он приходил, слуги останавливались, смотрели ему вслед, громко смеялись и присоединялись, так что мало-помалу вверх по лестнице дворца двигался уже огромный хвост всевозможных слуг. Конюхи побросали свои скребницы, гонцы побежали как только могли, полотеры забыли выколачивать ковры. Все толпились и стремились, была такая давка, как будто у ворот был враг, и крик: «Карлик, карлик! Видели вы карлика?» — наполнял воздух.

Вот в дверях показался смотритель дома с сердитым лицом и огромной плетью в руке.

— Ради самого неба, собаки, что вы поднимаете такой шум! Не знаете вы, что государь еще спит?

При этом он взмахнул бичом и довольно грубо опустил его на спины некоторых конюхов и привратников.

— Ах, господин! — воскликнули они. — Разве вы не видите! Вот мы ведем карлика, карлика, какого вы еще не видали!

Увидав малютку, смотритель дворца с трудом удержался от громкого смеха, боясь повредить им своему достоинству. Поэтому он прогнал остальных плетью, отвел малютку в дом и спросил, что ему нужно. Услыхав, что карлик хочет к смотрителю кухни, он возразил:

— Ты ошибаешься, сынок! Ты хочешь ко мне, смотрителю дома. Ты хочешь быть у герцога лейб-карликом, не так ли?

— Нет, господин! — отвечал карлик. — Я искусный повар и опытен в разных редких кушаньях. Отведите меня, пожалуйста, к главному смотрителю кухни; может быть, ему понадобится мое искусство.

— У всякого свое желание, маленький человечек! Впрочем, ты все-таки нерассудительный малый. В кухню! Как у лейб-карлика у тебя не было бы работы, а еды и питья — сколько душе угодно, а еще красивые одежды. Однако посмотрим, едва

ли твое поварское искусство ушло так далеко, как нужно главному повару государя, а для поваренка ты слишком хорош.

С этими словами смотритель дворца взял его за руку и повел в комнаты главного смотрителя кухни.

— Милостивый государь! — сказал там карлик и поклонился так низко, что коснулся носом ковра на полу. — Не нужен ли вам искусный повар?

Главный смотритель кухни оглядел его с головы до ног, потом разразился громким смехом и воскликнул:

— Как? Ты повар? Ты думаешь, наши плиты так низки, что ты можешь заглянуть хоть на одну, если встанешь на цыпочки и хорошенько вытянешь голову из плеч? О милый крошка! Кто послал тебя ко мне, чтобы наняться в повара, тот одурачил тебя!

Так сказал главный смотритель кухни и громко засмеялся, а вместе с ним засмеялся смотритель дворца и все слуги, бывшие в комнате.

Но карлик не смутился.

— Что стоит одно или два яйца, немного сиропа и вина, муки и приправ в доме, где этого вдоволь? — сказал он. — Задайте мне приготовить какое-нибудь лакомое кушанье, принесите, что нужно для него, и оно на ваших глазах быстро будет готово, а вы должны будете сказать: да, он повар по всем правилам искусства!

Такие и подобные речи повел малютка, и странно было смотреть, как сверкали при этом его маленькие глазки, как извивался туда и сюда его длинный нос, а его тонкие паукообразные пальцы вторили его речи.

— Хорошо! — воскликнул смотритель кухни и взял смотрителя дворца под руку. — Хорошо, шутки ради пусть будет так. Пойдемте на кухню!

Они прошли несколько зал и коридоров и наконец пришли на кухню. Это было большое, просторное здание, вели-

колепно устроенное. На двадцати плитах постоянно горел огонь, чистая вода, служившая в то же время для рыбного садка, протекала посреди них. В шкафах из мрамора и драгоценного дерева были расставлены припасы, которые всегда нужно иметь под рукой, а направо и налево было десять зал, и в них было сложено все, что можно найти дорогого и лакомого для гастронома во всех странах Франкистана и даже на Востоке. Разная кухонная прислуга суетилась, стучала и гремела котлами и сковородами, вилками и половниками, но, когда в кухню вошел главный смотритель, все они неподвижно остановились, и слышен был только треск огня и журчание ручейка.

— Что приказал государь сегодня к завтраку? — спросил он первого старого повара, приготавливавшего завтраки.

— Господин, он изволил приказать датский суп и красные гамбургские клецки!

— Хорошо, — сказал смотритель кухни дальше. — Ты слышал, что хочет государь кушать? Возьмешься ли ты приготовить эти трудные кушанья? Клецок ты ни в каком случае не сделаешь, это секрет.

— Нет ничего легче этого, — отвечал, ко всеобщему изумлению, карлик, который белкой часто делал эти кушанья. — Нет ничего легче! Дайте мне для супа таких-то и таких-то трав, тех и этих пряностей, жира дикой свиньи, кореньев и яиц; а для клецок, — сказал он тише, так что это могли слышать только смотритель кухни и повар, приготавливавший завтраки, — для клецок мне нужно мясо четырех сортов, немного вина, утиного сала, имбиря и одной травки, которая называется «радость для желудка».

— Ба! Клянусь святым Бенедиктом! У какого волшебника ты учился? — с изумлением воскликнул повар. — Он сказал все до последней капли, а о такой травке мы даже и не знали. Да, она должна сделать клецки еще вкуснее. О, ты чудо-повар!

— Этого я и не подумал бы, — сказал главный смотритель кухни, — однако дадим ему сделать пробу. Дайте ему вещи и посуду, которые он просит, и пусть он приготовит завтрак.

Сделали так, как он велел, и все приготовили на плите. Но тогда оказалось, что карлик едва мог достать до плиты носом. Поэтому составили несколько стульев, положили на них мраморную доску и пригласили маленького удивительного человека начинать свой фокус. Повара, поварята, слуги и разный народ обступили его большим кругом, смотрели и изумлялись, как у него в руках все шло проворно и ловко, как он готовил все так чисто и изящно. Окончив приготовления, он велел поставить оба блюда на огонь и варить до тех пор, пока он не крикнет. Потом он стал считать: «Раз, два, три», и так дальше, а как только сосчитал до пятисот, воскликнул: «Стой!» Горшки были сняты, и малютка пригласил смотрителя кухни попробовать.

Главный повар велел поваренку подать ему золотую ложку, ополоснул ее в ручье и передал главному смотрителю кухни. Последний с торжественным видом подошел к плите, взял кушанье, попробовал, зажмурил глаза, щелкнул от удовольствия языком и затем сказал:

— Превосходно, клянусь жизнью герцога, превосходно! Не хотите ли вы тоже отведать ложечку, смотритель дворца?

Смотритель дворца поклонился, взял ложку, попробовал и был вне себя от удовольствия и радости.

— Ваше искусство почтенно, любезный приготовитель завтраков, вы опытный повар, но так превосходно вы не могли сделать ни суп, ни гамбургские клецки!

Тогда попробовал и повар, затем почтительно потряс карлику руку и сказал:

— Малыш! Ты мастер своего искусства! Да, травка «радость для желудка» придает всему совсем особенную прелесть.

В эту минуту в кухню пришел камердинер герцога и объявил, что государь спрашивает завтрак. Тогда кушанья были положены на серебряные подносы и посланы герцогу, а главный смотритель кухни взял малютку в свою комнату и стал беседовать с ним. Но едва они пробыли там половину того времени, в которое говорят «Отче наш» (это молитва франков, господин, и она короче половины молитвы правоверных), как от герцога уже явился посланный и позвал главного смотрителя кухни к государю. Смотритель быстро оделся в свое праздничное платье и последовал за посланным.

Герцог имел очень веселый вид. Он съел все, что было на серебряных подносах, и только что утер себе бороду, как к нему вошел главный смотритель кухни.

— Послушай, смотритель кухни, — сказал герцог, — я до сих пор всегда был очень доволен твоими поварам, но скажи мне — кто сегодня приготавливал мой завтрак? С тех пор как я сижу на троне своих отцов, он никогда не был таким превосходным! Говори, как звать этого повара, чтобы нам послать ему в подарок несколько червонцев.

— Государь! Это удивительная история, — отвечал главный смотритель кухни и подробно рассказал, как сегодня утром к нему привели какого-то карлика, который непременно хотел сделаться поваром, и как все это произошло.

Герцог очень удивился, велел позвать к нему карлика и стал расспрашивать его, кто он и откуда. Бедный Якоб не мог, конечно, сказать, что был заколдован и раньше служил белой. Однако он не утаил правды, рассказав, что теперь у него нет отца и матери и что стряпать он научился у одной старой женщины. Герцог не стал спрашивать дальше. Его забавляла странная наружность нового повара.

— Если останешься у меня, — сказал он, — то я велю ежегодно давать тебе пятьдесят червонцев, праздничное платье и еще, сверх того, две пары шаровар. А за это ты должен еже-

дневно сам готовить мой завтрак, должен показывать, как нужно готовить обед, и вообще заведовать моей кухней. Так как каждый в моем дворце получает от меня особое имя, то ты будешь называться Носом и будешь облечен званием помощника смотрителя кухни.

Карлик Нос упал ниц перед могущественным герцогом земли франков, целовал ему ноги и обещал верно служить.

Таким образом, теперь малютка на первое время был пристроен, и он сделал честь своему месту. Ведь можно сказать, что герцог был совсем другим человеком, пока в его доме жил карлик Нос. Прежде он часто изволил бросать в голову поварам блюда или подносы, которые ему подавали. Мало того, однажды в гневе он так сильно бросил в лоб самому главному смотрителю кухни жареную телячью ногу, которая была недостаточно мягка, что тот упал и должен был три дня пролежать в постели. Хотя несколькими горстями червонцев герцог исправил сделанное в гневе, но все-таки повар никогда не приходил к нему с кушаньями без страха и трепета. С тех пор как в доме был карлик, все казалось превращенным как по волшебству. Теперь государь вместо трех раз кушал пять раз в день, чтобы вполне насладиться искусством своего самого маленького слуги, и все-таки никогда не показывал гневного выражения. Нет, он все находил новым, превосходным, был снисходителен и любезен и толстел изо дня в день.

Среди обеда он часто приказывал позвать смотрителя кухни и карлика Носа, сажал к себе одного направо, другого налево и своими собственными пальцами совал им в рот несколько кусков превосходных кушаний — милость, которую оба они умели хорошо ценить.

Карлик был чудом города. У главного смотрителя кухни неотступно просили позволения посмотреть, как карлик готовит, и некоторые из знатнейших лиц добились у герцога того, что их слуги могли пользоваться у карлика на кухне уро-

ками, что приносило ему немало денег, так как каждый ежедневно платил полчервонца. А чтобы пользоваться хорошим расположением у остальных поваров и не возбуждать их зависти к себе, Нос предоставлял им деньги, которые господа должны были платить за обучение своих поваров.

Так, в наружном довольстве и почете, Нос прожил почти два года, и его огорчала только мысль о родителях. Так он жил, не испытывая ничего замечательного, пока не произошел следующий случай. Карлик Нос был особенно искусен и счастлив в своих покупках. Поэтому всякий раз, когда ему позволяло время, он всегда сам ходил на рынок закупать дичь и овощи. Однажды утром он пошел на гусиный рынок и стал искать тяжелых, жирных гусей, каких любил государь. Осматривая товар, он уже несколько раз прошел взад и вперед. Его фигура, совсем не возбуждая здесь смеха и шуток, внушала уважение. Ведь его, как знаменитого придворного повара герцога, признали, и каждая торговка гусями чувствовала себя счастливой, когда он поворачивал к ней свой нос.

Вот он увидал совсем в конце ряда, в углу, сидевшую женщину, которая тоже продавала гусей, но не расхваливала своего товара, как остальные, и не зазывала покупателей. Он подошел к ней и стал мерить и взвешивать ее гусей. Они были такими, каких он желал, и он купил трех гусей вместе с клеткой, взвалил их на свои широкие плечи и пошел в обратный путь. Ему показалось странным, что только два из этих гусей гоготали и кричали, как обыкновенно делают настоящие гуси, а третья — гусыня — сидела совсем тихо, углубившись в себя, и стонала, как человек. «Она больна, — сказал Нос про себя, — мне надо поспешить заколоть ее и приготовить».

Но гусыня отвечала совершенно ясно и громко:

Станешь колоть ты меня —
Укушу я тебя.

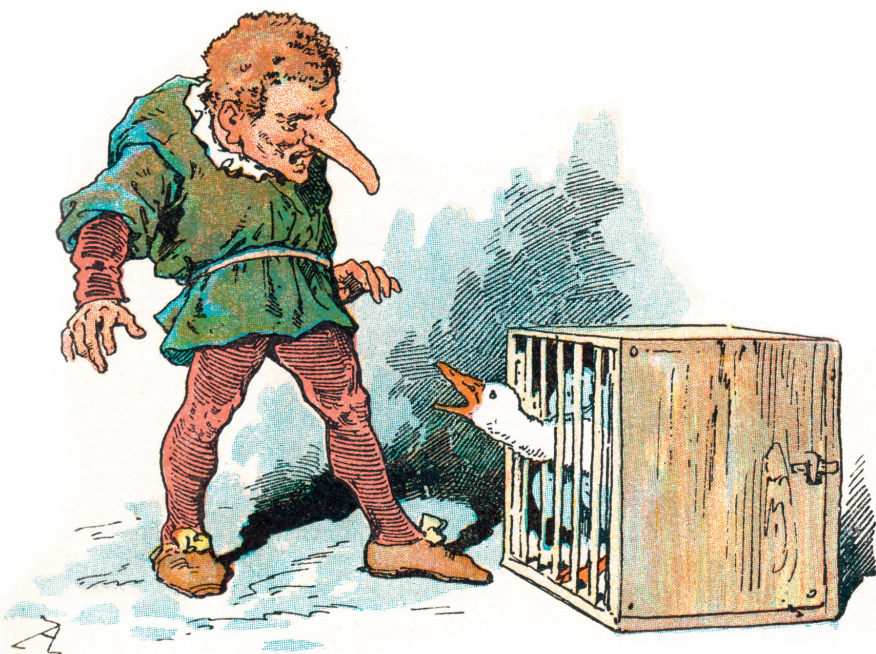
Если мне шею свернешь,
Рано в могилу сойдешь.

Совершенно перепуганный карлик Нос поставил свою клетку на землю, а гусыня посмотрела на него прекрасными, умными глазами и вздохнула.

— Тьфу, пропасть! — воскликнул Нос. — Ты умеешь говорить, гусыня? Этого я не предполагал. Ну, только не бойся! Мы умеем жить и не посягнем на такую редкую птицу. Но я готов держать пари, что ты не всегда была в этих перьях. Ведь я сам был когда-то мерзкой белкой.

— Ты прав, — отвечала гусыня, — говоря, что я родилась не в этой позорной оболочке. Ах, у моей колыбели мне не пели, что Мими, дочери великого Веттербока, суждено быть убитой на кухне герцога!

— Будь же спокойна, дорогая Мими, — утешал ее карлик. — Клянусь своей честью и честью помощника смотрителя кухни

его светлости, что никто не свернет тебе шею. Я отведу тебе помещение в своих собственных комнатах, ты будешь иметь достаточно корма, а свое свободное время я буду посвящать беседе с тобой. Остальной кухонной прислуге я скажу, что откармливаю гуся для герцога разными особенными травами, а как только представится удобный случай — выпущу тебя на свободу.

Гусыня со слезами поблагодарила его, а карлик сделал так, как обещал. Он заколол двух других гусей, а для Мими устроил особое помещение под предлогом приготовить ее для герцога совершенно особенно. Он даже давал ей не обыкновенный гусиный корм, а доставлял печенье и сладкие блюда. Всякий раз как у него было свободное время, он ходил беседовать с ней и утешать ее. Они также рассказали друг другу истории своей жизни, и таким образом Нос узнал, что гусыня — дочь волшебника Веттербока, живущего на острове Готланд. Он поссорился с одной старой феей, которая своим коварством и хитростью победила его, из мести превратила Мими в гусыню и унесла ее сюда. Когда карлик Нос точно так же рассказал Мими свою историю, она проговорила:

— Я опытна в этих вещах. Мой отец дал мне и моим сестрам некоторое наставление, насколько именно он мог сообщить об этом. История ссоры у корзины с травами, твое внезапное превращение, когда ты понюхал той травки, также некоторые слова старухи, которые ты сказал мне, убеждают меня, что ты заколдован травами, то есть если ты найдешь траву, которую фея задумала при твоём превращении, то можешь быть освобожден.

Для малютки это было ничтожным утешением. В самом деле, где ему было найти эту траву? Однако он все же поблагодарил Мими и возымел некоторую надежду.

В это время герцога посетил его друг, соседний государь. Поэтому герцог призвал к себе своего карлика Носа и сказал ему:

— Теперь настало время, когда ты должен показать, верно ли ты служишь мне и мастер ли ты своего искусства. Этот государь, посещающий меня, кушает, как известно, лучше всех, кроме меня. Он большой знаток тонкой кухни и умный человек. Постарайся теперь ежедневно так готовить мой обед, чтобы он все более приходил в изумление. При этом ты под страхом моей немилости ни одно кушанье не должен подавать два раза, пока он здесь. Для этого ты можешь брать себе у моего казначея все, что только тебе нужно. И если тебе надо жарить в сале золото и бриллианты — делай это. Я готов скорее сделаться бедняком, чем краснеть перед ним.

Так говорил герцог.

А карлик, учтиво кланяясь, сказал:

— Да будет так, как ты говоришь, государь! Если будет угодно Богу, я все сделаю так, что этому царю гастрономов понравится.

Вот маленький повар стал изощрять все свое искусство. Он не щадил сокровищ своего государя, а еще меньше самого себя. Действительно, целый день его видели окутанным облаком дыма и огня, и его голос постоянно раздавался под сводами кухни, потому что он, как повелитель, отдавал приказания поварятам и низшим поварам. Господин! Я мог бы поступить как погонщики верблюдов из Алеппо, которые в своих повестях, рассказываемых путешественникам, заставляют героев роскошно кушать. Они в продолжение целого часа называют все блюда, которые подавались, и этим возбуждают в своих слушателях большой аппетит и еще больший голод, так что те невольно открывают запасы, обедают и щедро одевают погонщиков верблюдов, но я не таков.

Иностранный государь пробыл у герцога уже две недели и жил роскошно и весело. Они кушали не меньше пяти раз в день, и герцог был доволен искусством карлика, потому что видел довольство на челе своего гостя. А на пятнадцатый день

случилось так, что герцог велел позвать карлика к столу, представил его государю, своему гостю, и спросил последнего, как он доволен карликом.

— Ты чудесный повар, — отвечал иностранный государь, — и знаешь, что значит прилично поесть. Во все время, пока я здесь, ты не повторил ни одного кушанья и все приготавливал превосходно. Но скажи же мне, почему ты так долго не подаешь «царя кушаний», паштет «Сюзерен».

Карлик очень испугался, потому что никогда не слышал об этом «царе паштетов», однако собрался с духом и отвечал:

— Государь, я надеялся, что твой лик еще долго будет сиять в этой резиденции, поэтому и ждал с этим кушаньем. Ведь чем же повару и приветствовать тебя в день отъезда, как не «царем паштетов»!

— Вот как? — смеясь, возразил герцог. — А меня ты хотел, вероятно, заставить ждать до моей смерти, чтобы тогда приветствовать меня? Ведь и мне ты еще никогда не подавал этого паштета. Однако подумай о другом прощальном приветствии, потому что завтра ты должен поставить на стол этот паштет.

— Да будет так, как ты говоришь, государь! — отвечал карлик и пошел.

Но он пошел невеселый, потому что наступил день его посрамления и несчастья. Он не знал, как ему сделать паштет. Поэтому он пошел к себе в комнату и стал плакать о своей судьбе. Тогда к нему подошла гусыня Мими, которая могла расхаживать у него в комнате, и спросила о причине его горя.

— Уйми свои слезы, — сказала Мими, услышав о «Сюзерене», — это блюдо часто подавалось на стол у моего отца, и я приблизительно знаю, что для него нужно. Ты возьмешь того-то и того-то столько-то и столько-то, и если даже это не вполне все, что, собственно, нужно для паштета, то у государей не будет такого тонкого вкуса.

Так сказала Мими. А карлик от радости подпрыгнул, благословил тот день, когда купил эту гусыню, и собрался готовить «царя паштетов». Сперва он сделал небольшую пробу, и что же — паштет имел превосходный вкус! Главный смотритель кухни, которому карлик дал попробовать его, снова стал восхвалять его великое искусство.

На другой день он выложил паштет в большую форму и, украсив его венками из цветов, послал его на стол теплым, прямо из печки, а сам надел свое лучшее праздничное платье и пошел в столовую. Когда он вошел, главный кравчий был занят как раз тем, что разрезывал паштет и на серебряной лопаточке подавал его герцогу и гостю. Герцог положил в рот порядочный кусок, поднял глаза к потолку и, проглотив его, сказал:

— Ах! Ах! Ах! недаром его называют «царем паштетов». Но мой карлик тоже царь всех поваров, не так ли, милый друг?

Гость взял себе несколько маленьких кусочков, попробовал, внимательно рассмотрел их и при этом язвительно и таинственно улыбнулся.

— Приготовлено очень хорошо, — отвечал он, отодвигая тарелку, — но это все-таки не вполне «Сюзерен», что я, конечно, и предполагал.

Тогда герцог от гнева нахмурил лоб и покраснел от стыда.

— Собака карлик! — воскликнул он. — Как ты смеешь поступать так со своим государем? Или в наказание за скверную стряпню я должен отрубить тебе твою большую голову?

— Ах, государь! Ради самого неба, я ведь приготовил это блюдо по всем правилам искусства. В нем есть, наверно, все! — сказал карлик и задрожал.

— Это ложь, негодяй! — возразил герцог и ногой оттолкнул его от себя. — Иначе мой гость не сказал бы, что чего-то не хватает. Я велю разрубить тебя самого и зажарить в паштете!

— Сжальтесь! — воскликнул малютка, подполз на коленях к гостю и обнял его ноги. — Скажите, чего не хватает в этом кушанье, что оно вам не по вкусу! Не дайте умереть человеку из-за куса мяса и горсти муки!

— Это тебе мало поможет, милый мой Нос, — смеясь отвечал иностранец, — я уже вчера подумал, что ты не сможешь приготовить это кушанье так, как мой повар. Знай, что не хватает травки, которая в этой стране совсем неизвестна, травки «кушай на здоровье». Без нее паштет остается без приправы, и твой государь никогда не будет есть его так, как я.

Тогда повелитель Франкистана пришел в неистовое бешенство.

— А все-таки я буду есть его! — воскликнул он, сверкая глазами. — Клянусь своей царской честью: или я завтра покажу вам паштет, какой вы желаете, или голову этого молодчика, торчащую на воротах моего дворца! Ступай, собака, я еще раз даю тебе двадцать четыре часа времени!

Так кричал герцог, а карлик, плача, опять пошел к себе в комнатку и стал жаловаться гусыне на свою судьбу и на то, что ему придется умереть, так как он никогда не слыхал об этой траве.

— Если только это, — сказала гусыня, — то я, пожалуй, могу помочь тебе, ведь мой отец научил меня узнавать все травы. Правда, в другое время ты, может быть, не избежал бы смерти, но, к счастью, как раз новолуние, а в это время та травка цветет. Но скажи, есть ли вблизи дворца старые каштановые деревья?

— Да! — с облегченным сердцем отвечал Нос. — У озера, в двухстах шагах от дома, стоит целая группа, но зачем они?

— Эта травка цветет только в тени старых каштанов, — сказала Мими, — поэтому не станем терять времени и будем искать то, что тебе нужно. Возьми меня к себе на руки, а когда мы выйдем из дворца, опусти на землю. Я тебе помогу искать.

Он сделал так, как она сказала, и пошел с ней к воротам дворца. Но там караульный протянул свое оружие и сказал:

— Добрый мой Нос, твое дело плохо — тебе нельзя выходить из дому. Я имею на это строжайший приказ.

— Но в сад я ведь могу, наверно, пойти? — возразил карлик. — Будь так добр, пошли одного из своих товарищей к смотрителю дворца и спроси, нельзя ли мне пойти в сад поискать трав.

Караульный сделал так, и позволение было дано, — ведь в саду были высокие стены и о бегстве из него нельзя было и думать. Когда же Нос с Мими вышли на свободу, он бережно опустил ее на землю, и она быстро пошла впереди его к озеру, где стояли каштаны. Он следовал за ней с трепещущим сердцем, потому что это ведь была его последняя, единственная надежда. Если она не найдет травки, он твердо решил скорее броситься в озеро, чем дать себя обезглавить. Но гусыня искала напрасно: она ходила под всеми каштанами, переворачивала клювом каждую травку — ничего не показывалось. От жалости и страха Нос заплакал, потому что вечер становился уже темным и узнавать окружающие предметы было труднее.

Тогда взоры карлика упали за озеро, и вдруг он воскликнул:

— Смотри, смотри, там за озером стоит еще одно большое старое дерево! Пойдем туда и поищем, может быть, там цветет мое счастье!

Гусыня вспорхнула и полетела вперед, а карлик так быстро побежал за ней, как только могли его маленькие ноги. Каштановое дерево бросало большую тень, кругом было темно и почти ничего уже нельзя было узнать, но вдруг гусыня остановилась, захлопала от радости крыльями, потом быстро залезла головой в высокую траву, что-то сорвала, что-то грациозно подала клювом изумленному Носу и сказала:

— Это та самая травка, и здесь ее растет множество, так что у тебя никогда не будет недостатка в ней.

Карлик задумчиво стал рассматривать траву. От нее полился на него приятный аромат, который невольно напомнил ему сцену его превращения. Стебель и листья были синевато-зелеными, и на них был ярко-красный цветок с желтой каемкой.

— Хвала Богу! — воскликнул он наконец. — Какое чудо! Знаешь, мне кажется, эта та самая трава, которая из белки превратила меня в этот мерзкий вид. Не попробовать ли мне?

— Нет еще, — попросила гусыня. — Возьми с собой горсть этой травы, пойдем в твою комнату и захватим поскорее твои деньги и прочее, что у тебя есть, а потом испытаем силу травы.

Они так и сделали и пошли назад в его комнату. От ожидания сердце карлика сильно забилося. Завязав в узел пятьдесят или шестьдесят накопленных червонцев вместе с несколькими платьями и башмаками, он засунул свой нос глубоко в траву и, сказав: «Если будет угодно Богу, я избавляюсь от этого бремени», втянул в себя ее аромат.

Тогда все его члены стали вытягиваться и затрещали. Он чувствовал, как его голова поднимается из плеч. Он скосил глаза вниз, на свой нос, и увидел, что нос становится все меньше и меньше. Его спина и грудь стали выравниваться, а ноги сделались длиннее.

Гусыня с изумлением смотрела на все это.

— Ба! Какой ты большой, какой ты красивый! — воскликнула она. — Слава богу, у тебя уже ничего нет от всего того, чем ты был прежде!

Якоб очень обрадовался, сложил руки и стал молиться. Но радость не заставила его забыть, какой благодарностью он обязан гусыне Мими. Хотя сердце влекло его к родителям, однако из благодарности он подавил это желание и сказал:

— Кого другого мне благодарить за свое избавление, как не тебя? Без тебя я никогда не нашел бы этой травы, так что

должен был бы вечно оставаться в том виде или, может быть, даже умереть под топором палача! Хорошо. Я вознагражу тебя за это. Я отвезу тебя к твоему отцу. Он, такой опытный во всяком волшебстве, легко сможет расколдовать тебя.

Гусыня залилась радостными слезами и приняла его предложение. Якоб счастливо и никем не узанным вышел с гусыней из дворца и отправился в путь к морскому берегу, к родине Мими.

Что мне рассказывать дальше? Что они счастливо совершили свое путешествие; что Веттербок расколдовал свою дочь и отпустил Якоба, осыпав его подарками; что Якоб вернулся в свой родной город и его родители с радостью узнали в красивом молодом человеке своего пропавшего сына; что на подарки, принесенные от Веттербока, Якоб купил себе прекрасную лавку и стал богат и счастлив?..

Еще я скажу только то, что после удаления Якоба из дворца герцога поднялась большая суматоха, потому что его нигде не могли найти, когда на другой день герцог захотел исполнить свою клятву и велел отрубить карлику голову, если он не нашел траву. Иностранный государь же утверждал, что герцог тайно дал ему убежать, чтобы не лишиться своего лучшего повара, и обвинял герцога в вероломстве. А из-за этого между обоими государями возникла большая война, которая хорошо известна в истории под именем «войны из-за травки». Было дано много сражений, но наконец все-таки был заключен мир, и этот мир у нас называют «миром паштетов», потому что на торжестве примирения повар государя приготовил «царя паштетов», «Сюзерен», который герцог ел с большим аппетитом.

Так малейшие причины часто приводят к неожиданным великим последствиям, и вот, господин, история карлика Носа.

Так рассказывал раб из Франкистана. Когда он кончил, шейх Али Бану велел подать ему и другим рабам фруктов,

чтобы освежиться. Пока они ели, он беседовал со своими друзьями. А молодые люди, которых ввел старик, стали расхваливать шейха, его дом и все его распоряжения.

— Право, — сказал молодой писатель, — нет приятнее времяпрепровождения, как слушать рассказы. Я мог бы по целым дням сидеть так, поджав ноги, опершись рукой на подушку, положив лоб на руку и, если на то пошло, с большим кальяном шейха в руке, и слушать рассказы — приблизительно так я представляю себе жизнь в садах Мухаммеда.

— Пока вы молоды и можете работать, — сказал старик, — такое ленивое желание у вас не может быть серьезным. Но я согласен с вами, что есть особая прелесть слушать рассказы о чем-нибудь. Как ни стар я, а мне теперь идет семьдесят седьмой год, сколько уж ни слушал я за свою жизнь, и все-таки не упускаю случая, когда на углу сидит рассказчик повестей и около него большой круг слушателей, тоже подсесть и послушать. Ведь рассказываемые происшествия видишь как во сне, живешь с этими людьми, с этими чудесными духами, с феями и подобными им существами, которые нам не всегда встречаются, и после, когда бываешь один, имеешь материал, чтобы все повторить себе, как путник, который едет по пустыне с хорошим запасом.

— Я никогда так не размышлял о том, в чем, собственно, заключается прелесть таких рассказов, — сказал другой из молодых людей. — Но со мной бывает то же, что с вами. Еще в детстве меня могли рассказом заставить замолчать, если я капризничал. Сначала для меня было безразлично, о чем шла речь, только бы рассказывали, только бы что-нибудь происходило. Сколько раз я не уставая слушал те басни, которые выдумали мудрые люди и в которые они вложили зерно своей мудрости: о лисице и глупом вороне, о лисице и волке, много дюжин рассказов о льве и других животных. Когда я сделался старше и стал больше вращаться среди людей, эти короткие

рассказы меня уже не удовлетворяли; они должны были быть уже длиннее, должны были говорить о людях и их удивительных приключениях.

— Да, я еще хорошо помню это время, — прервал его один из его друзей. — Это ты внушил нам влечение ко всякого рода рассказам. Один из ваших рабов знал столько рассказов, сколько говорит погонщик верблюдов из Мекки в Медину. Окончив свою работу, он должен был садиться к нам на лужайку перед домом, и там мы упрашивали его, до тех пор пока он не начинал рассказывать, и это продолжалось дальше и дальше, пока не наступала ночь.

— И не раскрывалось ли нам, — сказал писатель, — не раскрывалось ли нам тогда новое, неизвестное царство, страна духов и фей со всеми чудесами растительного мира, с богатыми дворцами из смарагдов и рубинов, населенная исполинскими рабами, которые являются, когда повернешь кольцо, потрешь чудесную лампу или произнесешь слово Сулеймана, и приносят в золотых чашах роскошные кушанья?! Мы невольно чувствовали себя перенесенными в эту страну, мы совершали с Синдбадом его чудесные путешествия, гуляли по вечерам с Гаруном аль-Рашидом, мудрым повелителем правоверных, знали его визиря Джафара так хорошо, как самих себя, — словом, мы жили в тех рассказах, как ночью живешь во сне, и для нас не было времени дня прекраснее того вечера, когда мы собирались на лужайке и старый раб рассказывал нам. Скажи нам, старик, в чем же, собственно, причина, что в то время мы так охотно слушали рассказы, что и теперь для нас нет более приятного развлечения?

Начавшееся в комнате движение и призыв к вниманию, произнесенный надсмотрщиком рабов, помешали старику отвечать. Молодые люди не знали, радоваться ли им, что они могут слушать новый рассказ, или быть недовольными, что прерван их занимательный разговор со стариком. Но уже поднялся второй раб и начал...

Дурачок

Вежеда, водящий дружбу с умными людьми, всегда будет в более выигрышном положении, чем умный, общающийся с дураками. Ведь от людей сведущих можно получить пользу и почет, а по вине дураков потеряешь и богатство и честь. Однако, чтобы распробовать пирог, надо его съесть. И чтобы убедить вас в справедливости моих слов, я расскажу вам одну историю.

Жил однажды человек, богатство которого было велико, как море. Однако не бывает полного счастья в этом мире. У этого человека был сын, да такой ленивый и глупый, что он не мог отличить огурца от баклажана. Когда отцу надоело наконец терпеть его глупость, он дал сыну пригоршню монет и послал его торговать в Персию. Ведь он хорошо знал, что путешествия по заморским странам и встречи с разными людьми пробуждают ум от спячки, обостряют суждения и делают человека сведущим.

Мошионе, а именно так звали лентяя, взгромоздился на спину лошади и направился к Венеции — городу, который можно назвать кладезем всех чудес мира. Там он должен был взойти на борт судна, направлявшегося в Каир. В конце первого дня пути сын богача повстречал мальчишку, который стоял, прислонившись к стволу большого тополя.

— Как тебя зовут и чем ты занимаешься? — спросил он его.

А мальчик ответил:

— Меня называют Молнией, сам я из Стрелоземья, и я умею бегать быстро, как ветер.

— Хотелось бы в этом удостовериться, — сказал дурачок.

А мальчишка ответил:

— Подожди немного, и ты скоро сам в этом убедишься.

Он постоял еще немного и вскоре увидел, как на поляну вышла лань. Молния подождал еще чуть-чуть и рванул к ней

так, что только пятки засверкали. Он обежал ее так быстро, что, казалось, не касался ногами земли. Будь на ней рассыпана мука, и следов бы на ней не осталось! Кажется, лань даже не заметила бегуна. Мошионе был очень удивлен. Он предложил скороходу отравиться вместе с ним и обещал его наградить по-царски. Тот согласился, и они отправились дальше вдвоем.

Однако не прошли они и нескольких миль, как повстречали другого молодца. Мошионе спросил и его:

— Как тебя зовут, приятель? Откуда ты и чем занимаешься?

На что парень ответил:

— Меня зовут Чуткоух, а сам я из страны Любопытии. Когда я прикладываю ухо к земле, то слышу все, что происходит на свете. Я узнаю, как купцы сговариваются поднимать цены на свои товары. Я слышу жаркие клятвы любовников и сплетни, которые распускают старухи. До меня доносятся молитвы моряков во время шторма. Никто в мире не умеет слушать лучше меня!

— Если это правда, — сказал Мошионе, — скажи, о чем теперь говорят в моем доме!

Парень приложил ухо к земле и сказал:

— Старик говорит своей жене: «Хвала небесам! Я избавился наконец от этого тупицы Мошионе, чье лицо было похоже на старый горшок и который словно впивался своими ногтями мне в сердце. Надеюсь, что, странствуя по миру, он наконец поумнеет и не будет больше таким глупым ослом, таким простофилей, таким чурбаном, таким...»

— Хватит, хватит! — воскликнул Мошионе — ты говоришь правду, я верю тебе. Пойдем со мной, и ты найдешь дорогу к своему счастью.

— Отлично, я согласен! — сказал парень, и они вместе двинулись дальше. Через десять миль они повстречали еще одного человека. И его Мошионе спросил:

— Как тебя зовут, мой друг? Откуда ты родом и что делаешь в жизни?

На что встречный ответил:

— Меня зовут Прямострел, и я из замка Цель-в-точь. Я умею стрелять из арбалета так метко, что попадаю в серединку райского яблочка!

— Хотелось бы это увидеть, — сказал Мошионе.

Парень зарядил лук и попал стрелой точно в горошину, лежавшую на вершине дальнего камня. После чего Мошионе и его взял, как и прочих, в свою компанию.

На следующий день приятели подошли к группе людей, которые строили большой причал. Солнце припекало так сильно, что казалось, оно поджаривает путников, словно на сковородке. Глядя с сочувствием на рабочих, Мошионе спросил их:

— Друзья мои, есть ли у вас голова на плечах? Чтобы трудиться на такой жаре, способной зажарить бычью тушу...

В ответ один из рабочих сказал:

— Не такие мы дураки! Между нами есть парень, он стоит позади нас и дует так, что кажется, это порывы зефира — прохладного западного ветра.

— Умоляю вас, покажите мне его! — воскликнул Мошионе.

Каменщики позвали парня, и Мошионе спросил его:

— Заклинаю тебя жизнью твоего отца, скажи, как звать тебя, откуда ты и чем занимаешься в жизни?

На что парень ответил:

— Меня зовут Взрыводуй, и я из Ветроземья. Я могу дуть, как все ветры на свете. Хочешь попутный ветер зефир? Дуну — и он наполнит паруса кораблей. Хочешь шквальный ветер? Задую так, что он свалит с ног лошадей!

— Лучше один раз увидеть, — ответил Мошионе.

Тогда для начала Взрыводуй дунул так тихонько, что показалось, это тянет вечерний ветерок с холма Позиллипо близ

Неаполя. Затем он повернулся к деревьям и вздул с такой мощью, что повалил несколько старых дубов.

Когда Мошионе увидал это, то сразу взял повелителя ветров в свою компанию, которая снова двинулась вперед. Вскоре приятели набрали на нового встречного, и Мошионе спросил его:

— Как зовут тебя, могу ли спросить? Откуда ты и чем занимаешься, если это уместный вопрос?

На что парень ответил:

— Меня зовут Железная Спина, и я из местечка Стронго. Я так силен, что могу взвалить себе на плечи гору, и она покажется мне лишь перышком!

— Если это воистину так, — ответил Мошионе, — ты бы мог стать королем портовых грузчиков или знаменосцем на празднике весны. Однако я хочу удостовериться в справедливости твоих слов!

Тогда парень по прозвищу Железная Спина начал наваливать на себя валуны, стволы деревьев и еще столько всего, что не влезло бы и в сотню вагонов. И когда Мошионе увидал это, то сразу согласился принять силача в свою компанию.

Приятели шли до тех пор, пока не добрались до городка Цветолетто. А у его правителя была дочь Быстроножка, которая умела бегать быстро, как ветер. Она могла промчаться вдоль поля спелой пшеницы так стремительно, что не склонился бы ни один колосок. Указ же ее отца гласил: «Кто победит Быстроножку в беге, станет ее мужем, а проигравший потеряет голову».

Когда Мошионе узнал об указе, то сразу пошел к правителю Цветолетто и предложил посостязаться с его дочерью. Он сказал, что согласен на условия: выиграть или лишиться головы. Однако наутро Мошионе сказался больным и попросил передать правителю, что вместо него побежит другой молодец.

— Пусть приходит кто хочет! — ответила Быстроножка — мне все равно, кто это будет!

Вскоре главную площадь городка заполнил народ, который пришел поглазеть на состязание. Люди толпились, как муравьи, и даже все крыши были заняты зеваками. Парень по прозвищу Молния встал в центре площади, ожидая сигнала. Появилась и Быстроножка. На ней было короткое платье, едва достигающее ей до колен, и аккуратные туфельки без каблучков. Молния и Быстроножка встали рядом плечо к плечу и, как только трубы пропели: «Тарам-пам-пам», рванули вперед так быстро, что казалось, их пятки на бегу взлетают до плеч. Оба мчались, как зайцы, за которыми гонятся борзые, или как кошки, к хвостам которых привязаны пустые банки.

Однако Молнию не зря так прозвали — он обогнал Быстроножку на целую ладонь и выиграл гонку. Толпа загудела, как улей, и взревела, как море. Послышались аплодисменты и крики: «Ура! Ура! Да здравствует чужеземец!» Быстроножка же стояла с лицом пунцовым, словно у школьника, которого собираются высечь за провинность, — так она переживала свое поражение в беге. В ответ проигравшая решила устроить своему победителю каверзу — наутро ведь был назначен второй тур состязаний.

Вернувшись домой, она стала нашептывать заклинания волшебному кольцу. Оно могло налить ноги своего обладателя такой свинцовой тяжестью, что тот не только бегать, а ходить бы не смог. И это кольцо Быстроножка послала в качестве подарка Молнии с заверениями надеть его на палец в знак любви к ней.

Парень по прозвищу Чуткоух слышал нашептывания Быстроножки, но ничего не сказал до поры своим приятелям. Он хотел посмотреть, что выйдет из этой каверзы. И вот, когда под торжествующие звуки птиц солнце вновь побороло ночь, приятели вновь пришли на место, где недавно сверкали пятки

бегунов. Быстроножка была вновь полна сил, а парень по прозвищу Молния с волшебным кольцом на пальце стал похож на старого больного осла или на хромоногую лошадь — ведь теперь он не мог сделать и шагу.

Прямострел видел, в какую ловушку попал его приятель, а от Чуткоуха он узнал, в чем тут дело. Поэтому он взял свой арбалет и послал стрелу точно в кольцо на пальце Молнии. Стрела выбила из кольца драгоценный камень, в котором и заключалась вся волшебная сила талисмана. В тот же миг ноги Молнии вновь обрели свободу. Он в четыре прыжка обогнал Быстроножку и вновь выиграл гонку.

Правитель же Цветолетто, видя, что победа досталась тупице и дурачку, стал размышлять, стоит ли отдавать ему руку своей дочери. Он собрал совет мудрецов, и они сказали, что в чужой монастырь со своим уставом не ходят, амбар не для мышей, а Быстроножка не подарок для бродячей собаки. Условия состязаний можно и отменить. И, вообще, такой бриллиант, как дочь правителя, не для такого нищего дурачка-попрошайки, как Мошионе.

Такие советы пришлось по вкусу правителю Цветолетто, и он спросил Мошионе, сколько тот желает получить монет за отказ жениться на Быстроножке. Тогда Мошионе, посоветовавшись с друзьями, ответил:

— Я возьму столько золота и серебра, сколько мой приятель сможет унести на себе.

Когда правитель согласился, друзья привели к нему парня по прозвищу Железная Спина. Они начали наваливать на него целые мешки золотых дукатов, кожаные торбы с гульденами, бочки с кронами и пиастрами, а также сундуки с золотыми цепочками и кольцами. Однако чем больше они грузили, тем сильнее он становился и стоял как каменная башня. Вскоре все сокровища городских ростовщиков и банкиров закончились. Тогда пришлось послать гонцов во все концы света,

чтобы одолжить у власть имущих серебряные подсвечники и тарелки, драгоценные кувшины и чаши, усыпанные драгоценными камнями. И все равно этого было недостаточно, чтобы нагрузить Железную Спину под завязку. В конце концов силач ушел, так полностью и не навьюченный, но весьма довольный.

Когда советники правителя увидели, сколько сокровищ удалось утянуть шестерым проходимцам, они сказали правителю, что неплохо было бы облечь их властью и силой, чтобы облегчить драгоценную ношу на плечах этого ново-явленного Атланта. Правитель внял их совету и незамедлительно снарядил вооруженную погоню, чтобы перехватить Мошионе и его друзей. Однако Чуткоух услышал этот совет мудрецов и сообщил о нем своим друзьям. Они уже заметили столб пыли, поднимавшийся до небес от настигавшей их погони. Однако Взрыводуй, видя, что дело складывается не в их пользу, начал дуть с такой силой, что все преследователи сразу попадали на землю. Более того, их отнесло назад на целую милю. Их гнало и кружило, как осенние листья под порывами северного ветра.

Поэтому без особых препятствий Мошионе прибыл домой, где он разделил добычу между своими спутниками, поскольку, как говорится, доброму делу полагается заслуженная награда. Довольные и счастливые друзья Мошионе отправились восвояси, а он, тоже обогатившийся сверх меры, остался со своим отцом. «Ну и что, что я дурачок, — думал он, — не врет же пословица, которая говорит, что тем, у кого нет зубов, небо посылает нежные пирожные».

Спящая красавица

Давным-давно жили да были король с королевой, и, бывало, что ни день, то говаривали: «Ах, если бы у нас был ребенок!» — а детей у них все же не было.

И вот однажды, когда королева купалась, из воды на берег вылезла лягушка и сказала королеве:

— Твое желание будет исполнено: ранее истечения года у тебя родится дочка.

Что лягушка сказала, то и случилось: королева действительно родила дочку, которая была такая хорошенькая, что король себя не помнил от радости и затеял по этому поводу великолепный праздник.

Он пригласил на праздник не только своих родных, друзей и знакомых, но также и всех колдуний, чтобы они были к его ребенку добры и благосклонны. Этих колдуний в том королевстве было тринадцать, но так как у короля было только двенадцать золотых тарелочек, на которых им следовало подавать кушанья, то одну из них пришлось не приглашать.

Праздник был отпразднован великолепно, и, когда уж он заканчивался, колдуньи одарили ребенка разными чудесными дарами: одна — добродетелью, другая — красотой, третья — богатством и всем-всем, чего только можно было пожелать себе на земле.

Когда уже одиннадцать колдуний высказали свои пожелания, вдруг вошла тринадцатая. Она явилась отомстить королю с королевой за то, что ее не пригласили на праздник. И вот, никому не кланяясь и ни на кого не глядя, она громко крикнула:

— Королевна на пятнадцатом году уколется веретеном и тут же упадет замертво.

И не прибавив ни слова более, повернулась и вышла из зала. Все были этим страшно перепуганы. Но вот выступила

двенадцатая колдунья, которая еще не успела высказать своего пожелания, и так как она не могла отменить злого желания своей предшественницы, а была в состоянии лишь смягчить его, то она сказала:

— Королевна упадет, но не умрет, а погрузится только в глубокий, непробудный сон, который продлится сто лет.

Король, конечно, хотел оберечь свое дорогое дитяtko от предсказанной страшной беды, а потому издал такой указ, чтобы все веретена во всем его королевстве были сожжены.

А между тем дары колдуний стали мало-помалу проявляться в юной королевне: она была и прекрасна, и скромна, и ласкова, и разумна, так что приходилась по сердцу каждому, кто ее видел.

Случилось однажды (именно в тот день, когда ей стукнуло пятнадцать лет), что короля и королевы не было дома и королевна оставалась одна-одинешенька во всем замке. Вот и пошла она бродить повсюду, стала осматривать комнаты и всякие каморки, какие ей вздумалось, и наконец пришла к одной старой башне.

Поднявшись в эту башню по узенькой витой лестнице, она подошла к низенькой двери. В дверной скважине торчал ржавый ключ, и, когда она его повернула, дверь перед ней распахнулась, и увидела она там, в маленькой комнатке, старушoнoчку, которая усердно пряла лен, быстро поворачивая веретено между пальцев.

— Здравствуй, бабушка, — сказала королевна, — ты что тут поделываешь?

— А вот видишь, — пряду, — отвечала старушoнoчка и кивнула королевне головой.

— А что это за штучка такая, что так весело кружится? — спросила королевна, взяла в руки веретено и также захотела прясть.

Но едва только она коснулась веретена, как волшебное заклятие сбылось: королевна уколола себе палец веретеном и в тот же самый миг упала на кровать, стоявшую в этой маленькой комнатке, и погрузилась в глубокий сон.

Этот сон охватил весь замок: король и королева, которые только что вернулись домой и входили в зал, стали мало-помалу засыпать, заснули одновременно с ними и все их придворные. Заснули также и лошади в стойле, и собаки на дворе, и голуби на крыше, и мухи на стенах, и даже огонь, пылавший на очаге, как будто застыл, и жаркое, которое на огне жарилось, перестало шкворчать, и повар, ухвативший было поваренка за волосы за какую-то провинность, выпустил его волосы из руки и заснул.

И ветер тоже улегся, и на деревьях перед замком не шелестел ни один листок...

А вокруг замка стала мало-помалу вырастать непроницаемая густая изгородь из терновника, и каждый год поднималась она все выше и выше и наконец окружила весь замок и даже переросла его настолько, что не только замка из-за нее не стало видно, но даже и флага на крыше его.

Во всей окрестной стране шла, однако же, молва о спящей красавице королевне, которую прозвали Шиповничком. А потому от времени до времени наезжали королевичи и пытались сквозь ту изгородь проникнуть в замок.

Но это оказывалось невозможным, потому что терновник, переплетаясь, стоял сплошною стеною, и юноши, пытавшиеся сквозь него пробиться, цеплялись за него, не могли уже из него выпутаться и умирали напрасною смертью.

Много-много лет спустя пришел в ту сторону еще один королевич и услышал от одного старика рассказ об ограде из терновника и о том, что за этой оградой, должно быть, есть замок, в котором уже лет сто подряд лежит в глубоком сне дивная красавица королевна, прозванная Шипов-

ничком, а около нее, погруженные в такой же сон, спят и король, и королева, и весь их двор.

Старик слышал еще от своего деда, что многие королевичи приходили и пытались проникнуть сквозь терновую изгородь, что в ней застряли и встретили преждевременную смерть.

Но юноша сказал:

— Я этого не боюсь, я хочу туда пройти и хочу увидеть красавицу королевну.

И как ни отговаривал его старик, королевич не внимал его словам.

А тем временем минули сто лет, и наступил тот именно день, в который и надлежало Шиповничку очнуться от своего долгого сна.

Когда юный королевич подошел к изгороди, то вместо терновника увидел множество больших прекрасных цветов, которые сами собою раздвинулись настолько, что он мог пройти сквозь эту изгородь невредимый, а позади него они опять сомкнулись непроницаемой стеною.

Во дворе замка он увидел лошадей и гончих охотничьих собак, которые лежали и спали; на крыше сидели голуби, повернув головки под крылышки, и тоже спали. А когда он вступил в дом, там спали мухи на стене, повар на кухне все еще протягивал во сне руку к мальчишке, которого собирался ухватить за волосы, и служанка сидела сонная перед той черной курицей, которую предстояло ей ощипать.

Он пошел далее и увидел в зале всех придворных, спавших глубоким сном около короля и королевы, уснувших близ трона. Пошел он далее, и такая была тишина кругом, что он мог слышать собственное дыхание.

Наконец приблизился он к старой башне и отворил дверь маленькой каморки, в которой спала красавица королевна. И она показалась ему так хороша, что он от нее глаз оторвать не мог, наклонился к ней и поцеловал ее.

Чуть только уста его в поцелуе коснулись уст королевны, она раскрыла очи, проснулась и ласково глянула на королевича.

И сошли они с верха башни вниз рука об руку — и что же? И король очнулся ото сна, и королева, и все придворные их и с изумлением взглянули друг на друга. И лошади во дворе вскочили на ноги и стали отряхиваться. И собаки поднялись и стали махать хвостами. А голубки на крыше встрепнулись, оглянулись и полетели в поле. Ползали и мухи по стенам. И огонь в кухне вновь запылал и стал варить кушанье.

И жаркое зашкворчало на вертеле. И повар закатил здоровую
оплеуху поваренку, так что тот заревел. А служанка дочистила
черную курицу.

Тогда-то и была отпразднована свадьба королевича с кра-
савицей королевной, и жили они в полном довольствии до
самой кончины.

Александр Зик

ранц Леонард Александр Зик появился на свет в 1845 году в старинном немецком городе Кобленце, который был основан в месте слияния Рейна и Мозеля еще римлянами в I веке до нашей эры. Сама судьба повелевала юному Францу заняться живописью, ведь его отец, дед, прадед и даже прапрадед были художниками.

Основателем этой творческой династии был мастер фресковой живописи Иоганн Зик. Он жил в первой половине XVIII века и сначала работал кузнецом в мастерской своего отца. Однако у юного подмастерья рано пробудилась самой природой данная ему тяга к рисованию. В результате Иоганн стал брать уроки у художника Констанца Якоба Карла Стаудера. Прошло не так много времени, и талантливый юноша начал уже на равных работать вместе со своим наставником.

В 1728 году Иоганн Зик переехал со своей семьей в Мюнхен, где стал придворным художником герцога Иоганна Баварского. Вплоть до своей кончины в 1762 году Иоганн Зик расписывал капеллы и церкви в Розенхайме, Берхтесгадене, Вюрцбурге и других немецких городах. На потолке церкви Святого Мартина в городе Биберах-ан-дер-Рис можно рассмотреть фигуру босоногого мужчины средних лет в рубаше

с закатанными рукавами и в кожаных штанах до колен. Наверняка Александр Зик видел этот автопортрет своего знаменитого предка.

Когда Иоганну стукнуло двадцать восемь лет, у него в Мюнхене родился сын. Мальчика назвали Януариусом. Он пошел по стопам своего отца, который вначале лично давал ему уроки рисования. Однако вскоре живописи Януариусу показалось мало, и он начал изучать строительное дело. В 1756 году он приехал в Париж, где познакомился со многими итальянскими и французскими мастерами живописи. После возвращения в Германию Януариус продолжил заниматься фресками и под конец жизни снискал себе заслуженную славу одного из ведущих мастеров позднего барокко. Судьба ему благоволила. Он не только получил должность придворного художника трирских курфюрстов, но и был счастлив в браке — женился на Анне Марии Грубер и стал отцом четырнадцати детей. Одним из его отпрысков был Конрад Зик, который тоже со временем стал известным художником. Он рисовал пейзажи, был хорошим портретистом и много преподавал — давал частные уроки и вел курс живописи в Королевской школе Кобленца. Его сын Петер Густав, тоже художник, и стал отцом Александра Зика.

Имея за плечами столь славную плеяду известных живописцев, в выборе занятий Александр не колебался. Впрочем, вначале он попробовал свои силы, занявшись ваянием, — изучал скульптурное дело в Королевской академии художеств в Дюссельдорфе у знаменитого Августа Виттига, который долго жил и работал в Риме. Однако живопись все же возобладала.

Когда Александру исполнилось девятнадцать, он по примеру своего прадеда отправился в Париж, где начал заниматься в студии известного французского художника Кабанеля. Тот был классическим «академистом» — писал большие полотна на античные и библейские темы вроде «Рождения

*Александр Зик. Остготы.
Последний бой при Монс-Лактариус. 1890*

Венеры», «Смерти Моисея» или «Христа перед судьями». Такие работы покупали самые высокопоставленные и состоятельные заказчики вроде Наполеона III. Александр Зик в полной мере овладел этой прочной академической основой живописи. Однако наряду с классическими полотнами Кабаделя на знаменитых парижских выставках того времени уже выставлялись совершенно другие работы (вроде «Завтрака на траве» Эдуара Мане), и Александр Зик остро ощущал свежесть этой первой волны импрессионизма.

Вернувшись в Германию в 1870 году, он некоторое время писал классические полотна на исторические темы, однако в конце концов окончательно порвал с академизмом и занялся иллюстрациями. На этом поприще он и снискал себе заслу-

Обложка немецкого издания сказок для детей
в иллюстрациях Александра Зика. 1890 г.

Александр Зик. Убийца драконов. 1899

женную славу. Его талантливые работы появлялись в семейных и молодежных журналах, он выполнял рисунки и к сказкам, и к «Фаусту» Гёте.

В отличие от своих прославленных предков Александр Зик чурался публичности. О его личной жизни почти ничего не известно. Художник скончался 10 ноября 1907 года в Берлине, оставив после себя множество рисунков — живых, красочных и выполненных на самом высоком профессиональном уровне.

Содержание

Золотой ключ (<i>Братья Гримм</i>)	6
Гензель и Гретель (<i>Братья Гримм</i>)	6
Человек на Луне (<i>Людвиг Бехштейн</i>)	18
Перчинка (<i>Людвиг Бехштейн</i>)	19
Бременские уличные музыканты (<i>Братья Гримм</i>)	22
Три желания (<i>Иоганн Петер Гебель</i>)	26
Красная Шапочка (<i>Братья Гримм</i>)	29
Белоснежка (<i>Братья Гримм</i>)	33
Заяц и еж (<i>Братья Гримм</i>)	46
Золушка (<i>Братья Гримм</i>)	51
Курочка и петушок (<i>Братья Гримм</i>)	62
Счастливчик Ганс (<i>Братья Гримм</i>)	64
О рыбаке и его жене (<i>Братья Гримм</i>)	72
Затейник Вицель (<i>Клеменс Брентано</i>)	83
Столик-сам-накройся, золотой осел и дубинка из мешка (<i>Клеменс Брентано</i>)	95
Золотая дочка (<i>Рихард фон Фолкман-Леандер</i>)	111
Соломинка, уголек и боб (<i>Братья Гримм</i>)	116
Три сестры (<i>Братья Гримм</i>)	119
Беляночка и Розочка (<i>Братья Гримм</i>)	135
Сброд оборванцев (<i>Братья Гримм</i>)	145
Лесной дом (<i>Братья Гримм</i>)	148
Мальчик-с-пальчик (<i>Людвиг Бехштейн</i>)	155
Храбрый портняжка (<i>Братья Гримм</i>)	162
Карлик Нос (<i>Вильгельм Гауф</i>)	175
Дурачок (<i>Джамбаттиста Базиле</i>)	211
Спящая красавица (<i>Братья Гримм</i>)	219
С. Ю. Афонькин. Александр Зик	226т

Немецкие волшебные сказки в иллюстрациях Александра Зика

Ответственный за выпуск
С. Раделов

Дизайн обложки,
обработка иллюстраций,
верстка
А. Яскевич

Подготовка к печати
А. Яскевич

Сдано в печать 01.11.2021
Объем 14,5 печ. листов
Тираж 10 000 экз.
Заказ № 6959/21

Бумага матовая мелованная
HannoArt Bulk

ООО СЗКЭО
Телефон в Санкт-Петербурге: +7 (812) 365-40-44
E-mail: knigi@szko.ru
Интернет-магазин: www.szko.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт»,
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А,
www.pareto-print.ru

Немецкие народные сказки — это неотъемлемая часть европейской культуры. Храбрый портняжка, Гензель и Гретель, Бременские музыканты, Красная Шапочка, Золушка — персонажей этих сказок знают и любят дети и взрослые во многих странах мира. Другие герои и сказки этого сборника менее известны, но тем они и интересны. Перлы народного творчества кропотливо собирали и записывали люди разных взглядов, убеждений и профессий. Это немецкие лингвисты братья Вильгельм и Якоб Гримм, немецкий писатель Людвиг Бехштейн, писатели и педагоги Иоганн Петер Гебель и

Клеменс Брентано, военный врач и писатель Рихард фон Фолькман-Леандер, знаменитый немецкий сказочник Вильгельм Гауф, неаполитанский поэт и писатель Джамбаттиста Базиле — первый в истории европейской литературы составитель двухтомного фольклорного сборника «Сказка сказок» (1634, 1636).

Особое очарование и уникальность данному сборнику придают цветные рисунки признанного мастера книжной иллюстрации — немецкого художника Александра Зика (1845–1907). Будущий живописец родился в старинном немецком городе Кобленце. Сама судьба повелевала ему заняться живописью, ведь его отец, дед, прадед и даже прапрадед были художниками. Основателем этой творческой династии был мастер фресковой живописи Иоганн Зик. На потолке церкви Святого Мартина в городе Биберах-ан-дер-Рис можно рассмотреть фигуру босоногого мужчины средних лет в рубаше с закатанными рукавами и в кожаных штанах до колен. Наверняка Александр Зик видел этот автопортрет своего знаменитого предка. Когда Александру исполнилось девятнадцать, он по примеру своего прадеда отправился в Париж, где начал заниматься в студии известного французского художника Кабаделя. Тот был классическим «академистом» — писал большие полотна на античные и библейские сюжеты вроде «Рождения Венеры» или «Христа перед судьями». Александр Зик в полной мере овладел этой прочной академической основой живописи. Однако наряду с классическими полотнами на знаменитых парижских выставках того времени уже выставлялись совершенно другие работы (вроде скандальной картины Эдуара Мане «Завтрак на траве»), и Александр Зик остро ощущал свежесть этой первой волны импрессионизма. Вернувшись в Германию в 1870 г., он некоторое время писал классические полотна на исторические темы, однако в конце концов окончательно порвал с академизмом и занялся иллюстрациями. На этом поприще он снискал себе заслуженную славу. Александр Зик чурался публичности. О его личной жизни почти ничего не известно. Художник скончался 10 ноября 1907 г. в Берлине, оставив миру множество рисунков — живых, красочных, выполненных на самом высоком профессиональном уровне.

ISBN 978-5-9603-0650-8

9 785960 306508 >

